26,89(2)
K 84
~~4310~~

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

45864

16.

1941

٢٠٤٠

91(47.21)1572
30
26.89(2)
91(47)
К84
4310
57

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

АСТРАХАНСКІЙ КРАЙ.

Перерегистрация 1936 г.

СОСТАВИЛА

С. К. Круковская.

Инв. № 45867

45867

Цѣна **60** коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ „ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО МАГАЗИНА“.
1904.

91
157

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 ноября, 1903 г.

Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., 34.

Оглавленіе.

стр.

Глава I. Отъѣздъ изъ Петербурга.—Царицынъ.—Волга.—Владиміровка.—Черный Яръ.—Кремль и соборъ.—Улицы Астрахани.—Персы. . . . . 1— 28

II. Исады.—Коса.—Валы.—Климатъ.—Внѣшній видъ города. — Учебныя заведенія. — Мусульманскія бани.—Нобелевскій городокъ. . . . . 29— 52

III. Кочевники.—Царство Золотой Орды —Завоеваніе Астрахани. — Кремль. — Успенскій соборъ. — Стенька Разинъ въ Астрахани. — Убіеніе Митрополита Іосифа.—Историческіе предметы собора.—Свадебный бунтъ.—Посѣщеніе Астрахани Петромъ Великимъ.—Шареный бугоръ.—Развалины Сарая. 53— 66

IV. Аулъ.—Татарскій домъ.—Татарки. — Свадьба.—Пища. Постъ.—Праздники. — Виноградникъ.—Чигирь — Ильмень. — Мечеть. — Грамотность татаръ.—Лунная ночь въ Астрахани. . . . . 66— 88

V. Калмыцкій базаръ.—Внутренній видъ кибитки.—Скачки.—Хурулъ.—Калмыцкая степь.—Скотоводство. — Пища калмыка. — Калмыцкіе обычаи.—Свадьба.—Похороны. . . . . 89—113

VI. Киргизская степь.—Песчаные барханы. — Степь лѣтомъ и зимой.—Ханская ставка.—Киргизская зимовка и кибитка.—Киргизъ и киргизка.—Пирушка киргизовъ.—Киргизская лошадь.—Свадьба и похороны у киргизовъ. . . . . 114—154

VII. Соляныя озера.—Баскунчакъ.—Разработка соли.—Гора Чипчачи. — Тинакское грязевое озеро.—Рыбная ватага. — Вобла и бѣшенка. — Работа на тоняхъ.—Рыбачій станъ.—Вольные ловцы.—Работа на плоту.—«Рѣзалки».— Икра. — Посолъ рыбы.—Внутри выхода.—Жизнь на ватагахъ. . 155—198

VIII. Дельта Волги.—Камыши и ихъ населеніе.—Устье Волги.—Бирючья Коса.—12 футъ. . . . . 199—205

При составленіи книги «Астраханскій край» я пользовалась вспомогательными матеріалами изъ слѣдующихъ источниковъ:

1. Брэмъ. Отъ полюса до экватора.

2. Волга отъ Твери до Астрахани. Изд. Общ. «Самолетъ». 60-хъ годовъ.

3. Марковъ. По средней Азіи и Волгѣ.

4. А. Н. Молчановъ. На рыбныхъ промыслахъ въ Астрахани.

5. Немировичъ-Данченко. По Волгѣ.

6. Рыбная ловля въ моряхъ и рѣкахъ. Изд. Д. В. Григоровичъ.

7. Сидоровъ. По Россіи. Путевыя замѣтки.

8. Ал. Харузинъ. Степные очерки.

9. Штыльке. Путеводитель по Астрахани и Астраханскій край.

I.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Царицынъ.—Волга.—Владиміровка.—Черный Яръ.—Кремль и соборъ.—Улицы Астрахани.—Персы

Пріѣзжайте къ намъ на осень, писали мнѣ изъ Астрахани,—уже поспѣлъ виноградъ и всякихъ плодовъ земныхъ изобиліе. Жара спала, и близится лучшее у насъ время—осень, не сырая, дождливая, съ низкими сѣрыми тучами и моросящимъ небомъ, какъ у васъ въ Питерѣ, а сухая, теплая,—настоящая благодать.

И я собралась въ Астрахань. Свободнымъ временемъ я располагала не болѣе мѣсяца и потому выбрала путь на г. Царицынъ Саратовской губ., а не поѣхала по всей Волгѣ отъ Твери или

Рыбинска, что несравненно интереснѣе, въ особенности весной *).

Въ три дня машина перенесла меня съ далекаго сѣвера на благодатный югъ. Незамѣтно пролетѣли полторы тысячи верстъ, отдѣляющія невскую столицу отъ г. Царицына. За эти три дня въ окнахъ вагона промелькнули болотистые пейзажи новгородскіе и тверскіе, холмистые московскіе и рязанскіе, лѣсистые тамбовскіе, степные небольшаго уголка области Войска Донскаго и наконецъ волжскіе, саратовскіе. Вотъ уже по желѣзной дорогѣ, идущей изъ Царицына, потянулись знакомые нефтяные вагоны-цистерны съ керосиномъ изъ Баку **), вотъ уже показались бахчи, т. е. поля съ арбузами, и вдали на горизонтѣ серебристой полосой протянулась кормилица Волга, съ которой у меня связано столько воспоминаній дѣтства. Въ день моего отъѣзда изъ Петербурга было сыро, моросило, улицы выглядѣли сѣрыми и грязными и на всемъ: на небѣ, на домахъ, на людяхъ лежалъ сѣрый отпечатокъ. Здѣсь же въ Царицынѣ чувствовалось еще горячее дыханіе лѣта и, несмотря на утро,

---

*) Теперь рѣшена постройка Астраханской желѣзной дороги, по лѣвому берегу Волги, такъ что Астрахань наконецъ-то будетъ связана съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ; это подниметъ еще больше ея торговлю, такъ какъ зимой, когда замерзала Волга, товары всѣ перевозились сухопутьемъ (четыреста съ лишнимъ верстъ).

**) Желѣзныя бочки на колесахъ, перевозящія керосинъ.

порядочно парило. Съ густого темно-синяго безоблачнаго неба лились ослѣпительно яркіе, жгучіе лучи солнца.

На вокзалѣ въ Царицынѣ я сѣла на тряскіе мѣстные дрожки и поѣхала на Волжскую пристань; отсюда каждый день отправляются пароходы внизъ и вверхъ по Волгѣ. Зная по росписанію, что сегодня отойдетъ внизъ къ Астрахани пароходъ лучшаго волжскаго общества „Кавказъ и Меркурій“, я велѣла везти себя на пристань.

Царицынъ—большой торговый городъ, растущій, но еще не выросшій, не достигшій полнаго развитія. Наряду съ избушками на курьихъ ножкахъ, съ покосившимися молчаливыми домишками возвышаются двухъ-трехъэтажные каменные дома мѣстныхъ богачей купцовъ. Царицынъ—это складочное мѣсто товаровъ: соли, рыбы, нефти, привозимыхъ внизъ по Волгѣ и по Каспійскому морю изъ Астрахани, или хлѣба, отправляющагося туда же изъ сѣверныхъ губерній; здѣсь много конторъ и агентствъ торговыхъ фирмъ, это городъ будущаго, представляющій въ настоящее время полный хаосъ. Около богатыхъ домовъ съ зеркальными окнами въ магазинахъ нижняго этажа встрѣчаются тротуары, а тутъ же рядомъ—не положено и доски; на каждомъ шагу—полное неустройство и неблагообразіе. Чувствуется, что начато что-то грандіозное, но будетъ ли оно дове-

дено до конца или остановится на полпути и убогія лачуги останутся навсегда сосѣдями роскошныхъ домовъ — покажетъ будущее. На площадяхъ—грязь, большинство улицъ не вымощено и при малѣйшемъ вѣтрѣ васъ обдаетъ мелкою пылью, которая такъ свойственна всѣмъ неблагоустроеннымъ городамъ Поволжья.

Царицынъ расположенъ на правомъ возвышенномъ берегу Волги, и извозчики подъѣзжаютъ не къ самимъ пристанямъ, куда нѣтъ спуска для экипажей. Подъѣхавъ къ берегу, приходится спускаться по деревяннымъ довольно неудобнымъ лѣстницамъ, которыя прерываются небольшими площадками—уступами. На этихъ площадкахъ стоятъ торговцы или торговки съ лотками съ фруктами и съ булками. А вотъ и Волга! широкая раздольная Волга, чисто русская рѣка! Отъ нея вѣетъ спокойствіемъ и удалью русскаго богатыря.

Противоположный низменный берегъ теряется вдали; внизу на этомъ берегу пристани разныхъ пароходныхъ обществъ, а дальше склады соли, средне-азіатскаго хлопка и сѣрыя башни нобелевскаго керосина и нефти. Изъ баржъ и пароходовъ гигантскіе насосы прямо перекачиваютъ керосинъ и нефть наверхъ въ желѣзныя башни. Тысячи людей работаютъ и снуютъ на пристаняхъ. Около берега тѣснятся суда, свистки паро-

Енотаевскъ. Съ фотографіи М. Дмитріева.

ходовъ наполняютъ воздухъ, по всѣмъ направленіямъ скользятъ лодки рыболововъ... Шумъ и движеніе всюду... Послѣ Петербурга и петербургскихъ набережныхъ съ ихъ нагрузкой и иностранными судами, здѣсь чувствуется Россія, югъ, и пріятное чувство родины охватываетъ человѣка.

Волжскіе пассажирскіе пароходы славятся своими удобствами. Пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій», на которомъ расположилась я, трехэтажный рѣчной гигантъ, настоящій плавучій домъ, съ огромными трубами, съ двумя рядами оконъ. Верхняя палуба опоясываетъ пароходъ ввидѣ галлереи. Это прекрасное мѣсто для прогулки и отдыха; верхъ галлереи затягивается парусиной во время жаровъ, а послѣ обѣда открывается; по бокамъ ея всюду столики и диванчики для сидѣнія; тутъ желающіе пьютъ чай и обѣдаютъ, тутъ читаютъ или любуются разстилающимися передъ глазами видами Волги.

Къ полудню духота была невыносимая, парило какъ изъ печки, надъ городомъ стояла ѣдкая мелкая пыль—бичъ волжскихъ городовъ, носилась въ воздухѣ и закутывала городъ. Вѣтерокъ съ Волги мало освѣжалъ и купанье нисколько не помогло. По небу поднимались и громоздились бѣлыя грозовыя облака, напоминающія фантастическія башни, и не успѣлъ пароходъ отъѣхать отъ города, какъ надъ нимъ разразилась

гроза. Молніи, какъ огромныя змѣевидныя ленты, бороздили небо по всѣмъ направленіямъ и ярко вспыхивали, такъ что темные берега ярко освѣщались до малѣйшей подробности, до желтизны песка, лишеннаго всякой растительности.

Мало-по-малу гроза осталась далеко позади насъ и мы спокойно поплыли впередъ на нашемъ гигантѣ. За ночь мы отъѣхали довольно далеко, такъ какъ плыли внизъ по теченію. Остановокъ не было ни одной, и только густые басистые возгласы нашей пароходной трубы, подающей з встрѣчнымъ пароходамъ, нарушали тишину.

Берега отъ Царицына до Астрахани низменны, глинисто-песчаны, не оживлены растительностью и производятъ крайне безотрадное впечатлѣніе. Горы праваго берега мало по малу отошли отъ Волги и исчезли въ знойной степи, и Волга потекла между низкими песчаными берегами. Вскорѣ за Царицынымъ она распадается на массу протоковъ-волжекъ, маленькихъ каналовъ, называемыхъ ериками, и затоновъ-заливовъ. Тутъ она образуетъ безчисленные, ярко-зеленые, болотистые и лѣсистые островки. За этими островками прячутся берега самой коренной Волги.

Никакого поселенія не увидишь на безжизненныхъ безлюдныхъ берегахъ самой Волги, и только кое-гдѣ на низменныхъ островкахъ мелькаютъ избушки рыболововъ. На желтыхъ от-

Буксирный пароходъ и нефтяная баржа. Съ фотографіи М. Дмитріева.

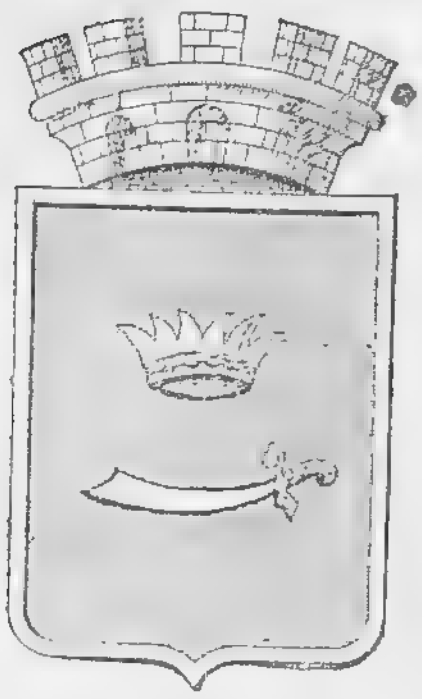
мелях хлопочутъ заботливые бакланы и важно сидятъ бабы-птицы да изрѣдка при устьѣ какого нибудь „воложка“ попадаются рыбацкія ватаги.

Огромный просторъ Волги поражаетъ своей грандіозностью, своей мощью, но не оживленностью. Только изрѣдка встрѣтится такой же рѣчной пароходъ-гигантъ и привѣтомъ ознаменуетъ свою встрѣчу: ревъ эхомъ раскатится по берегамъ и далеко замретъ въ воздухѣ. Но вотъ онъ прошелъ, оставивъ за собой длинную полоску сѣраго дыма, и снова безграничный, безлюдный просторъ. Иногда мы перегоняемъ буксирный пароходъ, тянущій за собой цѣлый рядъ баржъ, то изрѣдка заблещетъ вдали парусъ лодки-душегубки.

Безжизненный съ виду и обездоленный край навѣваетъ меланхолію; однообразный, неинтересный пейзажъ, лишенный красокъ и звуковъ, нагоняетъ тоску. Кругомъ безлюдно и мертво. Огромная величественная Волга медленно катитъ свои желтоватыя волны, отливающія перламутромъ. Это пятна нефти (керосина), утекающей изъ баржи, онѣ портятъ цвѣтъ воды и придаютъ ей непріятный видъ.

На разсвѣтѣ добрались мы до небольшаго селенія Владиміровки. Рядъ небольшихъ домиковъ на возвышенномъ песчаномъ берегу, чахлая растительность, бѣлоснѣжныя или буровато-сѣрыя кучи соли, сложенныя тамъ же, и вереница ва-

гоновъ указываютъ, что это складочное мѣсто соли, соляная пристань. И дѣйствительно отъ Владиміровки идетъ желѣзная дорога къ Баскунчакскому озеру, огромному мѣсторожденію соли. Обширная мельница перемалываетъ на берегу соль и нагружаетъ ее прямо на баржи и пароходы.



Гербъ Астрахани.

Не успѣлъ пароходъ причалить къ пристани, какъ пассажиры спустились по трапу и стали покупать булки и молоко у бабъ, которыя стояли со снѣдью тутъ же на берегу, въ ожиданіи парохода. Сейчасъ же началась нагрузка парохода. Тяжести таскали съ берега женщины и надо было удивляться ловкости и быстротѣ нагрузчицъ и ихъ веселымъ оживленнымъ перекличкамъ. Тутъ царитъ женскій трудъ, какъ и на многихъ волжскихъ пристаняхъ.

Памятн. Импер. Александру II.

Остановка во Владиміровкѣ непродолжительная и черезъ полчаса нашъ гигантъ продолжалъ путь. Интересно изъ Владиміровки отправиться въ степь, къ озеру, но мнѣ не удалось сдѣлать этого путешествія.

Снова потянулись тѣ же убійственно безжиз-

Сплавщики бѣлянъ. Съ фот. М. Дмитріева.

ненные виды низкихъ песчаныхъ береговъ. Со скуки отправляешься на нижнюю палубу; тамъ на полу, среди тюковъ товаровъ, якорныхъ цѣпей и канатовъ расположилась кучка мужиковъ и бабъ. Кто вытянулся на полу, кто мирно разговариваетъ или вполголоса распѣваетъ пѣсни. Тутъ услышишь разсказы бывалыхъ людей о селеніяхъ, станицахъ и ватагахъ, что раскинулись по многочисленнымъ островамъ Волги, и даже легенды и преданія о волжскихъ богатыряхъ и разбойникахъ. Пробираешься дальше къ машинѣ; она прикрыта стекляннымъ колпакомъ для сохранности и ея блестящіе рычаги, шатуны и поршни поражаютъ своими грандіозными размѣрами. Это сердце нашего гиганта, здѣсь вырабатывается та сила, которая толкаетъ нашъ пароходъ впередъ. Около печки возится кочегаръ, подкладывая дрова въ огненную пасть чудовища *), тутъ же вертится среди огромныхъ вращающихся гигантовъ —поршней „масленщикъ“, высматривая, не нуждается ли который изъ нихъ въ смазкѣ. Темные фигуры людей мелькаютъ среди гигантскихъ, безшумно вертящихся, поднимающихся и отпускающихся рычаговъ и кажутся ничтожными въ сравненіи съ огромной машиной, которою они управляютъ и которую заставляютъ работать на себя. На па-

*) Въ настоящее время большинство пароходовъ отопляется нефтянными остатками.

лубѣ свѣтъ, просторъ, свѣжій воздухъ, а здѣсь, въ машинномъ отдѣленіи—полутьма, нестерпимая жара, и жалко становится этихъ незамѣтныхъ труженниковъ, обреченныхъ, подобно кротамъ, на работу въ глухомъ темномъ подземельѣ. Невольно сравниваешь свое привелигированное положеніе отдыхающаго пассажира съ неустанной работой этихъ труженниковъ, отъ бдительности которыхъ зависитъ наша судьба на пароходѣ.

Но вотъ на крутомъ обрывистомъ яру показался Черный Яръ—одинъ изъ убогихъ уѣздныхъ городковъ Россіи. Съ Волги самого города не видно, онъ выстроенъ дальше, прячется за яромъ, потому что правый берегъ постоянно подмывается. Черный Яръ не разъ переносился на новое мѣсто дальше отъ рѣки, но и теперь Волга продолжаетъ подмывать берегъ. Первобытный видъ пристани на берегу, жалкіе домишки на горѣ, безъ малѣйшей зелени, и отсутствіе какихъ-либо удобствъ, лѣстницъ на гору для пассажировъ, а также и отсутствіе извощиковъ, не говорятъ о благосостояніи городка. Только обиліе арбузовъ на берегу указываетъ на одно изъ занятій мѣстныхъ жителей, и дѣйствительно Черный Яръ является однимъ изъ главныхъ поставщиковъ арбузовъ.

Такое же невзрачное впечатлѣніе производитъ и Енотаевскъ, другой уѣздный городъ Астрахан-

ской губерніи, который также стоитъ на голомъ глинистомъ яру. Скукой и безжизненностью вѣетъ отъ этихъ несчастныхъ захолустныхъ городковъ.

Всюду мы останавливаемся на самое короткое время, пассажиры немногочисленны, да и кладью эти города не богаты. Иногда изъ рѣдкихъ казачьихъ станицъ или рыбныхъ ватагъ къ пароходу направляются пассажиры въ лодкѣ. Пароходъ замедляетъ ходъ и останавливается посреди Волги, замѣтивъ подъѣзжающую лодку, съ которой ему даютъ знаки. Въ одинъ мигъ подлетаетъ къ нему, какъ на крыльяхъ, длинная лодка. Съ парохода гребцамъ швыряютъ канатъ, на лету тѣ перехватываютъ его, хотя волны такъ и вертятъ лодку и бросаютъ ее съ гребня на гребень. Иной разъ конецъ каната летитъ прямо, и не успѣетъ долетѣть канатъ, какъ гребецъ перехватитъ его и моментально причалитъ къ пароходу. Съ парохода спускаютъ лѣстницу-трапъ и пассажиръ входитъ на пароходъ. Моментально блеститъ въ воздухѣ окованное желѣзомъ рулевое весло, еще минута—и лодка ужъ, какъ разыгравшаяся птица, летитъ по верхушкамъ волнъ обратно къ берегу.

Чѣмъ ближе къ Астрахани, тѣмъ селенія становятся чаще, правда, низменные берега, спускающіеся почти до самой рѣки, отличаются все тѣмъ же безплодіемъ, тѣ же сыпучіе золотистые

пески, покрытые рѣдкой травой, тянутся на необозримое пространство. Зеленая растительность встрѣчается только на островахъ, поросшихъ тальниковымъ лѣсомъ, но присутствіе селеній, станицъ и ватагъ придаетъ берегамъ нѣкоторую жизнь. Сама Волга становится все шире и шире, безчисленное количество новыхъ протоковъ отдѣляются ею все чаще съ обѣихъ сторонъ. Мы ѣдемъ въ началѣ августа, когда Волга уже обмелѣла и сузилась въ берегахъ; всюду длинными языками и песчаными островками лежатъ желтыя мели. «Осимь, осимь съ па-ла-ви-ной, семь», постояно раздается съ носу голосъ матроса, промѣряющаго длиннымъ шестомъ глубину фарватера *), чтобы пароходъ не сѣлъ на подводную мель. Но кто бывалъ на Волгѣ весной, а въ особенности въ нижнемъ его плесѣ **) отъ Царицына до Астрахани, тотъ поражался ея многоводіемъ, ея широкимъ раздольемъ. Тогда она разливается на нѣсколько десятковъ верстъ (тридцать—сорокъ верстъ), такъ что не видно береговъ, и напоминаетъ собой настоящее море. Всюду затопленный лѣсъ. Деревья, растущія на берегу, главнымъ образомъ огромныя ветлы изъ породы ивовыхъ, торчатъ изъ воды цѣлыми ро-

*) Фарватеръ—та полоса рѣки, гдѣ глубина и теченіе самое большое.

**) Плесъ—теченіе.

щами, покрыты ею почти до самой верхушки, какъ бы плаваютъ въ ней. Половодье очень мѣняетъ русло Волги и пароходъ безпрепятственно ѣдетъ по ея широкому раздолью, тамъ гдѣ лѣтомъ торчатъ одни мели, «перекаты» по волжскому, песчаные косы и островки.

Недалеко отъ Астрахани, на правомъ берегу, посреди небольшого селенія обращаетъ на себя вниманіе постройка съ остроконечной крышей и приподнятыми краями. Это калмыцкое становище—Калмыцкій Базаръ, съ калмыцкимъ хуруломъ—храмомъ. Уже верстъ за тридцать отъ Астрахани вдругъ словно изъ воды выплываетъ надъ невидимымъ еще городомъ куполъ Астраханскаго собора съ пятью главами, одинъ изъ древнѣйшихъ соборовъ Поволожья. Вотъ и Балда, самый восточный судоходный рукавъ Волги, недалеко отъ Астрахани. Здѣсь лѣсная биржа, здѣсь идетъ безпрерывная разгрузка бѣлянъ *), барокъ и парусныхъ судовъ съ дровами и лѣсомъ.

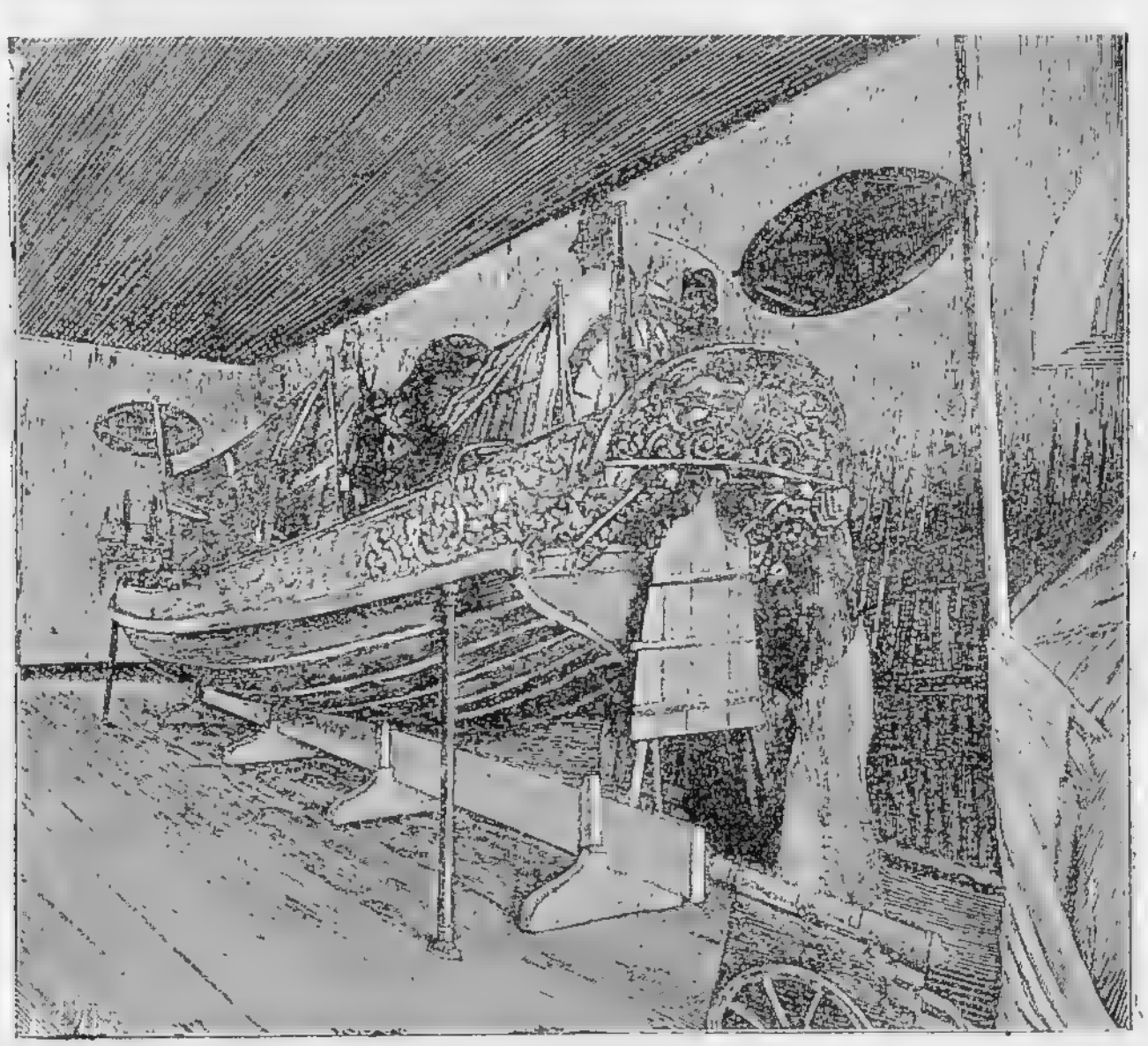
Было шесть часовъ пополудни, когда мы подъѣзжали къ Астрахани. Астраханскій рейдъ съ безчисленными караванами барокъ и пароходовъ, съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ, пароходныхъ трубъ, съ разноцвѣтными флагами и снастями очень кра-

*) Бѣляна—судно, въ которомъ сплавляются изъ верхнихъ волжскихъ губерній лѣсные матеріалы въ безлѣсную Астрахань. По прибытіи на мѣсто бѣляна ломается на дрова и на постройки.

Персы грузчики на пароходныхъ пристаняхъ.

Инв. [redacted] 45867

сивъ и оживленъ и указываетъ на торговое значеніе Астрахани. Волга тутъ красива, многоводна, множество бѣлыхъ парусовъ на небольшихъ лодочкахъ-рыбницахъ, какъ бѣлыя чайки, мелькаютъ по всѣмъ направленіямъ среди залитаго яр-



Плезиръ—яхта Петра I.

кимъ солнцемъ темно-синяго неба. Всюду снуютъ буксирные пароходы, за ними ползутъ десятками баржи, нагруженныя сухой и вяленой рыбой. Запахъ отъ рыбы носится въ воздухѣ. «Пароходныя трубы отчаянно свистятъ и перекликаются другъ

съ другомъ и желѣзныя громады, кто о двухъ, кто объ одной трубѣ, передвигаются и поворачиваются въ этой живой тѣснотѣ, точно и въ самомъ дѣлѣ живые. Красота, жизнь, движеніе, какое рѣдко гдѣ увидишь!» говоритъ объ астраханскомъ рейдѣ одинъ путешественникъ.

Городъ расположенъ на лѣвомъ низкомъ берегу Волги и со своимъ высокимъ бѣлокаменнымъ соборомъ производитъ издали болѣе величественное впечатлѣніе, чѣмъ вблизи. Вблизи поражаетъ неряшливость этого восточнаго сосѣда Персіи, отсутствіе зелени и пыль, носящаяся въ воздухѣ. Наиболѣе красивая пристань общества «Кавказъ и Меркурій» расположена въ порту, самомъ зеленомъ уголкѣ Астрахани. Портъ заложенъ еще рукой Петра Великаго въ 1722 г. и тутъ же, въ густой зелени, въ небольшомъ домикѣ его имени, хранятся плезиръ-яхта и верейка (лодка) императора *). Портъ весь въ зелени и напоминаетъ паркъ. Въ настоящее время въ порту расположены механическій заводъ, ремонтныя мастерскія квартиры служащихъ, а его тѣнистыя аллеи съ вѣковыми пирамидальными тополями и огромными ветлами недавно еще были излюбленнымъ мѣстомъ для лѣтней прогулки астраханцевъ.

На пристани въ Астрахани прежде всего бро-

*) На Плезиръ-яхтѣ Петръ I объѣзжалъ окрестности города. Она была нарядна, украшена замысловатой рѣзьбой и выкрашена.

саются въ глаза персы, мѣстные грузчики. Полуобнаженные до пояса, въ однихъ холщевыхъ панталонахъ, босые, съ небольшой ермолкой на макушкѣ выбритой головы, они съ невозмутимымъ спокойствіемъ таскаютъ огромныя тяжести. Ихъ худощавыя, стройныя, загорѣлыя, какъ будто обугленныя, тѣла блестятъ и лоснятся подъ яркимъ ослѣпительнымъ солнцемъ; потъ струится съ ихъ лба, но они безучастно таскаютъ кладь, какъ настоящія вьючныя животныя. Неприхотливые въ пищѣ и нетребовательные въ платѣ— они довольствуются горстью риса, любимымъ своимъ блюдомъ; отдыхаютъ днемъ тутъ же подъ горячимъ небомъ. Вслѣдствіе ихъ нетребовательности имъ отдаютъ предпочтеніе передъ русскими. Персъ-нагрузчикъ, *амбала* по мѣстному, вытѣсняетъ русскихъ въ этой области труда, по крайней мѣрѣ въ Астрахани.

Извозчики-татары въ теплыхъ бараньихъ шапкахъ, словно среди зимы, ждутъ сѣдоковъ тутъ же на пристани около тріумфальной арки. Эта довольно красивая арка воздвигнута астраханцами въ 1871 г. въ память посѣщенія Астрахани Императоромъ Александромъ II.

Мы садимся на узкія двумѣстныя не совсѣмъ удобныя дрожки и въѣзжаемъ въ городъ. Главныя улицы Астрахани вымощены булыжникомъ, но это довольно тряская и неудобная мостовая.

Былъ вѣтреный день — довольно обыкновенное явленіе въ Астрахани—и по городу носились цѣлыя тучи пыли. Пыль кружилась въ воздухѣ, забивалась въ носъ и ротъ прохожаго и проѣзжаго, душила и обжигала.

Мы миновали садъ,—бульваръ, расположенный у стѣнъ кремля, и подъѣхали къ собору. Весной, когда распускаются акаціи и сирень, пряный ароматный запахъ ихъ наполняетъ воздухъ, теперь же, въ августѣ — довольно густая зелень сада посѣрѣла и потускнѣла отъ пыли. Кремль, окруженный древней зубчатой стѣной, интересенъ, какъ всякая старина. Онъ стоитъ на одномъ изъ четырехъ бугровъ, —возвышенностей, на которыхъ раскинулась Астрахань. Его древнія стѣны съ старинными башнями мѣстами облупились и потрескались и грозятъ паденіемъ, но ихъ поддерживаютъ и сохраняютъ. Бѣлыя стѣны его безпощадно слѣпятъ глаза и отражаютъ жгучіе солнечные лучи, когда вы проходите мимо. (Въ Кремлѣ помѣщается въ настоящее время соборъ, домъ архіерея, военный госпиталь и казармы мѣстнаго гарнизона). Кремль—сооруженіе XVI вѣка и много видѣлъ на своемъ вѣку.

Улица, идущая отъ Кремля къ востоку, ведетъ въ центръ города, въ бывшій Бѣлый городъ, какъ онъ назывался въ старину. Здѣсь старин-

ный гостиный дворъ, лучшіе магазины города, присутственныя мѣста, домъ губернатора, зданіе мужской гимназіи. Площадь противъ дома губернатора превращена въ тѣнистый садъ съ памятникомъ Императору Александру II, съ хорошенькимъ павильономъ, съ краснымъ цвѣтникомъ и фонтаномъ.

Старинный гостиный дворъ устроенъ очень интересно: это рядъ полутемныхъ, прохладныхъ палатокъ, выходящихъ въ крытый каменный коридоръ. Здѣсь въ этихъ палаткахъ въ старину велась торговля съ киргизами, калмыками, хивинцами, туркменами. Кочевники не любятъ европейскихъ магазиновъ. Забравшись же въ полутемныя азіатскія лавки, они проводятъ за покупками цѣлые часы, привязавъ на улицѣ своихъ верблюдовъ и лошадей. Въ настоящее время въ гостиномъ дворѣ много пустыхъ лавокъ, такъ какъ хивинцы, туркмены и бухарцы не наѣзжаютъ въ Астрахань для торговли.

Всякаго пріѣзжаго Астрахань поражаетъ своей разноплеменностью, пестротой своего населенія. Вотъ промелькнулъ щегольской городской экипажъ, вотъ медленно протащилась двухколесная арба, запряженная быкомъ, съ татариномъ въ тяжелой зимней шапкѣ и двумя —тремя татарками въ широкихъ красныхъ платьяхъ съ широкими оборками на подолахъ, въ суконныхъ безрукавкахъ,

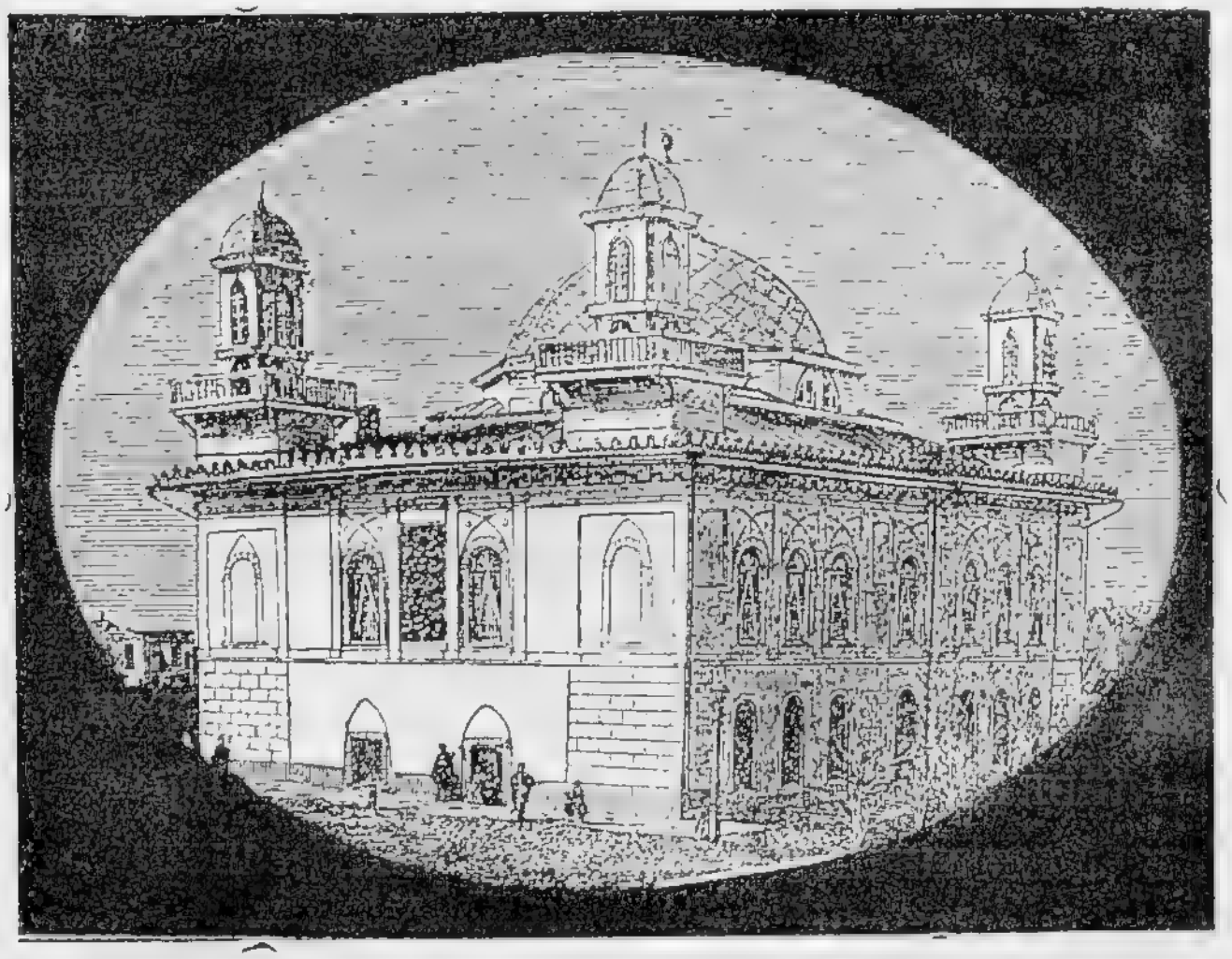
съ тяжелыми шапками на головахъ, поверхъ которыхъ накинуты кафтаны-халаты съ болтающимися назади рукавами. Въ толпѣ снуютъ персы въ высокихъ узкихъ шапкахъ, съ выкрашенной красной краской бородой и ногтями; пробираются персіянки, хлопая своими маленькими цвѣтными туфельками, закутанныя въ бѣлыя покрывала-чадры, съ небольшой рѣшеткой для миндалевидных глазъ; важно проходятъ пожилыя армянки въ старинныхъ національныхъ головныхъ повязкахъ или богатая калмычка, вся въ красномъ, съ серебряными монетами въ видѣ подвѣсокъ въ косѣ и на груди. А зимой не рѣдкость увидѣть на улицахъ города киргиза на верблюдѣ въ огромной лохматой шапкѣ—малахаѣ изъ бѣлаго войлока съ приподнятыми мѣховыми наушниками, пріѣхавшаго въ городъ за покупками... По всему видно, что здѣсь столкнулась Европа съ Азіей, здѣсь преддверіе востока.

Дальше по главной улицѣ тянется персидскій рядъ—лавки съ персидскими сушеными фруктами, рисомъ, лимонами, бирюзой, пестрыми шелковыми тканями, хлопкомъ и другими произведеніями востока. Лавки эти въ большинствѣ случаевъ полутемныя, съ заставленными окнами, безъ всякихъ витринъ и ничѣмъ не похожи на современные магазины большихъ русскихъ городовъ.

Персы по натурѣ—торгаши и любятъ украшать

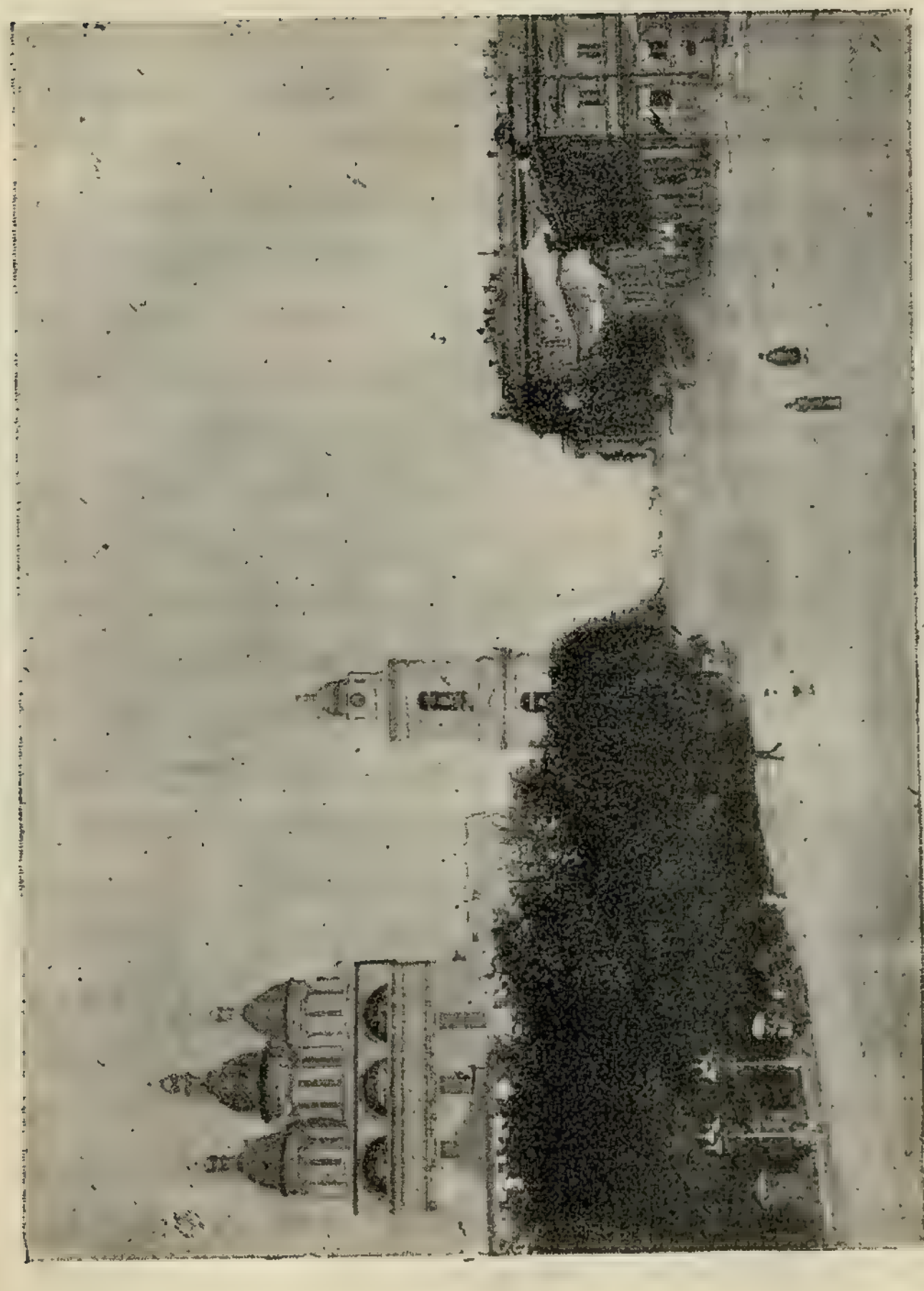
свои лавки цѣлыми гирляндами изъ винограда, разныхъ фруктовъ, чеснока, краснаго стручковаго перца, демьянокъ (баклажановъ) и проч. зелени, пирамидами изъ яблокъ, грушъ, лимоновъ и померанцевъ. Когда вечеромъ эти лавченки ярко освѣщены лампами съ рефлекторами, то гирлянды зелени придаютъ лавкѣ оригинальный видъ.

На одной изъ главныхъ улицъ города возвышается персидская мечеть, довольно красивое зда-



Персидская мечеть.

ніе; оттуда съ высоты рѣзного минарета (балкончика) въ полдень и вечеромъ раздаются возгласы муэдзина, призывающаго правовѣрныхъ къ



Кремлевскій садикъ.

молитвѣ. Толпами одинъ за другимъ спѣшатъ правовѣрные. Мечеть посѣщается только мужчинами и каждый изъ нихъ—по обычаю своей вѣры—считаетъ долгомъ снять съ ногъ верхніе цвѣтные кожаные башмаки, вродѣ нашихъ галошъ, надѣтые поверхъ высокихъ нижнихъ сапогъ. И потому при входѣ въ мечеть можно увидѣть любопытное зрѣлище: цѣлые ряды снятыхъ башмаковъ, хозяева которыхъ лежатъ распростертыми на молитвѣ на полу храма. Персы—не коренные жители Астрахани, но пришлый людъ, выходцы изъ Персіи; но многіе семьи такъ обжились здѣсь, что никогда не видѣли своей родины, здѣсь родились и выросли. Въ Астрахани они живутъ главнымъ образомъ на нѣкоторыхъ второстепенныхъ улицахъ, занимая цѣлые кварталы. Персы—многожены, имѣютъ право держать нѣсколько женъ заразъ, и потому домъ каждаго персіанина — въ особенности знатнаго — настоящее царство женъ, молодыхъ и старыхъ, и дѣтей всякаго возраста. Богатыхъ персіянокъ не увидишь никогда на улицѣ, персіянки же низшихъ классовъ, выходя на улицу, закутываются—какъ было сказано—съ головы до ногъ въ покрывало-чадру, оставляя небольшія отверстія для глазъ. Но и бѣдные и богатые одинаково бѣлятъ и красятъ лица, подводятъ черной краской брови и глаза, считая это высшей красотой—таковъ обычай во-

сточнаго народа. Хороши персы — подростки, съ ихъ красивыми черными миндалевидными глазами и тонкими бровями на нѣжномъ бѣломъ лицѣ, красивы и юныя женщины и дѣвушки, хотя обы-

Казакъ. Калмыкъ. Ловецъ великороссъ.

Киргизъ. Армянинъ. Персъ. Татаринъ.

Астраханскіе типы.

чай краситься скорѣе портитъ ихъ лица, придавая имъ видъ маски, чѣмъ украшаетъ; но вообще женщины персіянки быстро старѣютъ и теряютъ

свою привлекательность. Мужчины красятъ бороды и ногти желтовато-красной краской.

Изъ оригинальныхъ персидскихъ обычаевъ больше всего поразилъ меня праздникъ ихъ «шахсеїї вахсеїї», установленный въ память убіенія Али и двухъ его сыновей Гассана и Гуссейна, одного изъ первыхъ послѣдователей пророка Магомета. Въ этотъ день персы—фанатики предаются скорби и, идя по улицѣ цѣлыми толпами съ знаменами, въ изступленіи наносятъ себѣ удары острымъ оружіемъ, кинжаломъ въ грудь и нерѣдко, падаютъ, обливаясь кровью. Въ прежніе годы это жестокое кровавое зрѣлище совершалось на улицѣ, среди любопытныхъ прохожихъ, при свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, что придавало ему фантастическій зловѣщій видъ. Въ настоящее время оно совершается въ персидскомъ караванъ-сараѣ и доступно только персамъ.

Проѣхавъ одну—двѣ улицы, мы подъѣхали къ дому моихъ знакомыхъ, гдѣ моего пріѣзда ждали со дня на день, и тамъ меня встрѣтили съ распростертыми объятіями.

Астраханскій рейдъ.

II.

Исады.—Коса.—Валы.—Климатъ.—Внѣшній видъ города.—Учебныя заведенія.—Мусульманскія бани.—Нобелевскій городокъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней по пріѣздѣ, я отправилась рано утромъ на базаръ,—*Исады* по мѣстному. Исады — это настоящій этнографическій музей: тутъ можно встрѣтить коренного великоросса, малоросса — хохла, нѣмца—колониста, перса, калмыка, киргиза, армянина... Кто торгуетъ, кто покупаетъ. Татары—прекрасные огородники и вся торговля овощами: огурцами, картофелемъ, капустой, арбузами и дынями находится въ ихъ рукахъ. Еще съ вечера, нагрузивъ ово-

щами свои скрипучія арбы *). они трогаются изъ своихъ ауловъ (деревень), лежащихъ вблизи Астрахани, на исады, чтобы попасть туда рано утромъ. Затѣмъ все это выгружается на землю или остается на арбѣ. На исадахъ поражаютъ колоссальныя горы арбузовъ и дынь, которыя тянутся на большое пространство вдоль берега Кутума, одного изъ притоковъ Волги, гдѣ расположены Большіе Исады. Астраханскія дыни изумительны по своей сочности, аромату и сладости, и наиболѣе сочные и ароматные сорта хороши только на мѣстѣ, такъ какъ по своей нѣжности не переносятъ перевозки на далекое разстояніе. Онѣ бываютъ самыхъ разнообразныхъ породъ и оттѣнковъ, отъ зеленовато-желтаго полосатаго до гладкаго яркожелтаго, золотистаго. Хороши также и астраханскіе арбузы, которые при дешевизнѣ — возъ арбузовъ стоитъ меньше рубля — отличаются сахаристымъ вкусомъ и сочностью. Татары, кромѣ огородничества, занимаются скотоводствомъ: разведеніемъ барановъ и овецъ и потому торгуютъ на исадахъ также баранниной. Мѣстные бараны, питающіеся степной травой, особой породы. Это такъ наз. курдючные бараны и овцы, у которыхъ около хвоста скопляется огромный

*) Арбы —сколоченныя изъ досокъ ящики на двухъ колесахъ, запряженныя быками или лошадьми.

наростъ жира — курдюкъ. Татары являются въ Астрахани также пекарями (куреньщиками) и поставляютъ на рынокъ чуреки—плоскія довольно большія, круглой формы прѣсныя лепешки, а

Персъ—продавецъ винограда.

армяне торгуютъ на исадахъ армянскимъ сыромъ «паниремъ», особеннаго вкуса, соленаго, сохраняющимся въ тузлукѣ (въ растворѣ соли).

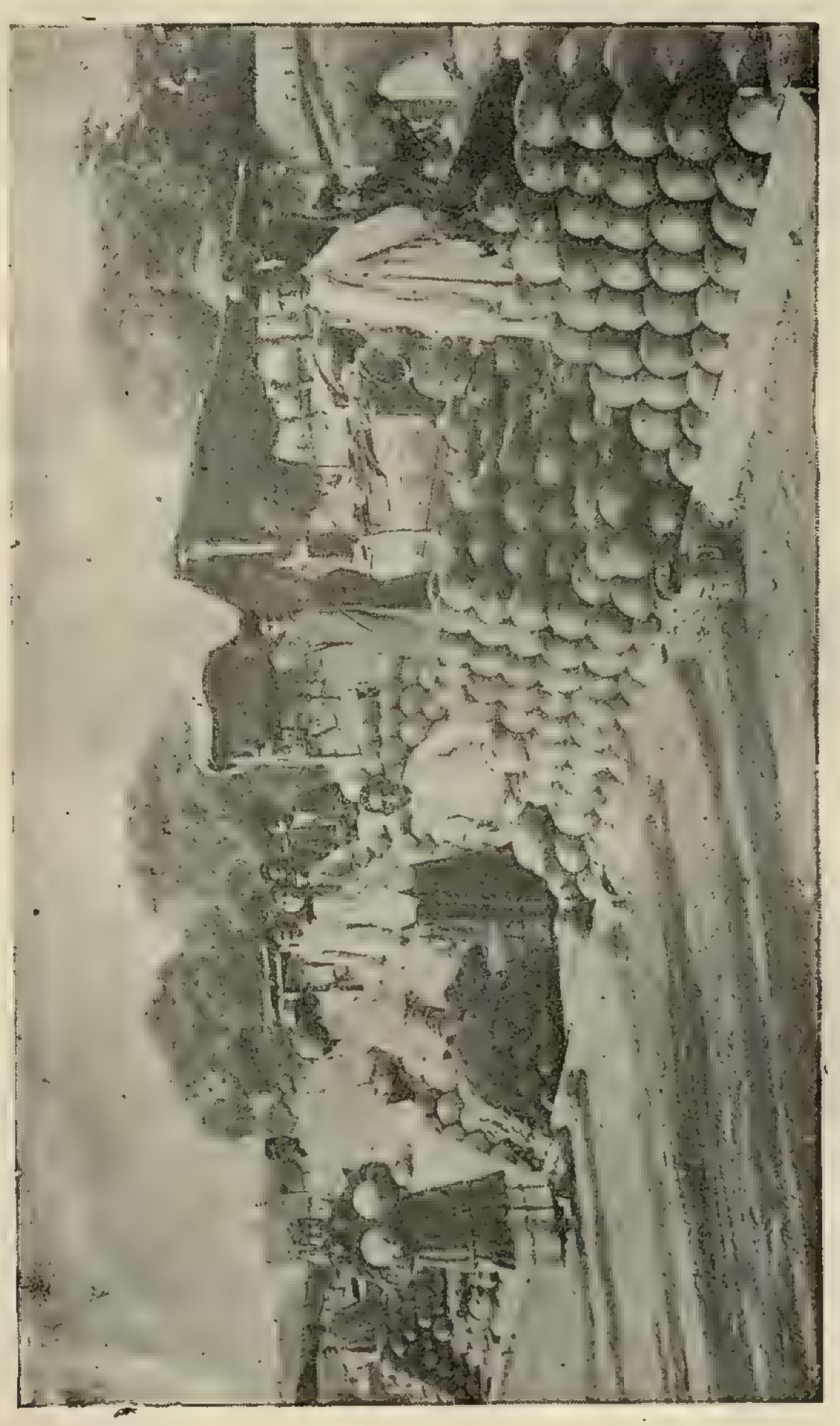
Торговля на исадахъ производится отчасти въ крытомъ помѣщеніи, въ стеклянныхъ галлереяхъ (мясо, баранина), отчасти подъ открытымъ

небомъ на берегу рѣки Кутума: рыбные ряды, зелень и фрукты. Берегъ Кутума, прилегающій къ Исадамъ, сплошь уставленъ лодками торговцевъ, мужиковъ и бабъ, пріѣхавшихъ водой изъ окрестныхъ селъ и деревень для сбыта кислаго и топленаго молока, масла, творога, сметаны, а также фруктовъ: вишень, яблокъ, аївы, грушъ, бергамота, сливъ, винограда, и отчасти ягодъ: барбариса, ежевики *). Эти торговки слывутъ здѣсь подъ именемъ «черепашинскихъ», потому что наѣзжаютъ главнымъ образомъ изъ ближняго села Черепахи, гдѣ находятся лучшіе фруктовые сады и виноградники. Черепашинскія бабы—народъ очень боїкій, крикливый, задорный, любительницы ссоръ и споровъ; крики и даже перебранки нерѣдко носятся въ воздухѣ Исадъ. «Что вы ссоритесь, какъ черепашинскія бабы», говорятъ въ Астрахани ссорящимся.

Кромѣ, фруктовъ черепашинскія бабы торгуютъ и садовыми цвѣтами. Хороши въ Астрахани сирень, бѣлая акація, махровыя георгины, тюльпаны, а въ особенности великолѣпны чудныя розы съ ихъ нѣжнымъ и тонкимъ ароматомъ. Розъ тутъ такъ много, что онѣ нерѣдко наводняютъ рынокъ. Искусныя хозяйки приготовляютъ изъ розъ прекрасное душистое розовое варенье.

---

*) Ежевика—родъ черной малины.



Исады.

По сосѣдству съ исадами расположены трактиры, въ которыхъ происходятъ сдѣлки между торговцами — рыбниками, и постоялые дворы съ чаепитіемъ для извощиковъ; тутъ же ютятся персидскіе цырульники (парикмахерскія) и кебавни— персидскія кухни, гдѣ можно получать шашлыкъ и кебавъ т. е. куски баранины, прожаренные на вертелѣ и посыпанные кисловатымъ порошкомъ для вкуса, пилавъ — мелко изрубленное сочное мясо барашка, пропитавшее своимъ сокомъ разваренный рисъ, и друг. произведенія азіатской кухни.

Живописная и интересная часть города—это Коса, небольшой мысъ, вдающійся въ Волгу. Здѣсь торговый пульсъ Астрахани, самыя людныя и самыя бойкія улицы. На Косѣ сосредоточено множество магазиновъ и торговыхъ фирмъ, которыя ведутъ значительную торговлю съ уѣздами Астраханской губерніи. Здѣсь же на «Стрѣлкѣ» *)—пристани купеческихъ пароходовъ, постоянно разъѣзжающіе между Астраханью и рыболовными промыслами, здѣсь стоянки лодочниковъ—перевозчиковъ. Здѣсь склады муки и соли, рыболовныхъ снастей и принадлежностей. Здѣсь, весной, при наймѣ народа на рыболовные про-

*) Стрѣлкой называется набережная рѣки Кутума. Кутумъ—притокъ Волги, вливается у Стрѣлки въ Волгу.

мыслы, вся набережная «Стрѣлка» запружена народомъ, прибывшимъ изъ верхнихъ губерній. Здѣсь можно встрѣтить самые разнообразные типы: рыбаковъ—ловцовъ, промысловыхъ рабочихъ и, наконецъ, калмыковъ, киргизовъ и татаръ. Дальше по набережной Волги расположены почти всѣ пароходныя пристани города Астрахани. Тутъ, на этихъ пристаняхъ, въ тюкахъ, бочкахъ и боченкахъ громоздятся товары Азіи и Европы. Хлопокъ изъ Туркестана, рисъ, сушеные фрукты—изъ Персіи, керосинъ изъ Баку, рыба изъ Каспія, отправляются дальше, мука и другіе предметы привезены сюда съ сѣвера. Тутъ же цѣлыя корзины съ фруктами, горы арбузовъ и дынь; сотни пудовъ помидоръ, баклажанъ, капусты, огурцовъ, перцу стручковаго, луку, картофеля, все что отправляется на сѣверъ. Цѣлыя кучи (штабели) сушеной и вяленой рыбы, нагруженной на баржи, поѣдетъ дальше. Побывайте на пристаняхъ города Астрахани и вы поймете все торговое значеніе этого города. Астрахань—посредникъ между торговлей востока и запада, важное складочное мѣсто азіатскихъ и европейскихъ товаровъ. Сюда съ ранней весной стекается масса пришлаго люда, рабочихъ, предлагая свой трудъ, свои руки и спины въ качествѣ рыбаковъ-ловцовъ, крючниковъ и нагрузчиковъ, кочегаровъ и масленщиковъ на пароходахъ. Эти

„верховые“ т. е. изъ верхнихъ губерній увеличиваютъ собой населеніе Астрахани, такъ что съ открытіемъ навигаціи *) населеніе города доходитъ до двухсотъ тысячъ человѣкъ **). Но часто „верховыхъ“ собирается такое огромное количество, что всѣмъ не хватаетъ работы и многіе, не имѣя средства вернуться на родину, ходятъ по городу, чуть-ли не выпрашивая милостыню.

Въ мѣстахъ наибольшей скученности пришлыхъ рабочихъ устроены столовыя и ночлежныя, гдѣ за дешевую плату можно получить обѣдъ и найти ночлегъ.

Большая часть Астрахани лежитъ на низменности, такъ что во время половодья городу угрожаетъ опасность быть затопленнымъ. Во избѣжаніе этой опасности, городъ защищенъ кругомъ на тридцать пять верстъ земляными валами и насыпями, которыя постоянно укрѣпляются и починяются и требуютъ огромныхъ денегъ. Но бывали года, когда расходившаяся Волга прорывала въ иныхъ мѣстахъ валы и затопляла такъ называемый Эллингъ, гдѣ производится ремонтъ и постройка мелкихъ судовъ и находятся

*) Навигація — время, въ теченіи котораго возможно судоходство, напр. отъ марта до октября.

**) На рр. Волгѣ, Балдѣ и Царевѣ, по протяженію болѣе двадцати верстъ находится цѣлый плавучій городъ съ населеніемъ свыше 60 тысячъ человѣкъ во время навигаціи.

Варваціевскій каналъ.

механическіе заводы. Посреди города устроенъ однимъ богатымъ грекомъ Варваціемъ каналъ, который соединяетъ рѣку Кутумъ съ Волгою. Этотъ каналъ также спасаетъ Астрахань отъ весеннихъ потоповъ. Расположенная на дельтѣ Волги и окруженная стоячими водами, болотами и ильменями—небольшими озерками, которыя во время разлива Волги весной переполняются водой, а среди лѣта пересыхаютъ и превращаются въ болота съ запахомъ гнили, Астрахань отличается нездоровымъ климатомъ. Болотистая почва порождаетъ изнурительныя лихорадки, отъ которыхъ нерѣдко страдаютъ пріѣзжіе и даже старожилы города, обиліе же вкусныхъ и дешевыхъ овощей среди тропическихъ жаровъ является причиной всевозможныхъ желудочныхъ заболѣваній. Лѣто въ Астрахани нестерпимо знойное и душное, подчасъ до 40° по Реомюру; изо дня въ день поднимается ослѣпительно жгучее солнце надъ темноснимъ безоблачнымъ небомъ, нерѣдко мѣсяца полтора не выпадетъ ни капли дождя, въ большинствѣ домовъ ставни прикрыты съ утра до вечера, а окна богатыхъ домовъ—затянуты жалюзи или маркизами *). Въ такомъ полумракѣ и прохладѣ проводитъ время, кто только можетъ, а когда спадетъ жара, люди

*) Жалюзи—деревянныя рѣшетчатыя ставни. Маркизы—полотняныя навѣсы надъ окнами со стороны улицы.

открываютъ окна, чтобы впустить въ комнату нѣкоторую прохладу, и выходятъ гулять на улицу. Но и тогда множество оконъ защищены кисеёкой, чтобы не пропустить въ комнату надоѣдливыхъ комаровъ, отъ которыхъ не бываетъ покоя ночью. На ночь большая часть ставень, въ особенности въ одноэтажныхъ домахъ, которыхъ въ Астрахани большинство,—закрывается и въ комнатахъ стоитъ нестерпимая духота. Спишь, обливаясь потомъ, тяжелымъ, удручающимъ сномъ, который не даетъ полнаго отдыха тѣлу. А если къ довершенію бѣды въ комнаты набрались комары, то рискуешь не сомкнуть глазъ цѣлую ночь. Простонародье устраивается на ночлегъ на открытомъ воздухѣ, выставляя кровати на дворы и обвѣшивая ихъ со всѣхъ сторонъ ситцевымъ непроницаемымъ пологомъ для защиты отъ комаровъ. Конечно, спать подъ пологомъ лучше, чѣмъ въ душной комнатѣ, но едва ли здорово, потому что между днемъ и ночью бываютъ иногда рѣзкія перемѣны. Послѣ знойнаго удушливаго лѣта наступаетъ чудная теплая осень и нерѣдко держится до половины октября; эти теплыя дни южной осени, когда днемъ такъ славно пригрѣваетъ солнце, напоминаютъ собой сѣверное лѣто, только ночи значительно сырѣе и туманнѣе; съ средины же октября начинаются надоѣдливые осенніе дожди. Зима въ Астрахани

У стѣнъ Кремля

непродолжительна, но сурова, нерѣдко до 25°—31° мороза, и малоснѣжна, такъ что въ иную зиму развѣ только недѣлю проѣздишь на саняхъ. За то какъ только выпадетъ снѣгъ, астраханцы спѣшатъ воспользоваться короткимъ временемъ, чтобы покататься на саняхъ. Молодежи тоже не всегда удается предаваться любимому своему удовольствію—катанью на конькахъ: въ теплую зиму катокъ не разъ оттаиваетъ или совсѣмъ не приходится его устраивать. Случается, что Волга замерзаетъ не раньше декабря, а въ февралѣ уже начинается навигація. Въ зиму же 1862 г. Волга замерзла только въ февралѣ.

Въ настоящее время городъ пріобрѣтаетъ болѣе благообразный европейскій видъ: наиболѣе отдаленные кварталы Астрахани связаны электрическимъ трамваемъ съ центральными и торговыми, главныя улицы вымощены, хотя и довольно плохо, воздвигнуты довольно красивыя зданія, напр., зданіе реальнаго училища, зданіе окружнаго суда, устроены бульвары, но въ общемъ постройки ничѣмъ не отличаются отъ построекъ обычнаго губернскаго города, а отсутствіе зелени подъ палящимъ небомъ юга увеличиваетъ духоту и лишаетъ городъ живыхъ яркихъ красокъ. И всетаки Астрахань значительно благообразнѣе прежняго, а было время—и не такъ давно, когда лѣтомъ улицы пред-

ставляли сыпучіе пески, въ которыхъ вязла нога, осенью и весной — непролазную, жидкую, кашеобразную грязь, въ которой экипажи плавали по самыя оси, а пѣшеходы съ трудомъ перебирались съ одной стороны на другую по протоптаннымъ дорожкамъ или камешкамъ, рискуя каждую минуту оставить калоши въ грязи. Теперь такой колоссальной грязи нѣтъ.

Астрахань состоитъ собственно изъ города и нѣсколькихъ слободъ, его окружающихъ и слившихся съ нимъ, каковы: Татарская слободка, Солдатская, Безродная, Ямгурчевская и т. д. Въ слободахъ преимущественно одноэтажные домики, почти всѣ деревянные, выросшіе одинъ на другомъ какъ грибы. Здѣсь ютятся татары, мѣщане, мелкіе ремесленники, словомъ городской мелкій классъ.

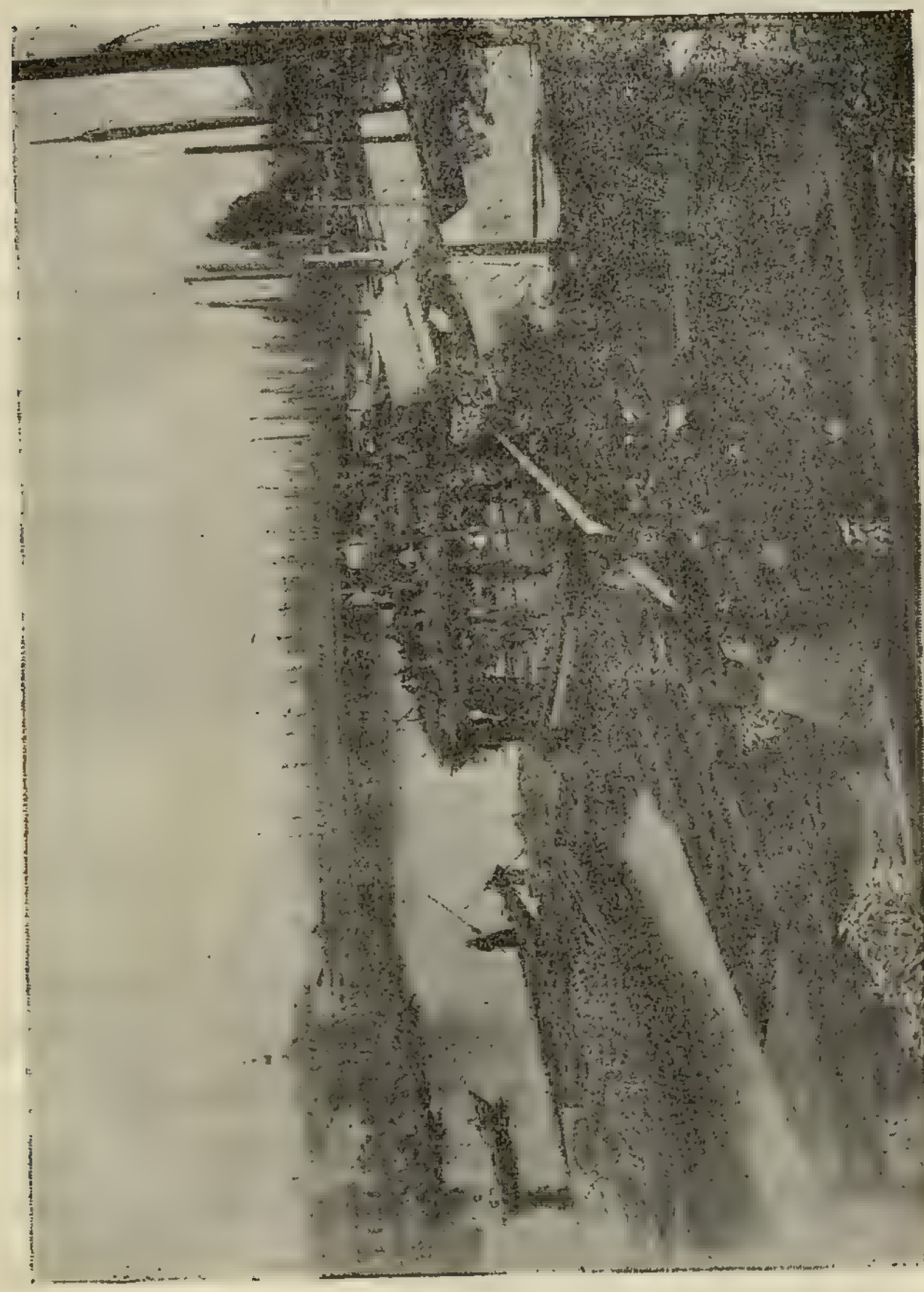
Неуютно, тоскливо среди этихъ обывательскихъ домиковъ; интересы жителей узки и мелки, вращаются около повседневныхъ будничныхъ дрязгъ, сводятся къ борьбѣ за существованіе, за хлѣбъ и воду. Все это населеніе живетъ впроголодь, влачитъ свое существованіе изо дня въ день, скудно перебиваясь, питаясь калачемъ (бѣлый хлѣбъ по здѣшнему) и чаемъ, кислымъ молокомъ. арбузами, дынями и огурцами, и лишь по праздникамъ мясомъ или бараниной. Обычай лущить подсолнечники распространенъ въ этой средѣ, и

Рѣка Кутумъ.

въ праздничные дни, усѣвшись на лавочкѣ у воротъ, ему со страстью предаются всѣ отъ мала до велика. Кромѣ „подсолнухъ“ здѣсь лущатъ арбузныя и дынныя сѣмена, предварительно высушивъ ихъ въ духовой печкѣ на сковородкѣ.

Домики эти имѣютъ русскія печи, напоминая нѣчто среднее между избой и городскимъ жильемъ. Неизбѣжная герань или фуксіи на окнахъ, бѣлыя занавѣсочки—смотрятъ почти изъ каждаго окна. Въ большой комнатѣ—обыкновенно чистой, парадной—неизбѣжный стеклянный шкапъ „горка“ съ серебряными вещами или лучшей посудой, какъ на выставкѣ. Въ углу огромная деревянная постель, съ высоко-взбитой, чуть ли не подъ потолокъ перной, массой подушечекъ, съ ситцевымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ матеріи, а въ праздники покрытая легкимъ пикейнымъ одѣяломъ и простыней, даже обшитой широкимъ кружевомъ и прошивкой, далеко выступающими изъ подъ него. Много въ Астрахани купцовъ стараго закала, въ устройствѣ жилищъ которыхъ сохраняется та же основная черта: таже горка, таже огромная постель, съ горой подушекъ, тѣ же вѣнскіе стулья, таже патріархальность, только щи пожирнѣе да по праздникамъ пироги.

Какъ городъ торговый, Астрахань всецѣло поглощена своими торговыми интересами: купля и



Кутумъ весною во время подвоза рыбы.

продажа, барышъ, духъ наживы проникаетъ всѣ интересы мѣстной жизни и это придаетъ городу отпечатокъ торговаго, купеческаго города.

Для большого города съ населеніемъ до ста тысячъ, учебныхъ заведеній въ Астрахани не слишкомъ-то много: мужская и женская гимназія, частная женская гимназія, реальное училище, духовная семинарія и училище, нѣсколько армянскихъ училищъ, нѣсколько приходскихъ и городскихъ училищъ, нѣсколько мужскихъ и женскихъ пріютовъ—вотъ и все. Всѣ эти учебныя заведенія переполнены, но больше того уже давно ничего не прибавилось въ Астрахани, кромѣ частной женской гимназіи. Для первоначальнаго обученія сдѣлано очень мало и училищъ для обученія простой грамотѣ—ничтожное количество, да и вообще по состоянію народнаго образованія. Астраханская губернія одна изъ самыхъ отсталыхъ.

Въ городѣ существуетъ Петровское общество изученія края, съ музеемъ, въ которомъ собрана старина города, масса фотографій, моделей и интересныя коллекціи предметовъ, относящихся къ Астраханскому краю. Есть также рыбоводный музей, въ которомъ можно увидѣть модели лодокъ и ватагъ, приспособленія для ловли рыбы, коллекціи мѣстныхъ рыбъ словомъ—все, характеризующее рыбное дѣло.

Этнографическую особенность Астрахани представляютъ мусульманскія персидскія бани. По устройству они рѣзко отличаются отъ русскихъ. Полъ передней, гдѣ раздѣваются, сплошь устланъ коврами и войлоками, вдоль стѣнъ—длинныя нары, на которыхъ отдыхаютъ послѣ горячей бани, посреди комнаты--фонтанъ. Дальше, въ большомъ залѣ, съ каменнымъ поломъ—мыльня. Здѣсь нѣтъ ни скамей, ни стульевъ, ни ваннъ, ни душей. Здѣсь сидятъ прямо на полу и натираютъ себя мыльными тряпками, а затѣмъ растираютъ тѣло, дѣлаютъ массажъ. Рядомъ съ заломъ находятся два большихъ бассейна, гдѣ персы смываютъ мыльную воду и купаются. Вода въ этихъ бассейнахъ рѣдко смѣняется и персидскія бани не могутъ похвастаться своей чистотой. По пятницамъ бани посѣщаются исключительно женщинами, для которыхъ, вслѣдствіе ихъ замкнутой жизни, бани —своего рода клубы.

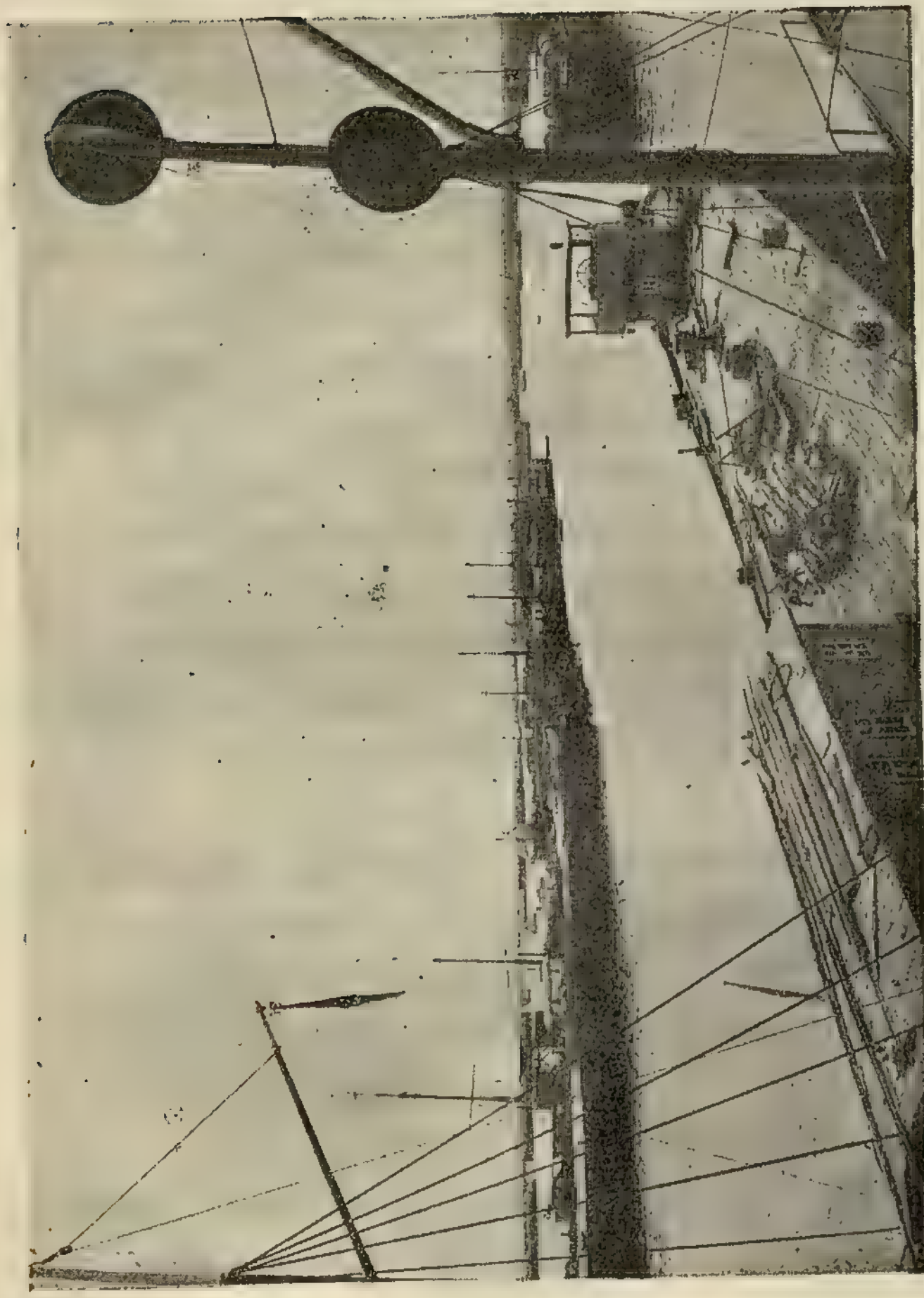
Въ окрестностяхъ города есть кожевенные, мыловаренные заводы, стеклянный заводъ и въ особенности много заводовъ для выдѣлки кирпича. Устроены эти кирпичные заводы очень первобытно: гдѣ есть соотвѣтствующая глина, тамъ устраивается огромный навѣсъ для сушки кирпича, доступный со всѣхъ сторонъ вѣтру--вотъ и все.

По сосѣдству съ городомъ интересенъ складъ

Торговля рыбой по р. Кутуму.

Рыбный караванъ въ Астрахани. Биржа. Съ фот. М. Дмитріева.

нефтяныхъ продуктовъ, такъ называемый Нобелевскій городокъ. Онъ лежитъ на островѣ противъ Астрахани и принадлежитъ нефтяному товариществу братьевъ Нобель. Когда мы пришли на пристань, чтобы ѣхать туда, я встрѣтила стараго знакомаго—аккуратненькій, чистенькій быстрый пароходикъ финляндскаго типа, какихъ много на Невѣ, въ Петербургѣ. Среди неуклюжихъ баржъ, плавучихъ дворцовъ-пароходовъ, безшабашныхъ душегубокъ-рыбницъ, онъ производилъ странное впечатлѣніе чего-то чуждаго, нерусскаго, заграничнаго. Такой же финляндецъ, какъ въ Петербургѣ, невозмутимо вертѣлъ колесо, такіе же юноши-финляндцы вертѣлись у печки, такъ же лязгали цѣпи. Среди волжскаго пейзажа на меня пахнуло далекимъ сѣвероиъ. Въ извѣстные часы этотъ пароходикъ возитъ публику въ Нобелевскій городокъ и обратно. Утромъ онъ тащитъ за собой баржу, полную рабочихъ, спѣшащихъ изъ города на заводъ, а вечеромъ въ 6 часовъ онъ же отвозитъ ихъ обратно въ городъ. Нобелевскій городокъ отдѣленъ огромнымъ земляныиъ валомъ отъ весенниихъ разливовъ Волги. У пристани толпились цѣлые караваны желѣзныхъ и деревянныхъ судовъ, которыя наливаются нефтью. Здѣсь можно видѣть, какъ перегружается и перевозится нефть, какъ накачиваются пароходы нефтяными остат-



Видъ нефтяного каравана. Съ фот. М. Дмитріева.

ками изъ огромной наливной баржи. Дальше на берегу огромныя цистерны съ керосиномъ. Самый городокъ поражаетъ своимъ благоустройствомъ. Это настоящій зеленый оазисъ среди песковъ, съ уютными домиками для служащихъ, съ садиками при нихъ, съ большимъ зданіемъ конторы, передъ которымъ разбитъ цвѣтникъ, съ библіотекой и больницей для служащихъ, съ прекраснымъ школьнымъ зданіемъ, съ заводомъ и мастерскими для ремонта судовъ, перевозящихъ нефть, съ не-одной тысячью рабочихъ. Мы обошли валъ, окружающій городокъ. Тутъ съ нѣкоторой высоты намъ бросились въ глаза огромныя черныя озера, безъ блеска, настоящія котловины. Оказалось, что это ямы съ мазутомъ (нефтяными остатками, которыми отапливаются пароходы).

Съ любопытствомъ осмотрѣли мы это грандіозное предпріятіе, созданное энергіей шведовъ-братьевъ, и на томъ же ларовомъ баркасѣ вернулись въ городъ.

III.

Кочевники.—Царство Золотой Орды.—Завоеваніе Астрахани.—Кремль.—Успенскій соборъ.—Стенька Разинъ въ Астрахани.—Убіеніе Митрополита Іосифа.—Историческіе предметы собора.—Свадебный бунтъ.—Посѣщеніе Астрахани Петромъ Великимъ.—Шареный бугоръ.—Развалины Сарая.

Съ самой глубокой древности Астраханскій край привлекалъ къ себѣ кочевниковъ. Это были какъ бы ворота, черезъ которые кочевники переселялись изъ Азіи въ Европу. Здѣсь въ прикаспійскихъ степяхъ, смѣняя одинъ другого, останавливались они и основывали свои недолговѣчныя царства. Въ IX столѣтіи здѣсь былъ значительный торговый городъ Итиль, столица кочевыхъ хазаръ. Хазары были племя могущественное, они брали дань съ Кіева и Чернигова, съ сѣверянъ и вятичей. Въ X столѣтіи русскій князь Святославъ покорилъ хозаръ. На мѣсто хозаръ нахлынули новые кочевники— печенѣги; печенѣгъ смѣнили половцы и, наконецъ, въ XIII столѣтіи появились изъ Азіи орды монголовъ-татаръ. Отсюда совершали они свои опустошительные на-

бѣги на Русь и овладѣли берегами Волги, Дона и Каспійскаго моря. Запылали русскіе города и села, полилась русская кровь, увидѣли плѣнъ русскія жены и дѣти, русскіе князья стали данниками татаръ и ѣздили къ нимъ на поклоны. Татары назвали свое царство царствомъ Золотой Орды, и ханъ татарскій принималъ своихъ данниковъ въ столицѣ Сараѣ, расположенной на рѣкѣ Ахтубѣ, притокѣ Волги. Въ это время татары основали въ низовьяхъ Волги свои татарскіе городки и между ними древнюю Астрахань, которая называлась Хазитараканью, Аштраханью, Аджитарханью, Цитраханью.

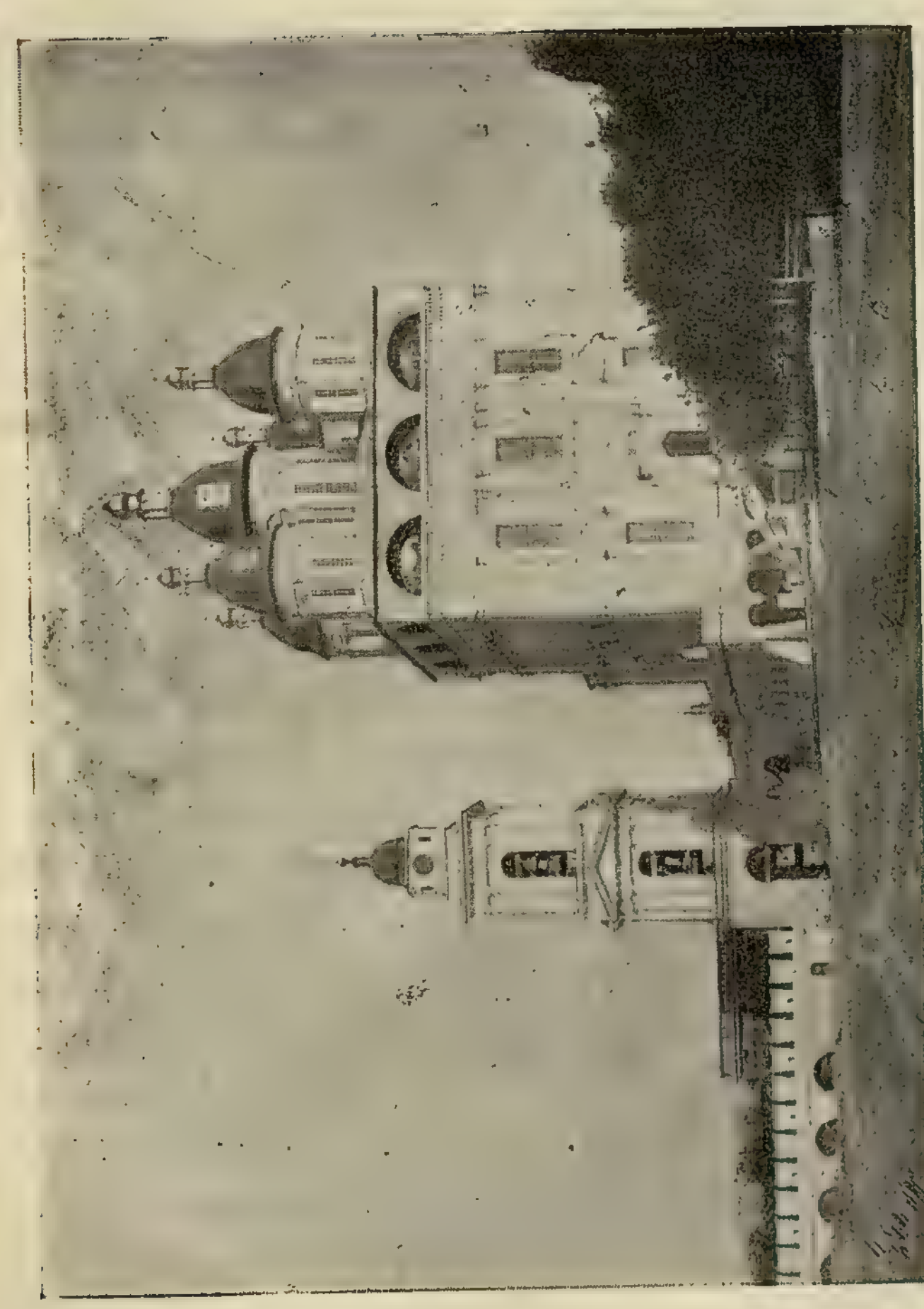
Когда распалась Золотая Орда, то на мѣстѣ ея образовалось мелкое татарское царство „Астраханское“. Астрахань состояла въ это время изъ земляногъ, огороженныхъ некрѣпкими стѣнами. Житье въ ней было неспокойное: грабили ее волжскіе разбойники, жгли и разоряли крымскіе и ногайскіе татары. Въ 1554 г. при Іоаннѣ Грозномъ Астрахань была взята русскими войсками. Послѣдній татарскій ханъ Ямгурчей бѣжалъ. Какъ отзвукъ того времени одна изъ слободъ нынѣшней Астрахани называется „Ямгурчева слобода“ (Огурчевъ—въ просторѣчіи). Съ тѣхъ поръ Астрахань становится данницей Москвы и переносится съ праваго берега, гдѣ она была раньше, на лѣвый берегъ, на островъ, безопасный

Нефтяная пристань Нобеля. Съ фот. М. Дмитріева.

для нашествія враговъ. Городъ началъ устраиваться, но долгое время былъ бѣденъ, и состоялъ изъ Кремля, около котораго толпились домики и мазанки, да нѣсколькихъ церквей и монастырей. Укрѣпленъ онъ былъ земляными насыпями, палисадами, земляными рвами, бревенчатыми стѣнами и тыномъ. Населеніе его состояло изъ служилыхъ людей, плѣнныхъ ссыльныхъ и бродягъ. Въ XVII столѣтіи много пришлось пережить Астрахани. Появились здѣсь разные самозванцы, грабили и разоряли городъ, и, наконецъ, прибылъ атаманъ Заруцкій съ Мариной Мнишекъ и своимъ войскомъ. Онъ поселился въ Кремлѣ, неистовствовалъ и грабилъ городъ и объявилъ сына Марины царемъ Россіи. Измученные разбоемъ Заруцкаго, астраханцы возстали противъ него и принудили его бѣжать въ 1614 году.

Мало по малу Астрахань становится большимъ торговымъ городомъ. Сюда съѣзжаются персы, индусы, хивинцы, бухарцы со своими азіатскимъ товарами; появляются здѣсь и европейскіе купцы, чтобы завести черезъ Астрахань торговлю съ Персіей и Индіей.

Самая старинная часть Астрахани—Кремль. Онъ выстроенъ еще въ XVI ст. царемъ Іоанномъ Грознымъ и былъ свидѣтелемъ многихъ смутъ, которыя переживала Астрахань. Въ старину Волга протекала подъ самыми стѣнами Кремля, теперь



Соборъ въ Астраханскомъ кремлѣ.

же она отошла дальше, оставивъ послѣ себя длинную Косу. Внутри Кремля интересенъ величественный Успенскій соборъ, который стоитъ на самой высокой точкѣ одного изъ астраханскихъ бугровъ, у подошвы котораго въ старину протекала Волга. Соборъ виденъ за много десятковъ верстъ, такъ какъ, построенный на возвышенномъ мѣстѣ, имѣетъ высоту въ тридцать саженъ. По формѣ онъ напоминаетъ стройный четыреугольный столбъ съ пятью башенками — куполами. Нѣкогда тутъ стоялъ храмъ, построенный при Іоаннѣ Грозномъ, но онъ сталъ разрушаться и при Петрѣ Великомъ русскій человѣкъ Дороѳеї Мякишевъ выстроилъ за сто рублей въ теченіе двѣнадцати лѣтъ новый храмъ —теперешній соборъ. „Такого лѣпотнаго храма нѣтъ во всемъ моемъ государствѣ“,—сказалъ о немъ Петръ Великій. Какъ всѣ большіе старинные русскіе храмы, астраханскій соборъ—двухъ-ярусный. Нижній ярусъ — старинной своеобразной архитектуры, съ низкими несокрушимыми сводами и старинными каменными арками. Высокое и широкое „красное крыльцо“ изъ тесаннаго камня съ двумя поворотами ведетъ въ верхній ярусъ. Кругомъ всего собора идетъ каменная открытая терасса.

Подъ низкими полутемными сводами нижняго яруса съ темной закоптѣлой живописью—помѣщаются гробницы астраханскихъ архіереевъ. Чу-

гунныя плиты, съ именами погребенныхъ здѣсь архіереевъ, покрываютъ всѣ стѣны этой церкви. Тутъ и архіепископъ Ѳеодосій, неустрашимо обличавшій самозванца Гришку Отрепьева, и митрополитъ Іосифъ, замученный товарищами Разина, и митрополитъ Симеонъ, устроитель храма; здѣсь же гробницы двухъ грузинскихъ царей. Подъ соборной колокольней проходили такъ называемыя „Пречистенскія ворота“. Черезъ эти-то Пречистенскія ворота и ворвался Стенька Разинъ въ Кремль. Когда населеніе и войско Астрахани услышали о приближеніи къ Астрахани „батюшки Стефана Тимоѳеевича“ съ его удалою вольницею, то возликовали великою радостью. Воевода города Прозоровскій выслалъ противъ Стеньки въ Царицынъ, подъ начальствомъ князя Львова, около полусотни струговъ съ стрѣльцами и пушками и цѣлый полкъ конницы по берегу Волги. Онъ разсчитывалъ сразу же побѣдить разбойника своей грозной силой. Но удалой атаманъ смѣло двинулся навстрѣчу царскому войску на стругахъ, а по берегу послалъ съ казаками своего товарища кровожаднаго атамана Ваську Уса.

Едва стрѣльцы замѣтили лодки мятежниковъ, какъ радостно привѣтствовали ихъ. Начальникамъ пришлось плохо, а стрѣльцы присоединились къ казакамъ Стеньки и повернули вслѣдъ за его стругами на разгромъ Астрахани.

Вечеромъ 27 іюня Стенька со своимъ многолюднымъ воинствомъ двинулся на приступъ города, а къ ночи онъ уже былъ на его стѣнахъ. Стрѣльцы и жители, посланные защищать стѣны, сами помогали разбойникамъ влѣзать на стѣны. Воевода Прозоровскій, защищавшій городъ, былъ насквозь проколотъ копьемъ. Еле-живого успѣли унести его въ Кремль и положить въ Успенскій соборъ. Тутъ же въ Кремлѣ и въ церквахъ заперлись всѣ тѣ, которые не пристали къ Стенькѣ. Но къ утру былъ взятъ Кремль, благодаря измѣнѣ. Разбойники выломали ворота и ворвались на соборную площадь. Двери собора, гдѣ мучился раненый воевода, защищалъ его братъ Михайло Прозоровскій. Онъ палъ убитый, не уступивъ ни шага. Въ притворѣ храма спасалось много женщинъ и другого народа. Какъ храбро ни защищались они, но мятежники выломали двери и вошли въ церковь. Раненый воевода былъ убитъ и сброшенъ съ раската (съ колокольни), всѣ схваченные въ церкви перерублены и переколоты.

Такимъ образомъ, Астрахань попала въ руки Стеньки Разина и всѣ начальные люди были перебиты. Уцѣлѣлъ одинъ митрополитъ Іосифъ, да и то не надолго: онъ безпрестанно читалъ въ церквахъ и на народныхъ сходкахъ государевы указы, которые увѣщевали мятежниковъ покориться

истинному государю своему. Мало того, онъ самъ являлся со священниками къ казакамъ и обличалъ ихъ. Стрѣльцамъ - измѣнникамъ онъ говорилъ въ присутствіи казаковъ:

— Вамъ надлежитъ сихъ донскихъ разбойниковъ перехватить, наложить на нихъ цѣпи и оковы, и если сіе сдѣлаете и обратитесь къ своей должности, то получите отъ государя прощеніе за преступленія ваши.

— Кого намъ хватать? Мы всѣ разбойники!— отвѣчали ему стрѣльцы, а ненависть казаковъ къ нему все росла. Наконецъ, они рѣшили погубить его. 11-го мая они потребовали его въ свой кругъ. Митрополитъ понялъ, что часъ его насталъ. Онъ велѣлъ звонить во всѣ колокола и, облачившись въ архіерейскія одежды, окруженный священниками, отправился на сходку. Стеньки не было въ это время въ Астрахани, и его замѣнялъ его товарищъ, свирѣпый Васька Усъ.

Васька Усъ обратился къ митрополиту съ грубыми вопросами. Вмѣсто отвѣта митрополитъ сталъ уговаривать казаковъ оставить злодѣйства и просить прощенья у царя. Разъяренные казаки бросились на него и хотѣли сорвать съ него архіерейскія одежды. Тогда митрополитъ самъ приказалъ священникамъ разоблачить себя и остался въ одномъ черномъ подрясникѣ, который онъ носилъ прямо на тѣлѣ.

Казаки стали пытать и мучить митрополита. Но Іосифъ только громко молился, ничего не отвѣчая мучителямъ. Обожженаго, почернѣвшаго, покрытаго кровавыми ранами, разбойники потащили его на соборную колокольню и сбросили внизъ съ раската. Мученикъ упалъ передъ дверями колокольни къ ногамъ Васьки Уса. Сами казаки были глубоко поражены совершеннымъ ими убійствомъ и въ угрюмомъ молчаніи стояли вокругъ тѣла святителя. На другой день священники похоронили его въ той самой церкви, на мѣстѣ которой былъ выстроенъ потомъ чудный соборъ.

Въ настоящее время гробница митрополита Іосифа стоитъ въ верхнемъ соборѣ, тамъ же сохраняется, какъ святыня, его окровавленная мученическая одежда.

Внутренность собора отдѣлана подъ сѣрый мраморъ, поражаетъ своей высотой и особеннымъ обиліемъ свѣта. Красивъ огромный восьмирусный иконостасъ, въ тридцать два аршина высоты, съ художественно вырѣзанными золочеными колонками и старинными иконами. Всюду золото и серебро. Ризница полна драгоцѣнной утвари—евангелій, архіерейскихъ митръ, посоховъ, одеждъ и историческихъ вещей, наприм., мученическая одежда митрополита Іосифа, обожженная и залитая его кровью, плащаница, шитая серебромъ,

золотомъ и шелкомъ, отобранная у Маріи Мнишекъ, серебряный ковшъ, пожалованный Петромъ Великимъ стрѣльцу Федорову, и три богатыхъ старинныхъ евангелія, на одномъ изъ которыхъ сохранились надписи, сдѣланныя рукой патріарха Никона въ 1606 году. Другое евангеліе изъ чистаго золота, около пуда вѣсомъ, усыпанное алмазами, яхонтами и изумрудами, стоитъ 120 тысячъ рублей. Въ соборѣ до сихъ поръ уцѣлѣло сѣдалище митрополита, подъ рѣзнымъ балдахиномъ, изъ золоченыхъ колонокъ.

Въ Кремлѣ есть и другая старина—бывшій Троицкій монастырь, но внутри почти все заново передѣлано. Старина тоже—Никольскія ворота въ Кремлевской стѣнѣ, съ маленькой церковью надъ ней временъ Іоанна Грознаго. Сохранили свой старинный видъ и кремлевскія башни.

Въ 1705 году при Петрѣ Великомъ Астрахань, куда стекались бродяги и поволжскіе разбойники, еще сохраняла свой мятежный характеръ: въ ней произошелъ бунтъ стрѣльцовъ. Архимандритъ Вознесенскаго монастыря Рувимъ, недовольный отнятіемъ нѣкоторой части монастырскаго имущества, распустилъ нелѣпый слухъ: будто бы царь хочетъ перемѣнить вѣру, раздѣлить государство и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ замужъ за нѣмцевъ. Испуганные астраханцы въ одинъ день перевѣнчали сто паръ, потому бунтъ и на-

зывается „свадебнымъ“. Стрѣльцы перебили до трехсотъ человѣкъ въ городѣ и разграбили домъ митрополита Сампсонія. Для усмиренія мятежа изъ Москвы было послано войско, но оно встрѣтило сопротивленіе. Когда же митрополитъ Сампсоній объяснилъ народу, что слухи невѣрны, то зачинщики бунта были выданы властямъ, и мятежъ прекратился. Главному зачинщику, Рувиму, удалось скрыться.

Въ 1722 г. Петръ Великій посѣтилъ Астрахань. Онъ понималъ будущее торговое значеніе города и устроилъ здѣсь портъ и доки для судовъ. Около Сарая, древней столицы хановъ Золотой Орды, онъ насадилъ тутовыя деревья, листья которыхъ идутъ на выкормку шелковичныхъ червей, устроилъ въ Астрахани заводъ для размотки шелка, выписалъ изъ чужихъ земель дорогіе сорта винограда и развелъ въ Астрахани нѣсколько десятковъ виноградниковъ.

Кромѣ города слѣды старины находятся и въ другихъ мѣстахъ Астраханской губерніи. Въ восьми верстахъ отъ Астрахани на такъ называемомъ Шареномъ или Жареномъ бугрѣ сохранились остатки сгорѣвшаго кочевья и осколки битой посуды, угли, монеты. Предполагаютъ, что это старая, прежняя Астрахань, но такъ какъ самого городища не найдено, то сказать навѣрно нельзя.

Другая старина лежитъ на лѣвомъ берегу

Ахтубы, притока Волги, недалеко отъ села Селитреннаго. Ахтуба—это рѣчка Золотой Орды, здѣсь нѣкогда кипѣла полудикая жизнь, а теперь только бабы-птицы да чайки-мартышки оглашаютъ безжизненные нынѣ берега. И вотъ на Ахтубѣ найдены развалины какого-то древняго города. Тутъ

Астраханскій кремль.

находились еще въ 1828 г. остатки древняго ханскаго замка и татарской мечети, четыре башни, три разрушенныхъ и одна слегка поврежденная. Мѣстные крестьяне, не понимая значеніе этой

старины, увозили этотъ кирпичъ и пользовались имъ: въ настоящее время сохранились лишь мѣста фундаментовъ. Сохранились также остатки башни, сложенной изъ большихъ дикихъ камней, верхняя часть которой обвалилась.

Тутъ же находятъ золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя вещи, много серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. Былъ найденъ большой золотой кубокъ съ татарской надписью. Только нѣкоторыя изъ этихъ вещей уцѣлѣли и сохраняются въ Казанскомъ университетѣ. Большинство же пропало неизвѣстно куда. Въ развалинахъ этого города видятъ Сарай, столицу Золотой Орды.

IV.

Аулъ.—Татарскій домъ.—Татарки.—Свадьба.—Пища.—Постъ. — Праздники.—Виноградникъ.—Чигирь.—Ильмень.—Мечеть. — Грамотность татаръ.—Лунная ночь въ Астрахани.

Въ ближайшее воскресенье знакомые предложили мнѣ прокатиться въ татарскій аулъ (деревушку) близь Астрахани. Выбравшись изъ города, мы очутились въ степи, плоской, однообразной, пустынной степи. Ни кустика, ни деревца не виднѣлось на далекое пространство. Пучки какой-то жесткой колючей травки торчали мѣстами надъ растрескавшейся отъ жары солончаковой почвой, все остальное повыгорѣло отъ лѣтняго зноя, и степь представляла безотрадную картину. Ранней весной, когда земля пропитана влагой и солнце не жжетъ такъ немилосердно, степь на короткое время покрывается зеленымъ уборомъ, но вскорѣ палящій зной сжигаетъ то немногое, что можетъ

дать солончаковая *) почва, и остаются лишь колючки, которыя выживаютъ при отсутствіи влаги, сохраняя, подобно кактусамъ, влагу въ своихъ колючкахъ. Мало-по-малу солончаковая степь перетла въ сыпучіе пески, по которымъ лошадь съ трудомъ тащила нашъ четырехмѣстный тарантасъ **). Слѣпни и оводы кружились надъ спиной лошади и норовили укусить ее, несмотря на то, что она была защищена длинной попоной. Напрасно лошадь отгоняла хвостомъ надоѣдливыхъ слѣпней, они все-таки находили себѣ мѣстечко на спинѣ или подъ брюхомъ животнаго. Недалеко отъ аула начались бахчи—поля, засѣянныя арбузами, дынями, тыквами, огурцами, картофелемъ и проч. То мѣсто, которое предназначено подъ бахчи, нарочно весной затопляется водой изъ ближайшаго ильменя, чтобы корни растенія находили себѣ достаточно влаги въ почвѣ во время знойнаго лѣта. Иначе ничего бы не созрѣвало на бахчахъ, такъ какъ бахчи не поливаются все лѣто.

Арба.

*) Солончаковая — пропитанная солью.

**) Тарантасъ—экипажъ, гдѣ садятся сбоку по обѣ стороны.

Татарскій аулъ не представлялъ изъ себя ничего замѣчательнаго: рядъ домиковъ, обращенныхъ окнами во дворъ, спиной на кривую улицу, два—три деревца на весь аулъ, деревянная мечеть—таковъ видъ аула. Босоногіе мальчишки безъ штановъ, въ длинныхъ рубашкахъ ниже колѣнъ, съ ермолками на выбритыхъ головахъ, сидя верхомъ на прутахъ, съ гиканьемъ носились по улицѣ, поднимая за собой пыль. При видѣ нашего экипажа они притихли и съ любопытствомъ обступили насъ, когда мы остановились у дома знакомаго татарина. Это былъ зажиточный человѣкъ, отецъ многочисленнаго семейства, владѣвшій виноградными садами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ мулла—священникъ и носилъ на головѣ бѣлую чалму, похожую на нѣсколько разъ обернутое полотенце, а это означало, что онъ былъ уже въ Меккѣ на поклоненіи могилѣ пророка Магомета. У него было нѣсколько женъ—старыхъ и молодыхъ: по закону магометанскому татаринъ можетъ имѣть нѣсколько женъ, уплачивая за каждую изъ нихъ извѣстный калымъ (выкупъ), иногда до тысячи рублей отцу невѣсты, но этимъ пользуются, конечно, только богатые. Старшая жена считается главной и является хозяйкой дома.

Мы, женщины, вошли въ домъ. Наши же мужчины остались на улицѣ, потому что татарки

стѣсняются чужихъ мужчинъ и не имѣютъ права показываться имъ безъ покрывала. Въ небольшой парадной комнатѣ стояла большая, чисто выбѣленная печь, отдѣленная занавѣсью; за ней всегда скрываются женщины, если въ комнатѣ есть мужчины. У передней стѣны возвышались нары, покрытыя ковромъ, съ пышными перинами и цѣлымъ рядомъ подушекъ, въ красныхъ кумачевыхъ наволокахъ. Тутъ же около стѣнъ красовались деревянные, ярко росписные сундуки съ оковкой, покрытые коврами, и столъ, завѣшанный скатертью съ красными узорами, а на полкахъ и на столахъ стояла блестящая, желтой мѣди посуда: длинные узкіе кувшины и кувшинчики, мѣдные тазы, самовары, жбаны и проч.

Хорошенькая молоденькая татарочка, лѣтъ двѣнадцати, съ живыми черными глазками и черными узенькими бровками въ родѣ ниточекъ, пугливо встрѣтила насъ и побѣжала звать старшихъ. Ея шея была унизана монетами, а длинная коса, змѣйкой спускавшаяся по плечамъ, украшена старинными серебряными монетами, которыя звякали при ходьбѣ. Голову прикрывалъ небольшой шелковый колпачокъ съ позументомъ и серебряными монетами. На ней было длинное красное платье съ широкой оборкой и такая же красная безрукавка—бешметъ, изъ-подъ которой выглядывали бѣлые рукава рубахи. Изъ-подъ

платья видны были шаровары (татарки носятъ широкіе шаровары). Красныя сафьяновыя туфли, обшитые серебромъ и золотомъ, красовались на ея ногахъ. Вслѣдъ за ней къ намъ вышла старая татарка въ такомъ же платьѣ и бешметѣ, тоже съ монетами на груди. Голова ея была повязана краснымъ платкомъ, причемъ уши оставались открытыми, а сзади торчали концы подвязаннаго платка. Широкія серебряныя браслеты украшали руки, а въ ушахъ болтались длинныя—предлинныя серебряныя серьги. Обѣ татарки—и старая, и молодая—не говорили по-русски и потому мы только разглядывали другъ друга. Затѣмъ, молодая куда-то скрылась и вскорѣ вынесла намъ въ длинномъ узкомъ кувшинчикѣ холоднаго молока, которое мы выпили съ удовольствіемъ. Мебели: ни диванова, ни стульевъ у татаръ нѣтъ и сидятъ они обыкновенно на полу, на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. Но въ этой семьѣ нашлись и вѣнскіе стулья, которыми мы воспользовались. Вскорѣ въ комнатѣ появилась молодая женщина съ грудным ребенкомъ въ ермолкѣ. Она была бы очень миловидна, если бы не густой слой румянъ и бѣлилъ на матовомъ лицѣ, насурмленныя брови и рѣсницы и начерненные ногти. Она объяснялась кое-какъ по-русски и разсказала намъ о томъ, какъ она выходила замужъ, и о томъ, что каждая татарка

Татаринъ продавецъ арбузовъ.

обязана по закону кормить своего ребенка до года. Дѣвочка-татарка вынесла намъ на подносѣ сладкія просяныя лепешки, печенья и другія лакомства и мы увлеклись разговоромъ.

Своего жениха молодая татарка не знала. Ее просватала старуха-сваха. Сваха дала свѣдѣнія о женихѣ, мулла гадалъ, и такъ какъ предзнаменованія оказались благопріятными, то родители ея дали свое согласіе и сговорились съ родителями жениха о калымѣ и приданомъ. Послѣ этого совершилось ея обрученіе, которое не что иное, какъ обмѣнъ подарковъ черезъ сваху: женихъ получилъ отъ нея подстилку для ногъ во время молитвы, тюбетейку на голову, сукно для халата и т. д., а она отъ жениха—матеріи на платье, бѣлилъ, румянъ и фрукты. Послѣ обрученія они считались мужемъ и женой, хотя ихъ свадьба еще и не состоялась. Со дня обрученія она получала отъ жениха подарки чуть ли не каждый день, а въ день свадьбы обязательный подарокъ—кадку коровьяго масла и кадку меда. Женихъ послалъ также пироговъ, жареныхъ утокъ, гусей, индѣекъ, караваи бѣлаго хлѣба съ изюмомъ и т. д. Первый свадебный пиръ былъ устроенъ въ ея домѣ. Къ ней съѣхались пріятели жениха съ отцомъ его, но безъ самого жениха, который остался дома. Пріѣхалъ главный мулла, спросилъ ея отца о калымѣ и черезъ одного изъ

пріятелей жениха спросилъ ее, хочетъ ли она замужъ за такого-то. Когда она послала согласіе. то мулла прочиталъ молитвы и просилъ у Бога

Татарская мечеть въ Астрахани.

благословенія. Такимъ образомъ татарская свадьба обходится безъ самого жениха, и невѣсты, только

въ присутствіи родителей. Затѣмъ начался свадебный обѣдъ: масло и медъ намазали на куски хлѣба и каждый гость ѣлъ ихъ съ особымъ торжествомъ. Потомъ появились другія кушанья, и все запивалось пивомъ и медомъ. Гости клали деньги и послѣ молитвы разъѣхались.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней былъ устроенъ пиръ только для женщинъ. Каждая гостья привезла молодой подарки, и сваха показывала гостямъ эти подарки. Затѣмъ женщины угощались чаемъ, лакомствами и обѣдомъ, съ масломъ и медомъ, какъ первое блюдо.

Черезъ двѣ недѣли сваха поѣхала на лошади молодой за мужемъ. Въ сѣняхъ молодого встрѣтили братья жены и не пустили его въ ея комнату, пока онъ не заплатилъ выкупъ. Тутъ молодая увидѣла своего мужа въ первый разъ. Они сѣли вмѣстѣ за столъ, ѣли медъ и масло, и мужъ гостилъ у жены три дня. На четвертый день онъ уѣхалъ домой. Затѣмъ, за нимъ каждый вечеръ втеченіе цѣлого мѣсяца посылали лошадь отъ жены.

Только черезъ полгода молодая переѣхала въ домъ мужа. Прежде всего пріятели жениха перевезли ея сундуки, узлы, посуду, а когда молодая пріѣхала въ домъ мужа, то начался послѣдній свадебный пиръ.

Татары—очень гостепріимны, но ихъ столъ,

состоящій изъ жирной баранины, лошадинаго мяса и кобыльяго молока (кумыса), едва-ли придется по вкусу европейцу. Вдобавокъ они обходятся безъ вилокъ и ножей, держа мясо въ рукахъ и разрывая его зубами, или макая куски баранины въ сало. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они очень воздержаны и умѣренны. По закону Магомета они не должны употреблять ничего спиртного, но въ Астрахани можно видѣть на свадьбахъ или въ праздники татаръ, нарушающихъ заповѣди своего пророка. Молитвамъ и, вообще внѣшнимъ обрядамъ татары придаютъ большое значеніе. Омовеніе ногъ и молитвы пять разъ въ день составляютъ сущность ихъ религіи. Гдѣ бы татаринъ ни былъ, въ гостяхъ или по дѣлу у европейца, онъ не забудетъ совершить своего „намаза“ въ урочный часъ. Снявъ съ ноги бабуши (верхніе калоши безъ задниковъ), совершивъ омовеніе пескомъ, если нѣтъ воды, и разостлавъ коврикъ, который онъ всегда носитъ съ собой, татаринъ встанетъ на колѣни, обращаясь къ востоку, и, безшумно наклоняясь къ землѣ, совершаетъ положенные закономъ обряды. Затѣмъ, свернувъ коврикъ, онъ продолжаетъ свой разговоръ съ вами, какъ ни въ чемъ не бывало. Не менѣе строго придерживаются татары своего поста—Рамазана, который бываетъ одинъ разъ въ годъ, продолжается мѣсяцъ, отъ

Татарскіе муллы.

новолунія до новолунія, и оканчивается торжественнымъ праздникомъ—Байрамомъ. Постъ этотъ крайне оригиналенъ. Татары обязаны воздерживаться цѣлый день отъ употребленія пищи и даже воды, а такъ какъ постъ совпадаетъ съ длиннымъ лѣтнимъ знойнымъ днемъ, то можно представить, какъ тягостенъ онъ для рабочаго человѣка, вынужденнаго работать подъ палящими лучами солнца. Какъ только спадетъ солнце, татаринъ имѣетъ право ѣсть, и тогда онъ вознаграждаетъ себя втеченіе ночи до восхода солнца, принимаясь за ѣду нѣсколько разъ. Постъ оканчивается праздникомъ Байрамомъ, который продолжается нѣсколько дней, и тогда-то нерѣдко увидишь загулявшаго татарина. Въ большинствѣ случаевъ напившійся татаринъ звѣрѣетъ и готовъ при случаѣ схватиться за оружіе. Такимъ же разгуломъ оканчиваются татарскія свадьбы, которыя тянутся нѣсколько дней сначала въ домѣ невѣсты, а потомъ въ домѣ жениха. Свадебный пиръ состоитъ изъ безчисленныхъ жирныхъ блюдъ, при чемъ женщины пируютъ отдѣльно отъ мужчинъ. Обрядъ перевезенія приданаго—невѣстиныхъ сундуковъ и подушекъ—тоже интересенъ. Нерѣдко свадьбы кончаются пьянствомъ и дракой между разгоряченными подвыпившими татарами.

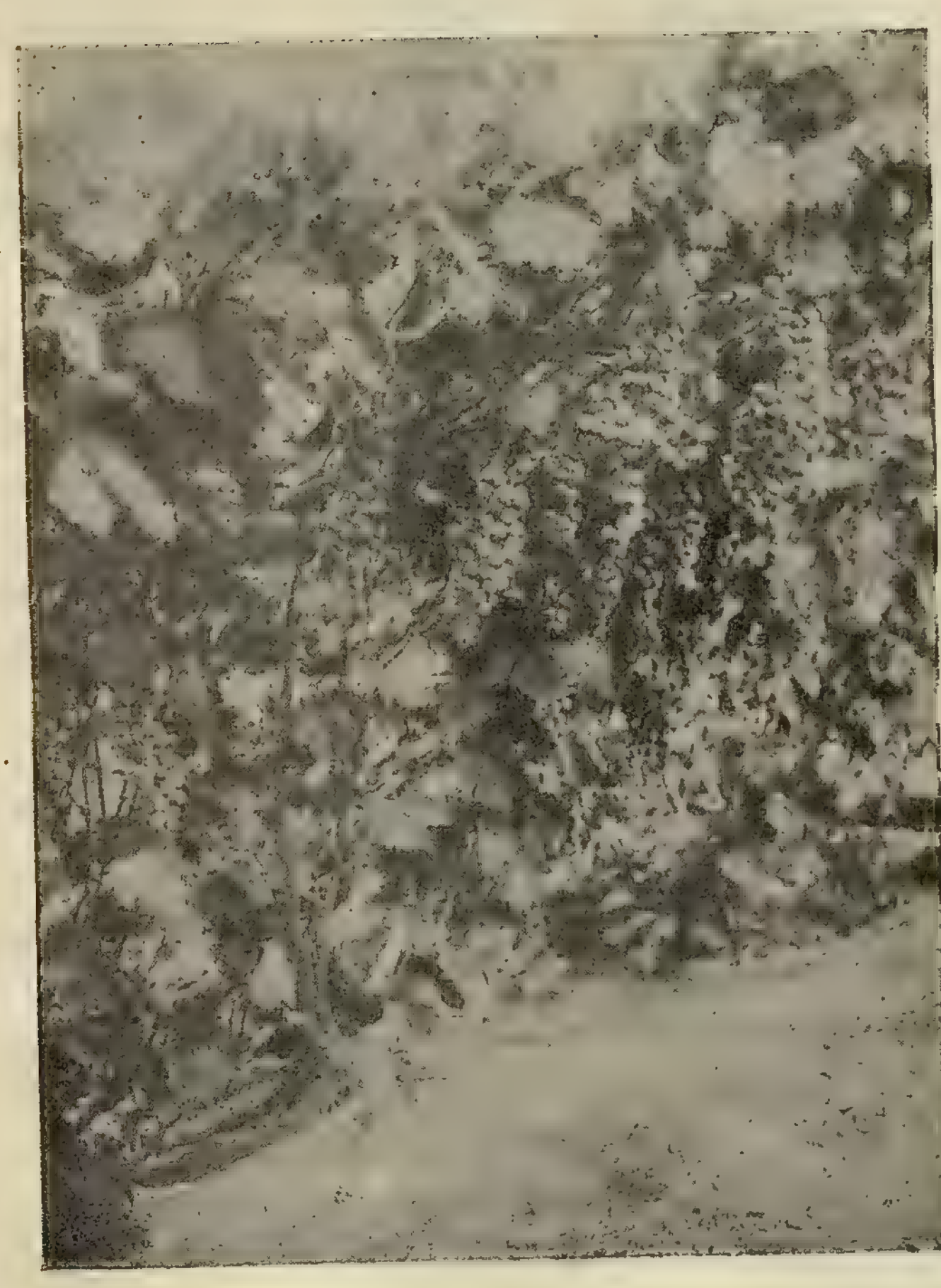
Недолго мы сидѣли въ комнатѣ и поспѣшили

осмотрѣть виноградники нашего хозяина. Хозяинъ былъ пожилой, смуглый, здоровый мужчина, съ сѣдой бородой; какъ мулла, онъ носилъ на головѣ обвязанную нѣсколько разъ бѣлую чалму и поверхъ бешмета широкій восточный халатъ изъ пестрой шелковой матеріи, подпоясанный шелковымъ кушакомъ. Въ садъ сопровождали насъ его сыновья—красивые молодцы, съ расшитыми серебромъ и золотомъ тюбетейками на выбритыхъ головахъ, съ серебряными перстнями на рукахъ и серебряными часами на серебряныхъ цѣпочкахъ. Одежда ихъ состояла изъ бѣлой рубахи до колѣнъ, не подпоясанной, съ широкими рукавами, широкихъ шароваръ, запущенныхъ въ красные сафьяновые сапоги, и бешмета до колѣнъ изъ тонкаго сукна, съ серебряными застежками сбоку.

Виноградники занимали огромное пространство. Стоялъ августъ, и зрѣлые сочные грозди рдѣли между зелеными лапчатыми листьями виноградныхъ лозъ, разсаженныхъ правильными рядами. Лозы были подвязаны къ шестамъ, соединеннымъ между собой продольными жердями. Мѣстами были устроены тѣнистыя аллеи-дорожки изъ виноградныхъ лозъ двухъ параллельныхъ рядовъ. Идти подъ такимъ крытымъ сводомъ изъ виноградныхъ листьевъ очень пріятно. На зиму лозы зарываются въ борозду и прикрываются чаканомъ (тростникомъ), землею и снѣгомъ.

Въ виноградникѣ кипѣла работа. Большими ножницами женщины-работницы срѣзали грозди и тутъ же укладывали въ большія корзины. Другіе рабочіе уносили ихъ къ дому, гдѣ работницы очищали грозди отъ плохихъ ягодъ. Вообще, уборка винограда — любимая работа астраханскихъ женщинъ низшаго класса; въ августѣ нерѣдко трудно бываетъ найти прислугу, потому что женщины предпочитаютъ работать въ саду. Для дальней дороги виноградъ укладывается въ ящики и боченки и пересыпается просомъ или опилками,

Ходить по винограднику и выбирать грозди, какія приглянутся,—настоящее удовольствіе. Только что сорванный виноградъ необычайно сочень и вкусенъ. Въ Астрахани разводится много сортовъ винограда, имѣющихъ разныя названія: толстокорый, тонкокорый, скороспѣлка и друг. Одни изъ нихъ очень нѣжны и не годятся для дальней перевозки, а потому и употребляются на мѣстѣ; другіе же, пересыпанные опилками, посылаются въ самыя отдаленныя мѣста и сохраняются въ большихъ городахъ до весны. Несмотря на обиліе винограда, винъ въ Астрахани почти не выдѣлывается, а то, которое выдѣлывается, не отличается хорошими качествами и вкусомъ. Самое обыкновенное дешевое мѣстное вино—чихирь, кисловатое красное вино, любимый напитокъ армянъ.



Виноградникъ.

Отъ времени до времени по саду раздавался сухой и рѣзкій трескъ. Взглядывая по направленію этого звука, мы увидѣли нѣсколько вышекъ, значенія которыхъ мы раньше не понимали. Съ этихъ вышекъ мальчишки, вооруженные особыми трещотками съ глиняными пульками, пустыми внутри, распугивали птицъ, какъ только онѣ опускались на плодовое дерево или виноградную лозу, намѣреваясь поклевать вкусныя ягоды. Не мало было разставлено повсюду уродливыхъ пугалъ, съ разбитымъ горшкомъ на бекренѣ, съ отчаянно торчащими по обѣ стороны руками. Но съ пугалами вороватыя птицы, повидимому, уже освоились и нисколько не боялись ихъ; трещотки же разгоняли этихъ воришекъ.

Въ виноградникѣ мы также обратили вниманіе на чигири—крайне примитивно устроенныя водоподъемныя машины. Въ Астрахани, гдѣ лѣто очень знойно и дожди крайне рѣдки, виноградники погибли бы безъ искусственнаго орошенія. Для поливки виноградниковъ и садовъ въ Астрахани устроены чигири. Чигирь состоитъ изъ большого колеса, снабженнаго съ наружной окружности небольшими деревянными ведерками Это колесо соединено съ валомъ, къ которому прикрѣплено дышло. Въ дышло впрягается лошадь или верблюдъ и ходятъ вокругъ вала, какъ у насъ на льномялкой машинѣ. Мальчишка подгоняетъ

лошадь. Отъ движенія вала вращается колесо, опускается въ рѣку или нарочно вырытое водохранилище, ведерки наполняются водой и поднимаются наверхъ; затѣмъ, опускаясь внизъ вмѣстѣ съ опускающимся колесомъ, выливаютъ содержащуюся въ нихъ воду въ длинные желоба на высокихъ подпоркахъ, какъ разъ подходящія къ ведрамъ. Желоба тянутся по наклону, причемъ дальнѣйшія подпорки дѣлаются все короче и доходятъ до мѣста, которое нужно полить. Политъ одинъ рядъ деревьевъ или виноградныхъ лозъ, желоба перемѣщаются и поливается второй рядъ и т. д. Поливка производится обыкновенно по вечерамъ, чтобы за ночь корни могли достаточно пропитаться водою.

Тамъ, гдѣ кончались виноградники, у татарина былъ фруктовый садъ. Въ немъ спѣли отличныя груши и бергамоты, прекрасныя яблоки, рдѣли чудесные желтоватые персики съ румяными боками, подернутые пушкомъ, и большія зеленовато-желтыя айвы, съ мякотью деревянистаго вкуса. Айву въ большинствѣ случаевъ ѣдятъ въ Астрахани пареную (парятъ въ горшкахъ, въ русскихъ печахъ), или варятъ изъ нея варенье: сырая она отличается деревянистымъ терпкимъ вкусомъ. Въ іюнѣ здѣсь хороши разные сорта вишенъ: шпанка, морель и другъ. Вообще, по части фруктовъ Астрахань—городъ богатый, и Исалы лѣтомъ завалены

ими, а сколько отправляется ихъ ежедневно въ другіе города на пароходахъ, идущихъ вверхъ по Волгѣ!

Садъ оканчивался ильменемъ, окаймленнымъ зеленою стѣной стройнаго камыша (тростника) и свѣтло-зеленымъ чаканомъ съ бархатистыми бурыми початками. Весной ильмени переполнены водой и сливаются съ разлившейся ближней рѣкой, среди же лѣта многіе изъ нихъ высыхаютъ и представляютъ гніющія болота съ тяжелымъ запахомъ, такъ что далеко отъ края можно пройти по ихъ засохшему растрескавшемуся дну. Густой камышъ, окружающій ихъ, является пріютомъ многочисленнаго птичьяго населенія: тутъ и кулики, и чирки, водяныя курочки и утки и пр. водяная дичь. Эта дичь привлекаетъ въ камыши многочисленныхъ охотниковъ

Камышъ ильменей приноситъ существенную пользу жителямъ селъ и деревень Астраханскаго края. Такъ какъ здѣсь край безлѣсный—(есть только рощи, въ которыхъ преобладаютъ тутовыя деревья, ивы разныхъ породъ, и тальники (ракиты),—то мѣстные жители употребляютъ камышъ, какъ топливо, и даже кроютъ имъ крыши. Выждавъ, когда камышъ созрѣетъ и начнетъ увядать, его срѣзаютъ на ильменяхъ, высушиваютъ и топятъ лѣтомъ печки. Онъ даетъ вполнѣ достаточно тепла, чтобы можно было сварить обѣдъ.

Татары же лѣтомъ совсѣмъ и не готовятъ въ печкѣ, а на таганѣ, треножникѣ, во дворѣ, на открытомъ воздухѣ или на шесткѣ русской печки.

Тѣ же ильмени являются поставщиками вѣниковъ для метенія половъ. Для вѣниковъ употребляются стебли дикаго проса, которыхъ связываютъ въ пучки. Тутъ же въ ильменяхъ добывается рогатый чилимъ—водяной орѣхъ, одно изъ лакомствъ мѣстной дѣтворы. Такъ мѣстное населеніе пользуется для своихъ цѣлей произведеніями мѣстной флоры.

До поздняго вечера пробыли мы у гостепріимнаго хозяина, осматривая его хозяйство и гуляя по саду. Намъ вынесли самоваръ и большія чайныя чашки, изъ которыхъ мы пили чаи на открытомъ воздухѣ. Огромныя куски калача (бѣлаго хлѣба) лежали на подносѣ къ нашимъ услугамъ. Татары большіе любители калача и чая и пьютъ его до седьмого пота, растопыривъ ладонь и поддерживая блюдечко кончиками пальцевъ.

Солнце уже начало закатываться, и муэдзинъ, стоя на минаретѣ, созывалъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, когда мы собрались въ путь, отбагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ. Насъ надѣлили виноградомъ и другими фруктами. Вдоль улицы тянулись мужчины, собираясь въ мечеть на вечернюю молитву. Съ разрѣшенія муллы наши мужчины остановились на порогѣ мечети, присматри-

Растительность ильменя.

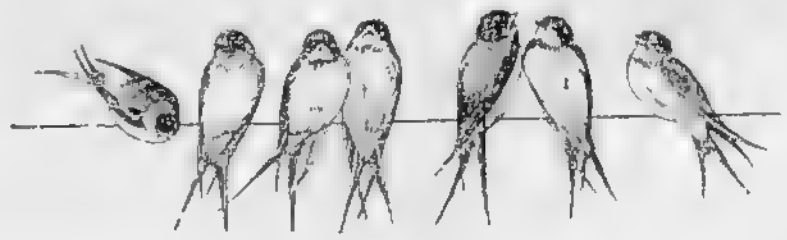
ваясь къ мусульманскому богослуженію. Дальше порога они не попли, потому что обычай мусульманъ требуетъ, чтобы всякій входящій въ мечеть снималъ съ ногъ грязную обувь. Мечеть была полна молящихся. Ничѣмъ ненарушимая тишина царила кругомъ. Полъ былъ устланъ коврами и войлоками, заглушавшими шаги босыхъ ногъ. У порога стояли цѣлыя шеренги башмаковъ и туфель. Стоя неподвижно на своихъ мѣстахъ, молящіеся безшумно поднимали руки вверхъ и такъ же безшумно простирались на полу. Никто не оглядывался на сосѣдей, никто не шепталъ ни слова, кромѣ словъ молитвы.

Муллы—не только священники, но вмѣстѣ съ тѣмъ и учителя въ школахъ, которыя находятся при каждой мечети. Каждый ученикъ имѣетъ ящикъ съ книгами и особую чернильницу. Муллы и ихъ помощники, часто изъ старшихъ учениковъ, обучаютъ мальчиковъ; дѣвочекъ же учатъ жены муллъ. Въ школу поступаютъ съ семи лѣтъ, и ученіе продолжается не менѣе пяти лѣтъ. Всѣ татары—грамотны, потому что по закону должны знать священную книгу Коранъ, т. е. заповѣди пророка Магомета. Учитель не получаетъ жалованья, а только подарки отъ учениковъ—муку, чай, медъ и немного денегъ. Иногда къ большому празднику подарятъ ему халатъ.

Чудная лунная ночь сошла на землю, когда

мы возвращались домой. Съ далекаго безоблачнаго неба свѣтилъ мѣсяцъ и заливалъ все своимъ фантастическимъ блескомъ, полнымъ трепетнаго сіянія. Все купалось въ этомъ яркомъ фосфорическомъ свѣтѣ, такомъ яркомъ, что можно было свободно читать книгу. Никогда на сѣверѣ не увидишь такого глубокаго неба, такой прозрачной голубой ночи. Лунныя серебряныя ночи, особенно въ августѣ, одно очарованіе въ Астрахани. Не менѣе красивы и звѣздныя ночи, и не знаешь, чему отдать предпочтеніе. Въ августѣ небесный сводъ весь дрожитъ и искрится отъ безчисленныхъ звѣздъ; онѣ переливаются и играютъ, какъ дивные крупные брилліанты, на темномъ бархатѣ неба. Широкой бѣлой полосой протянулся съ одного конца на другой млечный путь. И кажется, весь небесный сводъ живетъ и дышетъ.

Гигантскіе пирамидальные тополи, настоящіе красавцы юга, навѣвали поэзію и увеличивали обаяніе серебряной царственной ночи. Ихъ высокіе, стройные силуэты съ прижатой листвой, подобно минаретамъ, выражаютъ стремленіе вверхъ, къ звѣздному небу, и какъ бы олицетворяютъ стремленіе человѣка къ высокому идеалу.



V.

Калмыцкій базаръ.—Внутренній видъ кибитки.—Скачки.—Хурулъ.—Калмыцкая степь.—Скотоводство.—Пища калмыка.—Калмыцкіе обычаи.—Свадьба.—Похороны.

— Сегодня скачки на Калмыцкомъ базарѣ,—не хотите ли ѣхать? интересное зрѣлище!—сказали мнѣ знакомые.

— А что такое Калмыцкій базаръ?—спросила я.

— Калмыцкое становище, въ семи верстахъ отъ Астрахани, на правомъ берегу Волги. Въ немъ калмыцкій хурулъ и мѣстопребываніе калмыцкаго духовенства. Сюда калмыки пріѣзжаютъ для торговли, привозятъ скотъ: овецъ, барановъ, лошадей и покупаютъ соль, муку и проч.

Увидѣть калмыцкое село, самихъ сыновъ степи, ихъ кибитки, храмы — представлялось мнѣ крайне интереснымъ. Не менѣе привлекали меня скачки этихъ сыновъ степей.

Небольшой пароходикъ довезъ насъ до Калмыцкаго базара. Это грязное, неуютное мѣсто, смѣсь деревянныхъ домовъ и кибитокъ. Зажиточные калмыки и ихъ монахи живутъ зимой въ домахъ, а лѣтомъ въ кибиткахъ, остальное населеніе всегда ютится въ кибиткахъ. Тутъ же невольно бросается въ глаза постройка съ остроконечной крышей, — калмыцкій храмъ — хурулъ. Много кибитокъ изъ закоптѣвшихъ, совсѣмъ черныхъ кошмъ, и около нихъ, въ своей любимой позѣ на корточкахъ, не выпуская изъ рта трубки, сидѣли хозяева этихъ кибитокъ—сущіе бѣдняки, въ рваныхъ подчасъ рубашкахъ и бешметахъ, и босые. Волосы подстрижены по русски въ скобку, а на головѣ мѣховыя шапки, расширенныя кверху, четыреугольныя, съ красными пуговицами на донышкѣ. Бешметы стянуты ременными поясами. Около кибитокъ суетятся и хозяйничаютъ калмычки въ такихъ же халатахъ и штанахъ, какъ и мужчины, съ такими же скуластыми, желтовато-бурыми грязными лицами и еле прорѣзанными косыми глазками. Въ ушахъ болтаются длинныя серьги или толстыя кольца, и не только у женщинъ, но и у мужчинъ. На головахъ у женщинъ такія же низенькія на бекрень шапочки, желтыя съ чернымъ околышемъ. У многихъ женщинъ во рту трубки, и ихъ только и можно отличить отъ мужчинъ по косамъ, что

висятъ у нихъ въ черныхъ чахлахъ не по плечамъ, а спереди вдоль груди. Голыя, грязныя, почернѣвшія отъ солнца дѣти, съ азартомъ играли и бросали бараньи кости—альчики, любимая игра калмыцкихъ дѣтей. Множество тощихъ собакъ бѣгало между кибитками и лаяло на прохожихъ.

Калмыцкая кибитка очень незатѣйлива: раздвижныя рѣшетки ставятся кругомъ, оплетаются тесьмой, покрываются жердями вмѣсто крыши, и прикрываются сверху кошмами—войлоками; наверху отверстіе для дыма и свѣта, а сбоку дверь, закрывающаяся кошмой. Небольшой флагъ, на которомъ вышита молитва, помѣщается на верху кибитки. Внутри, въ центрѣ кибитки очагъ—таганъ, сбоку нехитрыя постели съ нѣсколькими бѣлыми кошмами, подушки, сѣдла, пологъ и занавѣски, а на противоположной отъ двери стѣнѣ алтарь—небольшой деревянный столикъ, украшенный рѣзьбой, красками и позолотой. И ящикъ съ бурханами—деревянными уродливыми идолами. На столикѣ серебряныя и мѣдныя чашечки, въ которыя кладутъ жертвы: воду, масло, пшено и лакомства. Старшій въ семьѣ исполняетъ роль жреца и совершаетъ жертвоприношенія. Во время жертвоприношеній бурханы вынимаются изъ ящика и украшаются разноцвѣтными лоскутами и ленточками. Когда калмыкъ недоволенъ своимъ идоломъ, то сѣчетъ его.

Калмычка съ ребенкомъ.

Внутренность кибитки, незатѣйливая посуда и утварь калмыка, поражаютъ своей невозможной грязью и полнѣйшимъ безпорядкомъ. Посуда никогда не моется и не чистится. Калмычка вытираетъ ее грязнымъ пальцемъ, оближетъ языкомъ, или дастъ вылизать собакѣ. Тарелки и блюдца вытираются пальцами, пальцы—о грязныя полы халатовъ. Одежда калмыка поэтому всегда грязна, засалена и въ дырахъ; лицо, руки и уши грязны.

Калмыкъ.

Мимо грязныхъ кибитокъ, незатѣйливыхъ домишекъ, грязныхъ дѣтей и тощихъ собакъ, мы направились на огромный безотрадный солончаковый пустырь безъ кустика и травки. Тутъ, за Калмыцкимъ базаромъ, у подножія небольшаго бугра было отведено обширное пространство для скачекъ. Скачки устраиваются для поощренія калмыковъ въ разведеніи лошадей и лучшимъ скакунамъ и

сѣдокамъ выдаются призы. На бугрѣ были раскинуты палатки для пріѣзжаго начальства, которое, возсѣдая на стульяхъ, любовалось скачками сыновъ степей. Тутъ же среди лѣтнихъ свѣтлыхъ платьевъ дамъ и мундировъ мужчинъ яркимъ пятномъ видѣлялись богатые калмыки и калмычки въ своихъ національныхъ нарядахъ. Всеобщее вниманіе обращала на себя своимъ костюмомъ красавица калмычка — дочь богатаго князя. На ней былъ шелковый терликъ—родъ капота со стоячимъ воротникомъ и длинными рукавами; поверхъ него цегдакъ — безрукавка плотно охватывавшая тонкій станъ. Весь нарядъ былъ расшитъ позументами, застежки на груди изъ серебряныхъ узорчатыхъ пуговицъ. Шелковые шаровары, на ногахъ голубого сафьяна ботинки съ загнутыми вверхъ носками, на головѣ шапка, опушенная лисьимъ мѣхомъ съ серебряной пуговкой на верхушкѣ.

По знаку начальства начались скачки. По довольно обширному кругу понеслись съ удальствомъ и безшабашностью около десятка лошадей. И кони и всадники какъ будто понимали значеніе минуты и отдавались ей съ настоящимъ упоеніемъ. По своему азарту эти степные всадники въ легкомъ одѣяніи, съ полуобнаженной грудью не уступали нашимъ жокеямъ на скачкахъ. А кони ихъ—эти небольшія некрасивыя ло-

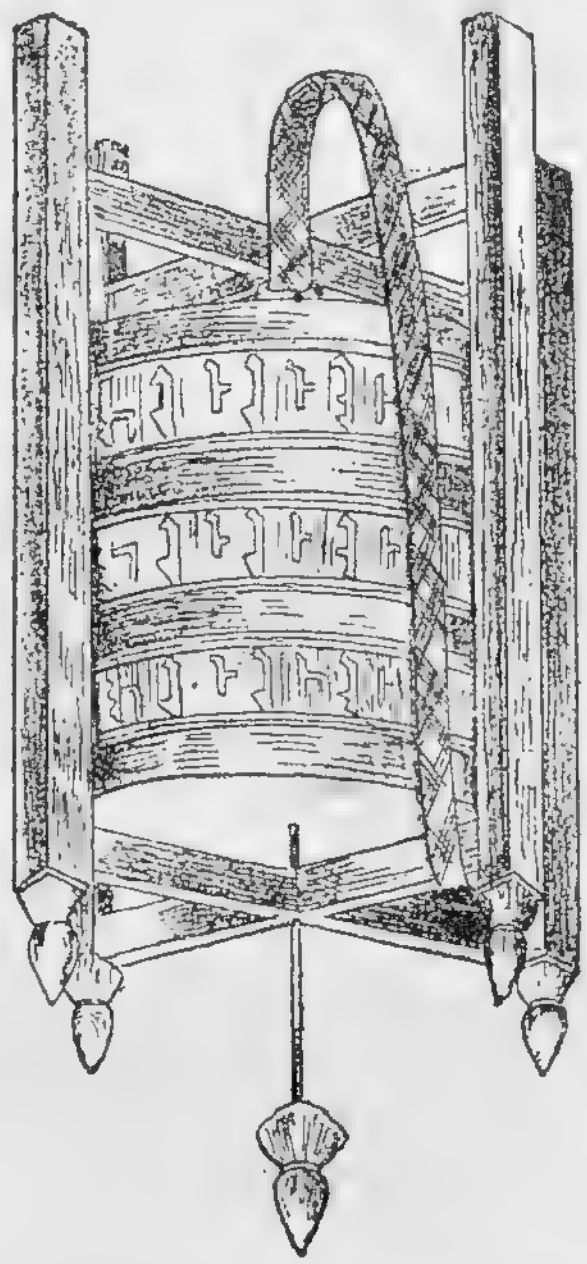
шадки, по виду невзрачныя—прямо изумляли насъ своей выносливостью и неприхотливостью. Стоящіе вокругъ зрители—тѣ же сыны степей—поощряли гиканьемъ состязующихся, гулъ стоялъ въ воздухѣ, и всякая побѣда любимца сопровождалась взрывомъ одобренія. Жаркое южное солнце освѣщало эту своеобразную картину.

На обратномъ пути со скачекъ мы зашли въ хурулъ. Внутренность хурула поражаетъ пестротой и яркостью: всюду разставлены пестро раскрашенные молитвенные барабаны, раскрашенные платки, всевозможныя мелкія вещицы: серебряныя чашечки и сосуды для жертвоприношеній на столѣ, на высокихъ древкахъ писанныя на шелку образа со всевозможными уродами. Тутъ же возсѣдали калмыцкіе жрецы — гелюнги, съ выбритыми головами и коротенькими черными усиками, и сидѣли на пяткахъ мальчики—служители при храмѣ.

Калмыцкаго богослуженія намъ не удалось видѣть, но мы воспользуемся описаніемъ русскаго путешественника г. Немировича-Данченко, присутствовавшаго въ хурулѣ на богослуженіи: „Посрединѣ храма въ два ряда лицомъ другъ къ другу сидѣли на корточкахъ жрецы—гелюнги; трое—съ одной стороны, пятеро—съ другой. На всѣхъ широкіе красные или желтые шелковые халаты. На одномъ, сверхъ того, плащъ изъ по-

Внутренній видъ священной кибитки, гдѣ происходятъ богослуженія.

лосатой шелковой матеріи; на головѣ главнаго жреца картонный кокошникъ, родъ митры, съ изображеніемъ многоногихъ паукообразныхъ бурхановъ. Голубой плащъ копромъ торчитъ на плечахъ, подъ нимъ желтая рубаха, а изъ-подъ нея видна розовая юбка. У каждаго въ рукахъ, или на коврѣ передъ нимъ какой-нибудь музыкальный инструментъ. У главнаго ламы подъ кокошникомъ громадный парикъ изъ конскихъ волосъ, на который пошло не менѣе дюжины лошадиныхъ хвостовъ.

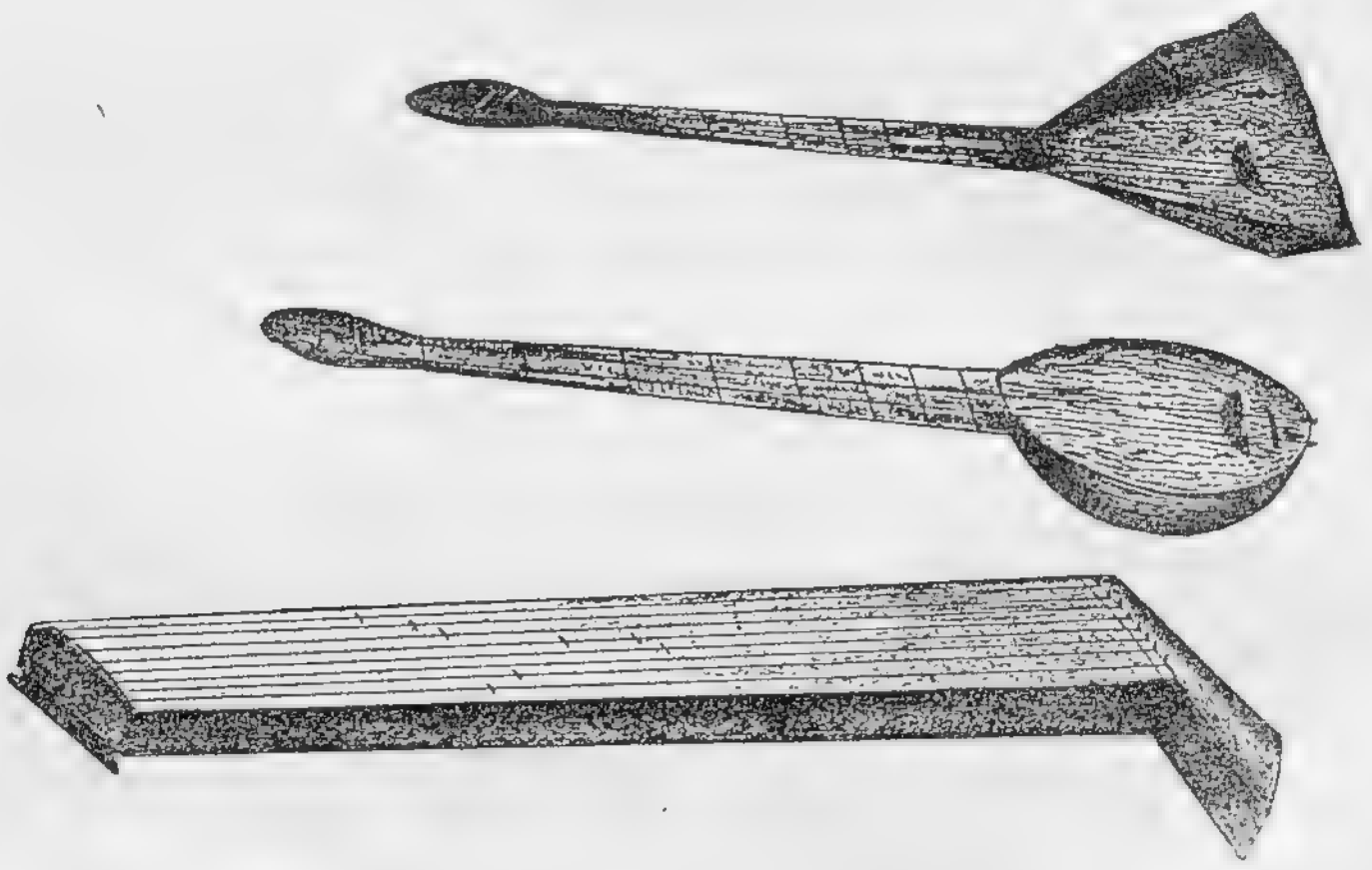


Молитвенный барабанъ.

Передъ алтаремъ съ бурханами, между которыми выдѣлялся Будда, вылитый изъ какого-то желтаго металла, горѣли многочисленныя пахучія свѣчи. Въ углу на этажеркѣ находились священныя калмыцкія книги. У самаго храма снаружи и внутри его постоянно вертѣлись молитвенные барабаны. На нихъ изображены молитвы, внутри барабанъ тоже набитъ ими. Молитвы вертятся, а это, по мнѣнію калмыковъ, все равно, что ихъ читаешь передъ бурханами.

Священныя книги калмыковъ—это длинныя полосы лакированной бумаги, написанной разноцвѣтными красками, съ священными изображеніями бурхановъ. Онѣ связаны въ отдѣльные пучки, и каждый пучекъ завернутъ въ нѣсколько шелковыхъ матерій разныхъ цвѣтовъ.

Въ храмѣ ревѣли трубы, потомъ послышался меланхолическій напѣвъ. Всѣ жрецы печально,



Музыкальные инструменты калмыковъ.

но согласно, мурлыкали себѣ подъ носъ, то слегка возвышая, то понижая голосъ. Одинъ позвонилъ серебряными колокольцами, въ тактъ жрецы похлопывали въ барабаны. Съ унылымъ напѣвомъ сливалось жужжанье быстро вращаемыхъ молитвенныхъ барабановъ. Но вотъ къ хору присоединился рожокъ. Все рѣзче и рѣзче трубитъ онъ.

Рожки и большія морскія раковины, оправленныя въ серебро,—не умолкаютъ, къ нимъ присоединяется оранье громадныхъ мѣдныхъ трубъ. Затѣмъ мало по малу притихли трубы, умолкли рожки и раковины, тише и тише стали литавры, и опять тихій меланхолическій напѣвъ, опять нервное порывистое тюлюканье серебряныхъ колокольчиковъ и словно принижающійся звонъ литавровъ. Наконецъ и литавровъ не слышно, и колокольчики меркнутъ, и только жужжаніе барабановъ, да унылый сонный напѣвъ гелюнговъ сквозь окна храма разносится въ зеленую степь. Изъ одинокаго хурула на громадное разстояніе разносятся эти печальные, дикіе напѣвы. Чутко внимаетъ имъ кочевникъ и, складывая у лба ладонь къ ладони, творитъ земной поклонъ, слегка дотрогиваясь головою до своихъ бурхановъ".

Нынѣшніе калмыки—это потомки тѣхъ калмыковъ, которые огромной толпой появились изъ Азіи въ 17 столѣтіи и поселились въ низовьяхъ Волги. Отсюда они совершали свои разбойничьи набѣги на русскія поселенія и не разъ грабили Астрахань. Такія разбойничьи нападенія продолжались долго, и все Поволжье трепетало отъ калмыковъ. Русское правительство завело тогда здѣсь воинскія команды и крѣпостцы и стало сокращать разбои. Недовольные такими порядками, калмыки двинулись обратно въ Монголію. Но большинство

Гелюнги у дверей хурула.

ихъ погибло въ пути; осталось не болѣе пяти тысячъ семействъ или кибитокъ, которые жили на правомъ берегу Волги и по случаю разлива рѣки не успѣли уйти. Потомки этихъ калмыковъ и кочуютъ до настоящаго времени въ низовьяхъ Волги, въ такъ называемой Калмыцкой степи, между Волгой и Дономъ. Низменная калмыцкая степь—это дно бывшаго моря и часть огромной прикаспійской степи. Слѣды этого моря сохранились здѣсь въ видѣ соляныхъ озеръ и грязныхъ соляныхъ болотъ. Краснобурая земля кое-гдѣ покрыта низкорослой сѣдовато-сѣрой солончаковой растительностью, съ колючками и волосками вмѣсто листьевъ, мѣстами же совершенно гола. Однообразна и мертва эта безводная низменная степь и только песчаные холмы—барханы, которые наносятся вѣтромъ, оживляютъ ее. Вотъ какъ описываетъ калмыцкую степь одинъ путешественникъ: „Красно-желтыя степи. Нѣтъ имъ конца и краю. Тянутся они предъ вами и за вами. Кое-гдѣ пучки полыни серебрятся, склоняясь по вѣтру, да сухія былинки стелются. Въ безоблачныхъ небесахъ черными точками повисли орлы... Буровато-сѣрой тучей клубится глинистый песокъ тамъ, гдѣ вѣтеръ свѣшиваетъ гребни разсыпчатыхъ бугровъ... Ближе и ближе эти тучи. Скоро и солнца совсѣмъ не видать подъ пескомъ. Онъ слѣпитъ вамъ глаза, забивается

въ уши, въ глаза лѣзетъ. Ни дышать, ни рта раскрыть нельзя. А выберетесь на чистый про-

Богатая калмычка.

сторъ—и опять знойное небо вверху и та же красно-жёлтая степь внизу... Безъ конца, безъ краю!

На озеро наткнетесь—другая бѣда. Ни освѣжиться купаньемъ, ни напиться нельзя! Соль! Да кромѣ того камышъ и чаканъ такой щетиной стали по берегу, что, пожалуй, и до воды не добраться. Только кабану и водъ въ этой чащѣ. Тѣмъ не менѣе, и этимъ дорожатъ убогіе калмыки. По близости раскидываютъ они ставки. По степямъ разбросаны въ разстояніи 15—20 верстъ худуки—искусственно вырытыя ямы, въ которыхъ скопляется почвенная вода. Часто вода—густая масса, стоячая, вонючая, но инородцы и тѣмъ счастливы. Осенью еще хуже. До худука кочевникъ и не доходитъ. Въ лужахъ довольно дождевой воды.

Тамъ, гдѣ побольше растительности, да сухой,—часто случаются страшные степные пожары. Отъ малѣйшей искры сухая зелень вспыхиваетъ, какъ порохъ. Сильный вѣтеръ жарко раздуваетъ пламя... Вихрь разбрасываетъ пламя по сторонамъ. Огонь уже бурнымъ потокомъ бѣжитъ по степи, отбрасывая назадъ, словно косматое знамя, черную тучу смраднаго дыма. Глинистый бугоръ по дорогѣ—не остановитъ ему потока. Пламя обвило его змѣей—и спустя минуту уже далеко оставило за собой жалкое препятствіе... Балка *) тянется—вѣтеръ переброситъ огненные языки черезъ балку, и пожаръ съ несокрушимой силой,

*) Балка—оврагъ съ соленой лужей на днѣ.

Гелюнгъ.

ярко, остервенѣло несется все дальше и дальше. Все живое гибнетъ. Птица ли въ дымъ попадетъ— и, задохнувшись, падаетъ въ огонь. Жалкія де-

Старая калмычка.

ревья на пути—еще пожаръ далеко, а пламенное дыханіе уже пепелитъ листву. Съ громкимъ жалобнымъ трескомъ щелится кора,—а побѣжитъ

огонь—отъ дерева только одинъ пень обугленный останется посреди такой же черной обугленной стени. Ночью все небо горитъ заревомъ».

Эта безводная и безплодная солончаковая степь—мѣсто кочевья калмыковъ. Калмыки—скотоводы, а такъ какъ скотъ стоитъ круглый годъ на подножномъ кормѣ, то они кочуютъ, смотря по тому, гдѣ есть трава. Остановившись на мѣстѣ, они раскладываютъ свои кибитки. Скотъ доставляетъ калмыку главныя средства къ существованію своимъ молокомъ, мясомъ и шерстью, а навозъ его—кизякъ—собирается, сушится на солнцѣ, дѣлится на плитки и служитъ топливомъ. Когда калмыкъ разводитъ огонь на таганѣ, то по всей степи распространяется своеобразный пахучій запахъ кизяка. Лѣтомъ житье калмыка среди приволья степей довольно сносное, но зимой—очень тяжелое. Кибитка, хотя и обкладывается на зиму новымъ слоемъ кошмъ, плохо грѣетъ, дымъ отъ кизяка разъѣдаетъ глаза и только горячій кирпичный, плиточный чай съ водой, иногда молокомъ, солью и саломъ согрѣваетъ бѣднаго сына степей. Калмыки селятся всегда группами кибитокъ и на зиму перекочевываютъ къ волжскимъ притокамъ, въ такъ называемыя мочаги между волжскими заливами, гдѣ морозы слабѣе, чѣмъ во внутренней степи; тамъ они устраиваютъ себѣ въ мѣстахъ зимнихъ стойбищъ зем-

Калмыцкій хурулъ.

лянки изъ глины съ навозомъ и соломой, или просто грязи, смѣшанной съ соломой. Эти постройки приземисты, косы и кривы и съ подслѣповатыми окнами, съ узкими и низкими дверями, но они лучше кибитокъ защищаютъ калмыка отъ холода. Землянка окружена базами—загонами для скота во время вьюгъ.

Овцы и лошади—главное богатство калмыка, и количествомъ головъ скота измѣряется зажиточность его. Скотъ для калмыка-кочевника—все: онъ доставляетъ не только матеріалъ для одежды и жилища, но и необходимую пищу; продажей скота калмыки добываютъ также необходимыя деньги для уплаты податей, для покупки домашней утвари и т. д. Круглый годъ скотъ пасется въ степи на подножномъ кормѣ, не отлучаясь далеко отъ кибитокъ своихъ хозяевъ. Вѣрныя овчарки сторожатъ его. Весной, какъ только сойдетъ снѣгъ, кочевники передвигаются со своими стадами къ мѣстамъ болѣе возвышеннымъ, на которыхъ трава появляется скорѣе. За весну скотъ отъ обильнаго подножнаго корма жирѣетъ (отъ ковыля, полыни и другихъ травъ). Кочевники также обильно питаются, пользуясь молокомъ и мясомъ животныхъ и заготовляютъ себѣ кумысъ, сыръ и пр. Когда наступятъ лѣтнія жары, скоту досаждаютъ слѣпни и другія насѣкомыя; нерѣдко ему недостаетъ воды и корму.

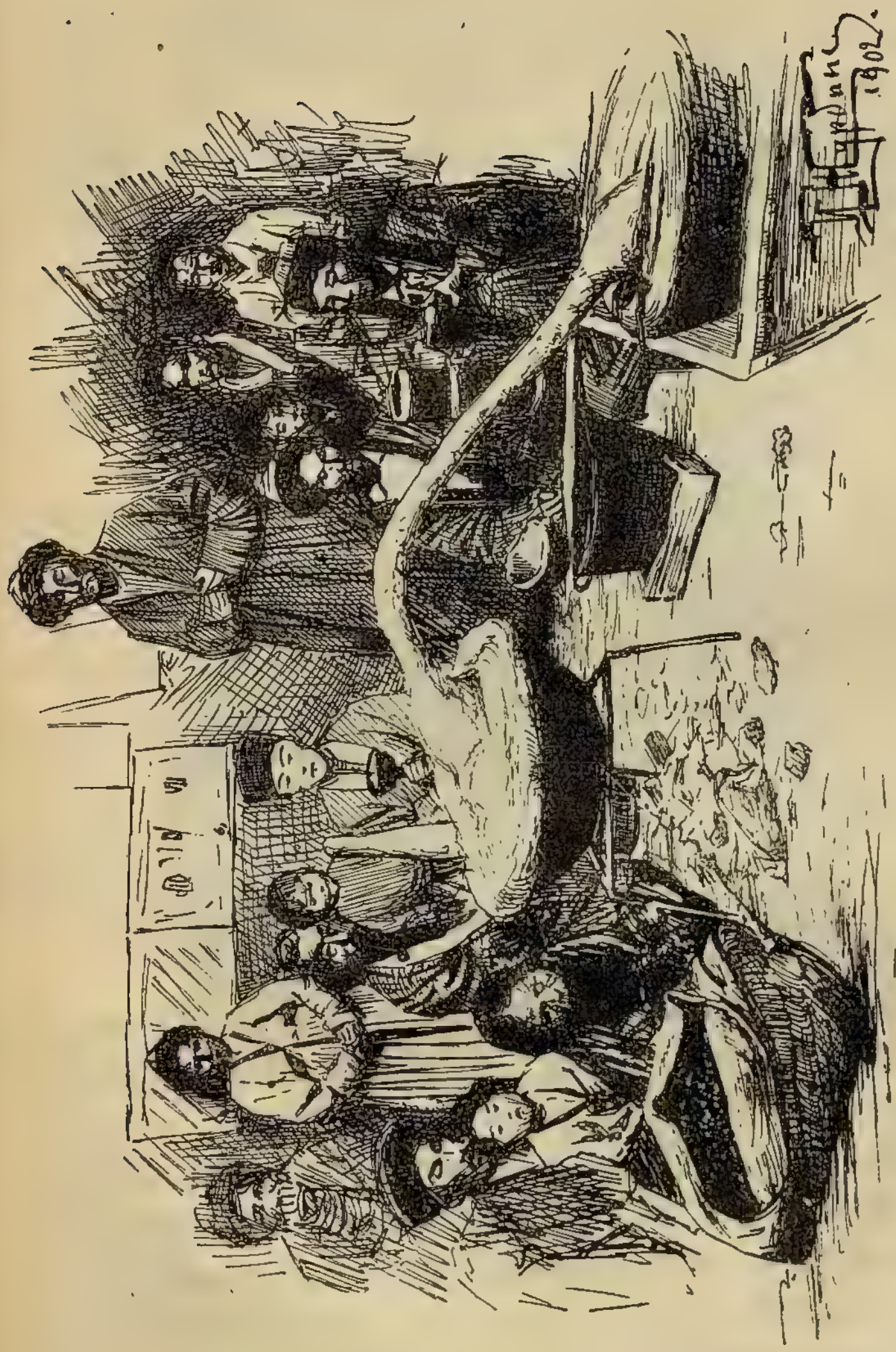
Осень опять благодатное время. Но зимоїй опять бѣда: какъ только снѣгъ покроетъ землю снѣжной пеленоїй, скоту приходится разрывать снѣгъ копытами и доставать полузавядшіе пучки травы. Скотъ сильно тощаетъ отъ такоїй скудноїй пищи. Сѣномъ кормится только молодоїй скотъ, всѣ же остальныя домашнія животныя выгоняются въ степь ежедневно съ утра. Впереди идутъ всегда табуны лошадеїй; они разбиваютъ своими крѣпкими копытами снѣгъ и достаютъ засохшую степную растительность; вслѣдъ за ними идутъ овцы, которыя пользуются тѣмъ, что достанутъ лошади. Шествіе обыкновенно заключаютъ верблюды, которые по своеїй неприхотливости поѣдаютъ все, что осталось отъ другихъ животныхъ, но которые сами не могутъ доставать корма изъ-подъ снѣга. Въ снѣжную зиму и во время гололедицы, когда земля покроется ледяноїй короїй, даже лошадямъ не пробить этоїй коры и нерѣдко въ такую зиму масса скота гибнетъ отъ голода. Въ особенности тяжело скоту во время шурґановъ—снѣжныхъ мятелеїй, когда снѣжные вихри крутятъ и носятся по степи, не встрѣчая преградъ; если нѣтъ по близости ильменеїй, поросшихъ камышемъ, чтобы укрыться отъ порывовъ снѣжноїй бури, то, сбившись въ кучу, скотъ выжидаетъ окончанія бури. Шурганы такъ стремительны, что крупный рогатый скотъ и лошади нерѣдко не

могутъ устоять противъ его напора, гонятся имъ до истощенія силъ и погибаютъ цѣлыми табунами. Нерѣдко богатый калмыкъ раззоряется въ одну ночь, такъ какъ у него погибаетъ до двухъ тысячъ головъ скота.

Скотъ, какъ сказано,—главный кормилецъ калмыка. Онъ доставляетъ ему все, чѣмъ довольствуется неприхотливый сынъ степей. Засушенное лошадиное, козье и баранье мясо, оладьи на бараньемъ салѣ, похлебка изъ ржаной муки съ саломъ, кумысъ—кисловатое кобылье молоко—вотъ любимыя яства калмыковъ. Все это запивается кирпичнымъ, плиточнымъ чаемъ, сваренным въ водѣ съ солью, мукой и саломъ, который подается въ деревянныхъ чашкахъ. Въ пищѣ калмыки не разборчивы, даже ѣдятъ падаль и полевыхъ мышей. Калмыкъ кромѣ падали никакого мяса не ѣстъ, а про падаль говоритъ: «что Богъ убилъ, то можно человѣку ѣсть», а самъ ни за что даже пѣтуха не зарѣжетъ! — Это по его мнѣнію грѣхъ. Изъ кумыса калмыки приготовляютъ водку — арьку, которой упивается не только воздержанный калмыкъ—мужчина, но даже женщины, дѣвушки и дѣти. Арька приготовляется слѣдующимъ образомъ: изъ чугуннаго котла, замазаннаго глиной, проводятся трубочки въ небольшой, плотно закрытый сосудъ. Въ котелкѣ кипятится кумысъ—

въ сосудъ перегоняется жидкость безцвѣтная, какъ вода, сильно опьяняющая,—это и есть арька. Въ котелкѣ остается творогъ—бозо, изъ котораго приготовляется калмыцкій сыръ. Арька играетъ видную роль во всѣхъ важныхъ событіяхъ жизни калмыка. Въ кибитку, гдѣ варится арька, собираются какъ на пирушку гости со всего кочевья (хотона). Тутъ же присутствуетъ и семья хозяина кибитки. Когда арька готова, женщина снимаетъ крышку и ставитъ котелъ передъ хозяиномъ. Послѣдній наливаетъ арьку въ чашечку и ставитъ передъ бурханами (идолами), какъ жертву. Потомъ хозяинъ выплескиваетъ немного арьки въ огонь (чтобы помиловало огненное божество), немного въ небо (чтобы помиловали всѣ боги), немного въ дверь (пусть лошадь всегда стоитъ въ сѣдлѣ, пусть минетъ болѣзнь, да не зовутъ хозяина въ судъ), четвертый разъ льется въ честь Чингизъ-хана, который считается изобрѣтателемъ арьки, при чемъ калмыкъ приговариваетъ: „пусть милуетъ Чингизъ-ханъ“. Пятая чарка подается почетному гостю; кто не приметъ этого угощенія, тотъ жестоко обидитъ хозяина. Кто бы ни вошелъ въ кибитку во время арьковаренія, долженъ выпить арьку. Потомъ пьютъ по старшинству мужчины, потомъ женщины. При этомъ произносятся всевозможныя пожеланія. Кромѣ водки, у калмыковъ сильна страсть къ картамъ,—проигрыва-

Костюмы калмычекъ.



Арьковареніе.

ютъ нерѣдко все имущество—и къ табаку. Курятъ табакъ всѣ—отъ мала до велика—и больше женщины, чѣмъ мужчины.

Хозяйство ведутъ почти исключительно женщины; онѣ доятъ коровъ, чинятъ кожи, шьютъ одежду и обувь, собираютъ навозъ для топлива, чинятъ и ставятъ на мѣсто кибитки, носятъ воду, варятъ пищу. Калмыкъ присматриваетъ только за скотомъ, а лѣтомъ коситъ траву. Если дома нѣтъ работы, онъ нанимается на рыбные и соляные промыслы, гдѣ поражаетъ своей неприхотливостью и выносливостью. Въ жару, когда все живое только и думаетъ куда бы въ тѣнь уйти отъ палящаго солнца, бодро и бойко работаетъ калмыкъ, таскаетъ громадныя связки дровъ, грузитъ трюмъ, возится съ снастью и при этомъ ни малѣйшей жалобы, ни одного упрека. Часто онъ однимъ хлѣбомъ сытъ, а если кромѣ хлѣба есть у него кирпичный чай, такъ онъ богачемъ и счастливцемъ себя считаетъ.

Калмыки женятся рано: мужчины шестнадцати лѣтъ, дѣвушки—четырнадцати. Невѣсту выбираютъ родители или родственники жениха. „Жена—это находка“ говорятъ калмыки и тщательно выбираютъ жену. Калмыцкая женщина должна быть хорошей работницей, хозяйкой и рукодѣльницей, и потому при выборѣ невѣсты обращаютъ вниманіе на то, умѣетъ ли она ра-

ботать. „Важнѣе всего, какъ невѣста работаетъ“, говорятъ калмыки. Сватовство происходитъ черезъ сватовъ. Сваты являются съ арькой и предлагаютъ ее родителямъ невѣсты. Если водка принята—значитъ сватать можно. Сватовство тя-

Пляска калмычекъ.

нется очень долго, пока женихъ не выплатитъ роднѣ невѣсты все, что слѣдуетъ по обычаю и договору. При этомъ совѣтуются съ „зурхачи“—предсказателями, колдунами, будетъ-ли бракъ счастливъ. Если „арька“ принята три раза, то

значитъ обрученіе совершилось. Передъ свадьбой устраивается пирушка. Жениха сажаютъ на подушку, и дѣвушки во время танцевъ нападаютъ на него, бьютъ руками, даже плетьми. При четвертой поѣздкѣ сговариваются о приданомъ, которое дѣлается на средства жениха. Послѣ пятой поѣздки совершается похищеніе невѣсты; колдунъ указываетъ, какъ должно произойти похищеніе. Во время пирушки, указанное для похищенія лицо, подходитъ къ плачущей невѣстѣ. Подруги невѣсты нападаютъ на него и бьютъ, но „дружки“ жениха наступаютъ; поднимается шумъ, суета, хватаютъ невѣсту, выталкиваютъ изъ кибитки, сажаютъ на лошадь, садятся и дружки, и, окруживъ невѣсту, скачутъ отъ кибитки родителей невѣсты въ „хотонъ“ (кочевье) родителей жениха, гдѣ уже все приготовлено для пиршества. Во время пира происходятъ любимыя развлеченія калмыковъ: борьба, перекидываніе одинъ другого, въ чемъ калмыки очень искусны, пѣніе и пляска, монотонныя, однообразныя, которыя сопровождаются игрой на калмыцкой балалайкѣ—домбрѣ. Музыка калмыка очень негармонична и для нашего европейскаго слуха лишена красоты. Пѣвцовъ смѣняютъ танцующіе, домбра звучитъ, и гости, развеселившись, покрикиваютъ: „хадресь“ (добрый) и „ергке“ (выше). Крики эти усиливаются и, наконецъ, доходятъ до того,

Калмыцкія дѣти.

что въ кибиткѣ, какъ говорится, стонъ стоитъ. Калмыки могутъ имѣть сколько угодно женъ, но многоженство у нихъ встрѣчается рѣдко.

Калмыки кладбищъ не знаютъ, умершихъ заворачиваютъ въ старый войлокъ, и трупъ бросаютъ въ старый заброшенный колодецъ или въ первую попавшуюся яму или въ сугробъ снѣга. Только трупы князей да ламъ сожигаются.

Въ настоящее время не всѣ калмыки ведутъ кочевой образъ жизни, часть ихъ живетъ въ улусахъ-селахъ и мало-по-малу пріучается къ осѣдлой жизни. Имъ отводятся земли, на которыхъ они строятъ деревянные или изъ глинобитнаго кирпича дома, а также земляные загоны для скота. Устроивъ въ нихъ свои стада, калмыкъ-кочевникъ строитъ избу или землянку, которая оказывается дешевле войлочной кибитки. Но какъ только повѣетъ тепломъ, кочевника не удержать въ четырехъ стѣнахъ. Онъ отправляется бродить по приволью зеленыхъ степей, забывая до глубокой осени свою осѣдлость. Въ улусахъ—селахъ живутъ также калмыцкіе князья и главные въ родѣ; простые калмыки находятся въ страшномъ рабствѣ у своихъ князьковъ и нойоновъ (дворянъ), въ пользу которыхъ платятъ извѣстный налогъ съ каждой кибитки. Во многихъ улусахъ существуютъ теперь русско-калмыцкія школы для дѣтей крещеныхъ калмыковъ. Для желающихъ

учиться дальше, существуютъ калмыцкія училища въ Астрахани, а есть и такіе богатые и просвѣщенные калмыки, которые отдаютъ своихъ сыновей и дочерей даже въ мѣстныя гимназіи и реальныя училища.

VI.

Киргизская степь.—Песчаные барханы.—Степь лѣтомъ и зимой.—Ханская ставка.—Киргизская зимовка и кибитка.—Киргизъ и киргизка.—Пирушка киргизовъ.—Киргизская лошадь.—Свадьба и похороны у киргизовъ.

Переѣдя у Енотаевска и Чернаго Яра на лѣвый берегъ Волги, калмыцкая степь сливается съ сѣверной, болѣе низменной и еще болѣе обширной прикаспійской степью киргизовъ. Киргизская степь простирается между Волгой и Уралomъ (въ старину Яикомъ) и въ ней живутъ киргизы—корсаки или кайсаки, какъ ихъ называютъ въ Астрахани. Вначалѣ, ближе къ Волгѣ, киргизская степь плоская, ровная, гладкая. глинистая, съ пучками малорослой полыни. Мѣстами попадаются по ней бѣлые солончаки, ослѣпляющія глаза соленыя лужи, окруженныя солянками кровавого цвѣта, или грязи, т. е. высохшія соленыя озера. Мало по малу солончаки смѣ-

няются однообразными желтыми песками; песчаные бугры со скудной растительностью мѣстами сливаются, образуя песчаные холмы — барханы. Высокіе сыпучіе барханы песку двигаются по степи и тянутся длинною цѣпью. Лѣса здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Эта восточная часть киргизской степи называется степь Нарынъ или Рынъ Пески. Поднятый вѣтромъ песокъ почти постоянно носится въ воздухѣ и покрываетъ собой все: толстымъ слоемъ ложится онъ на постельное бѣлье— оставленное въ кибиткѣ, на лицо и одежду спящаго и пробивается въ мельчайшія щели кибитокъ. Во время сильной бури солнце меркнетъ отъ тучи пыли, носящейся въ воздухѣ, и кажется блѣднымъ пятномъ среди желто-сѣраго фона. Шаговъ за сорокъ съ трудомъ различаешь человѣка. Въ это время даже самый крупный песокъ движется и носится по землѣ, царапая ее.

Зловѣщіе желто-бурые пески по пятамъ гонятъ и преслѣдуютъ человѣка, засыпаютъ каждое поселеніе, каждую дорогу, все заметаютъ. Медленно, но вѣрно подвигаются они на села, засыпая по пути растенія и ерики и превращая ильмени въ песчаную степь, на которой торчатъ пеньки засохшаго камыша. Съ каждымъ годомъ прибрежная полоса Каспійскаго моря становится уже; Рынъ-Пески надвигаются съ сѣвера и при-

жимаютъ киргизовъ къ морю. Оазисы, у которыхъ еще не такъ давно киргизы кочевали съ своими стадами, засыпаны пескомъ; вода исчезла и появились такіе песчаные холмы, что ихъ видно за нѣсколько верстъ.

Пески занимаютъ большую часть киргизской Букеевской степи, во многихъ же мѣстахъ она покрыта растительностью, а гдѣ ея нѣтъ, тамъ пески находятся въ постоянномъ движеніи, по направленію господствующихъ вѣтровъ, причемъ навѣтренная сторона бархана отлога, а завѣтренная—крута. Песокъ, наносимый вѣтромъ, набѣгаетъ волнами на барханъ, и доходитъ до его вершины. Вершина, постепенно возвышаясь, нависаетъ надъ обрывомъ и, наконецъ, обваливается отъ собственной тяжести. Вершина бархана тогда округляется, новые приливы песку возвышаютъ ее вновь, возникаютъ новые барханы и растутъ съ каждымъ днемъ. Иногда несущійся ураганъ — вѣтеръ выдуваетъ воронкообразныя углубленія, образуя песчаныя котловины. Гдѣ надвигаются пески, тамъ гибнетъ растительность; но мало по малу на буграхъ снова появляется растительность; исчезаютъ ковыль и полынь, придающія плоской степи унылый видъ; появляются разноцвѣтные тюльпаны и irисы, разнообразные мотыльковые и губоцвѣтные, хотя сплошнаго ковра земли въ степи не бываетъ. Лѣтомъ расти-

тельность степи выгораетъ и получаетъ грязно-желтый оттѣнокъ; только кое-гдѣ клочками торчитъ желтѣющій молочай, а гдѣ нѣтъ, тамъ ослѣпляютъ глаза голые пески. Духота и зной невыносимы лѣтомъ въ степи; отъ песковъ паритъ особая удушливость; ноги почти до колѣна погружаются въ раскаленный песокъ и, еле переступая и задыхаясь, медленно передвигаешься впередъ. Можно даже заблудиться среди бархановъ—вѣчно передъ глазами торчитъ одинъ-другой барханъ и загораживаетъ горизонтъ, потому что слѣдъ черезъ нѣсколько часовъ заносится новыми волнами песку; можно умереть отъ жажды въ двухъ шагахъ отъ кибитки, не подозрѣвая, что она тутъ же рядомъ за барханомъ.

На разстояніи каждыхъ 40—50 верстъ устроены въ степи для проѣзжающихъ станціи—кибитки; живущіе тутъ киргизы должны поставлять проѣзжающимъ лошадей, взятыхъ изъ окрестныхъ мѣстъ степи. Ѣхать тяжело, потому что дороги нѣтъ никакой, даже колеи нѣтъ и ея не можетъ быть; прежде всего проѣзжихъ въ экипажахъ почти нѣтъ: всѣ киргизы ѣздятъ верхомъ, а во вторыхъ, песокъ заноситъ всякіе слѣды чрезъ нѣсколько часовъ. Сопровождающіе проѣзжаго киргизы, Богъ вѣсть, какимъ образомъ узнаютъ, куда ѣхать, чтобы добраться до

кибитки—станціи — обыкновенно вскачь несется повозка съ бархана на барханъ при дружномъ крикѣ сопровождающихъ киргизовъ. Ѣдешь какъ на кораблѣ, среди волнъ безбрежнаго песчанаго моря.

Климатъ киргизской степи крайне неровный: лѣтомъ нестерпимый палящій зной, а зимой сильныя мятели съ морозами. Въ началѣ марта солнце порядочно припекаетъ и степь мало по малу начинаетъ освобождаться отъ своего зимняго покрова и оживать. Апрѣль—лучшій мѣсяцъ въ степи. Снѣга уже нѣтъ и въ поминѣ. Камышъ начинаетъ пускать молодые зеленые отпрыски взамѣнъ желтыхъ сухихъ и тщедушныхъ прошлогднихъ порослей, тальникъ, развертывая почки, становится пахучимъ, степь, насколько для нея возможно, зеленѣетъ и пестрѣетъ первыми весенними цвѣтами, цвѣтутъ тюльпаны, птицемлечникъ и другіе. Такая погода тянется до половины мая. Вслѣдствіе влаги нѣтъ пыли; но мало по малу жара становится палящей и въ воздухѣ подымаются густыя тучи раскаленнаго песку и ѣдкой солончаковой пыли; растенія начинаютъ блекнуть. Безоблачное небо подымается надъ омертвѣлой степью; земля пышетъ отъ зноя и трескается. скудная растительность выгораетъ и сохнетъ. Въ жаркій лѣтній полдень степь превращается въ могилу; не слышно ни одного звука,

не видно ни одной капли воды, ни одной свѣжей былинки на ней. Ѣдешь цѣлые дни и ничего не видишь кругомъ себя, ничего, кромѣ сухихъ солончаковъ да бугровъ земли, насыпанныхъ у глубокихъ норъ сурковъ. Ночи душны и не приносятъ освѣженія. Иногда разразится ливень, но большихъ дождей не бываетъ. Порой проносящіеся ураганы поднимаютъ густыя облака пыли и песка, сносятъ съ мѣста и ломаютъ кибитки киргизовъ, загоняютъ въ соляныя топи скотъ или разгоняютъ его по степи, такъ что потомъ и не собрать. Передъ ураганомъ скотъ становится безпокойнымъ и какъ бы собирается съ силами, чтобы противостоять непогодѣ, а во время урагана принимаетъ разныя мѣры, чтобы устоять противъ напора вѣтра: овцы дружно скучиваются головами вмѣстѣ и образуютъ возможно тѣсный кружокъ, лошади становятся головами противъ вѣтра, склоняютъ и напрягаютъ шею и твердо упираясь, переживаютъ непогоду; тоже дѣлаетъ рогатый скотъ и верблюды. Въ августѣ жара спадаетъ. Осенніе дожди снова оживляютъ растительность. Бугры, гдѣ появляются первые вѣстники весны, снова покрываются цвѣтами. Въ ноябрѣ начинаются легкіе морозы и земля замерзаетъ, но соленыя озера никогда не замерзаютъ, только рапа въ нихъ становится гуще и ѣдче. Январь—самый студеный мѣсяцъ. Послѣ отте-

пели въ декабрѣ и январѣ нерѣдко бываетъ гололедица; это настоящее бѣдствіе для кочевника, такъ какъ ледяная кора препятствуетъ скоту добывать себѣ подножный кормъ. Не менѣе губительны бураны—шурганы, которые бушуютъ нерѣдко по цѣлымъ суткамъ.

Насколько они гибельны, можно судить по слѣдующему случаю. Въ одной изъ прикаспійскихъ котловинъ зимовало киргизское семейство; скотъ пасся постоянно на волѣ, по близости кибитки. Однажды, въ первыхъ числахъ января, утромъ поднялся сильный вѣтеръ, который, постепенно усиливаясь, неожиданно превратился къ вечеру въ сильный буранъ, насыпавшій цѣлыя горы снѣга. Съ наступленіемъ сумерекъ, всѣ взрослые, мужчины и женщины, вскочили на лошадей и отправились къ стаду, чтобы спасти его. Въ кибиткѣ остались лишь дѣти восьми—десяти лѣтъ. Дѣти сидѣли около костра, посреди кибитки и поддерживали горѣніе, подкладывая кизякъ, запасъ котораго находился тутъ же. Злѣе и злѣе бушевалъ ураганъ; наступила ночь. Вдругъ вѣтеръ сорвалъ гдѣ-то сбоку войлокъ съ кибитки и въ отверстіе началъ врываться снѣгъ. Дѣти ближе и ближе жались къ огню, плотно кутаясь въ свою одежду. А тѣмъ временемъ запасъ топлива въ кибиткѣ истощился. Бѣдняжки согрѣвались нѣкоторое время только пепломъ,

потомъ и онъ остылъ. Дѣти, тѣсно скучившись, свернулись и заснули.

Киргизы, отправившіеся спасать отъ бурана скотъ, не спасли его; животныхъ разогналъ неистовый вѣтеръ; сами хозяева сбились съ пути и долго бродили по степи. Къ утру буранъ унялся и киргизы, полузамерзшіе и усталые, добрались до своей кибитки. Жилище свои нашли они полуразрушеннымъ отъ бурана, а дѣтей замерзшими.

Обыкновенно люди, путешествующіе лѣтомъ по степи, выбираютъ для своихъ поѣздокъ раннее утро и вечеръ дня, когда песокъ и воздухъ еще не раскалены солнцемъ и слѣпни и оводы не мучаютъ лошадей. Хорошо ѣхать въ степи до восхода солнца. Вотъ впечатлѣнія одного путешественника: „Степь кругомъ, даль въ туманѣ, тутъ и тамъ кибитки киргизовъ. Зарозовѣлъ, заалѣлъ востокъ и вдругъ выкатилось на горизонтѣ яркое солнце; взблеснули лучи, сбѣжали ближайшіе и дальнѣйшіе предметы, все заиграло при утреннемъ свѣтѣ, затѣмъ засіяло спокойно и радостно подъ равномѣрными лучами поднявшагося солнца. Степь оживилась; козы, бараны потянулись стадами; верблюды встали съ земли и потянулись къ колодцамъ; поднялись бѣлыя кошмы кибитокъ и вышелъ киргизъ. Проснулось и въ воздухѣ все: ласточки и пѣночки перепар-

хивали и потрясали крыльями, пробуждаясь отъ ночного покоя. Все зашевелилось, задвигалось, приступило къ своей дневной работѣ. Но чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ больше и больше терялась прохлада, и зной вступалъ въ свои права. Минулъ полдень; наступила жара; степь словно закурилась, на горизонтѣ показываются миражи, пропадая и появляясь снова, они оживляютъ и разнообразятъ картину. Но миражи степи мало интересны: полосы воды, холмы, курганы, кустарники и только. Отъ песка пышетъ зной. Но мало по малу солнце склоняется къ закату жара спадаетъ. Заходящее солнце озаряетъ барханы и ключками растущіе на нихъ кустарники яркимъ блескомъ и они далеко, далеко, будто литые изъ золота и пересыпанные малахитомъ, свѣтятся кругомъ".

Киргизъ.

Единственное постоянное селеніе посреди Киргизской степи Ханская Ставка, въ 113 верстахъ

отъ соляной пристани Владиміровки. Оттуда идетъ къ Ханской Ставкѣ почтовая дорога и телеграфъ. Ханская Ставка — душное неуютное мѣстечко, состоитъ изъ двухъ пересѣкающихся улицъ и нѣсколькихъ переулковъ. Деревянная русская церковь съ зеленой крышей и деревянная мечеть (такъ какъ близко камня нѣтъ) выступаетъ надъ цѣлымъ рядомъ грязненькихъ, сѣренькихъ домиковъ и глиняныхъ татарскихъ домишекъ съ плоскими крышами. На улицахъ глубокій песокъ лежитъ легкими волнами, мѣстами онъ заноситъ заборы, даже дома, собираясь цѣлыми буграми.

Ханская Ставка населена русскими, татарами и киргизами. Киргизы не торгуютъ и вся торговля находится въ рукахъ русскихъ и татаръ. Уже рано утромъ, чуть взойдетъ солнце, открываются лавочки, начинается торговля. Пріѣзжаютъ изъ степи киргизы и киргизки съ кумысомъ, появляются верблюды, двигаются бокъ о бокъ киргизы, татары и русскіе. Базаръ въ Ханской Ставкѣ представляетъ оживленную пеструю картину.

Въ душный знойный лѣтній день всѣ ставни оконъ закрываются и улицы стихаютъ, какъ будто вымираютъ. Только мальчишки, не обращая вниманія на зной, играютъ въ мячики или забрасываютъ другъ друга пескомъ. Какъ только солнце сядетъ, на улицахъ Ставки снова начи-

нается оживленіе и продолжается до поздней ночи. Весной и осенью въ Ставкѣ происходятъ ярмарки. Не успѣетъ въ степи сойти снѣгъ, какъ киргизы, оставивъ свои зимовки, начинаютъ прибывать къ Ставкѣ со своими товарами. Къ концу апрѣля голая степь вокругъ ярмарочнаго двора наполняется киргизами; сюда же пріѣзжаютъ городскіе торговцы со своими товарами. Киргизы продаютъ скотъ, кожи, овчины, шерсть, козій пухъ, сало, а покупаютъ ситцы, шерстяныя матеріи, металлическія и кожевенныя издѣлія, хлѣбъ, чаи, табакъ, мыло и проч.

Въ старину вокругъ Ханской Ставки былъ лѣсъ, но засуха, люди и барханы сократили его. Только въ двухъ мѣстахъ сохранились небольшія рощицы, да и тѣмъ грозятъ надвигающіеся барханы.

На юго-востокъ отъ Ставки тянутся горько-соленыя грязи; поверхность ихъ покрыта неглубокой водой. Когда вѣтеръ дуетъ съ берега, вода пересыхаетъ и грязь покрывается тонкой пленкой кристаллической соли; тутъ она нерѣдко затвердѣваетъ до того, что лошадь едва оставляетъ послѣ себя слѣдъ. По такимъ затвердѣвшимъ мѣстамъ надо идти съ осторожностью, потому что можно нечаянно натолкнуться на такъ называемые „глазки“, мѣста, покрытыя пленкой соли, но совершенно жидкой. Въ такомъ глазкѣ можно

затонуть вмѣстѣ съ лошадью втеченіе пяти минутъ, на глазахъ своихъ спутниковъ, и никто не успѣетъ подать помощи. „Глазки“ не всегда можно отличить на глазъ, часто они сливаются съ окружащей ихъ твердой и безопасной почвой. Поверхность ихъ блеститъ на солнцѣ, по нимъ разбросаны островки, грязно-зеленаго цвѣта; среди островковъ торчатъ обросшія солончаковыми растеніями кочки, ярко-желтаго и кроваво-краснаго цвѣта.

Въ плоской степи нерѣдко встрѣчаются овраги-балки съ солянымп лужами, иногда прѣснымп болотами на днѣ. Вода въ нихъ прозрачна и лишь мѣстами покрыта зелеными и бурыми водорослями. Почва вокругъ нихъ вся пропитана солью и состоитъ изъ черной топкой грязи. Балки не глубоки, но тянутся на многія версты, съуживаясь, расширяясь, развѣтвляясь. Приводимъ разсказъ одного путешественника-охотника, заблудившагося въ степи.

„Скоро мы потеряли другъ друга изъ виду и я остался одинъ. Солнце перешло уже за полдень и слегка склонялось къ горизонту—былъ второй часъ.

День былъ очень жаркій, солнце нещадно палило, дыханіе спиралось. Сначала я двигался бодрымъ шагомъ,—но мало по малу жара давала себя знать, я обливался потомъ, мое лицо го-

рѣло: ноги, обремененныя высокими болотными сапогами, становились съ каждымъ шагомъ все тяжелѣе. Я ждалъ конца оврага, но онъ все тянулся, дѣлая десятки изгибовъ. Началась топкая соляная грязь—меня мучила жажда. Жадные взоры бросалъ я на водяные бассейны, но они были соленые; между тѣмъ прозрачная вода, сочныя водяныя растенія напоминали мнѣ прѣсные источники родныхъ мѣстъ, дѣлали ихъ приманчивыми и еще болѣе возбуждали жажду. Наконецъ, путь сдѣлался слишкомъ тяжелъ, и я поднялся изъ балки въ степь, въ надеждѣ увидѣть болѣе или менѣе близко лошадей; я зналъ, что къ ихъ сѣдламъ привязаны фляги съ холоднымъ чаемъ, лучшимъ средствомъ для утоленія жажды. Но, увы—ни лошадей, ни кибитокъ, ни спутниковъ; тутъ я понялъ, что я заблудился. Степь развернулась предо мной, какъ страшилище. Растенія пересохли—лишь клочками торчала малорослая полынь, придававшая степи голубой оттѣнокъ; тяжелый туманъ парилъ надъ ней, становилось жутко. Хоть бы капля воды омочила ссохшіяся губы, хоть бы отдаленныя кибитки обнадеживали усталый взоръ —ничего. Медленно и спотыкаясь, пошелъ я дальше, не теряя надежды натолкнуться на кого нибудь изъ своихъ спутниковъ. Я вспомнилъ нашъ условный сигналъ—три быстрыхъ выстрѣла изъ револь-

вера—я выстрѣлилъ, подождавъ, повторилъ еще разъ сигналъ, но никакого отвѣта.

Я прошелъ еще верстъ пять; каждая сажень, каждый шагъ ложится чувствомъ тяжести на организмъ, вдругъ на нѣкоторомъ разстояніи изъ балки показались двѣ фигуры,—это былъ мой товарищъ и Агедилъ. Степной воздухъ имѣетъ свойство сильно увеличивать и искажать всѣ предметы и спутники мои казались гигантами. Они еле переступали и, увидѣвъ меня, остановились. Я подошелъ къ нимъ; ихъ пересохшія губы, полуоткрытый ротъ показывалъ, что и они мучились.

— Агедилъ, не знаешь ли, гдѣ лошади?— спросилъ я.

— Да, баринъ, они должны быть тамъ,— махнулъ онъ рукой въ сторону.

Мы тихо и молча направились въ указанную сторону. Но лишь послѣ долгаго пути, зашедши за бугоръ, увидѣли мы лошадей. Предполагаемой кибитки не оказалось; намъ предстояло отыскать другую.

— А, господа, наконецъ-то. Хотите чаю,— тутъ еще много есть, вамъ всѣмъ хватитъ.

Пойметъ ли каждый, что въ такой моментъ значитъ глотокъ воды? Какъ медленно, съ какимъ безконечнымъ наслажденіемъ глотаешь эти божественныя капли! Киргизы утверждали, что

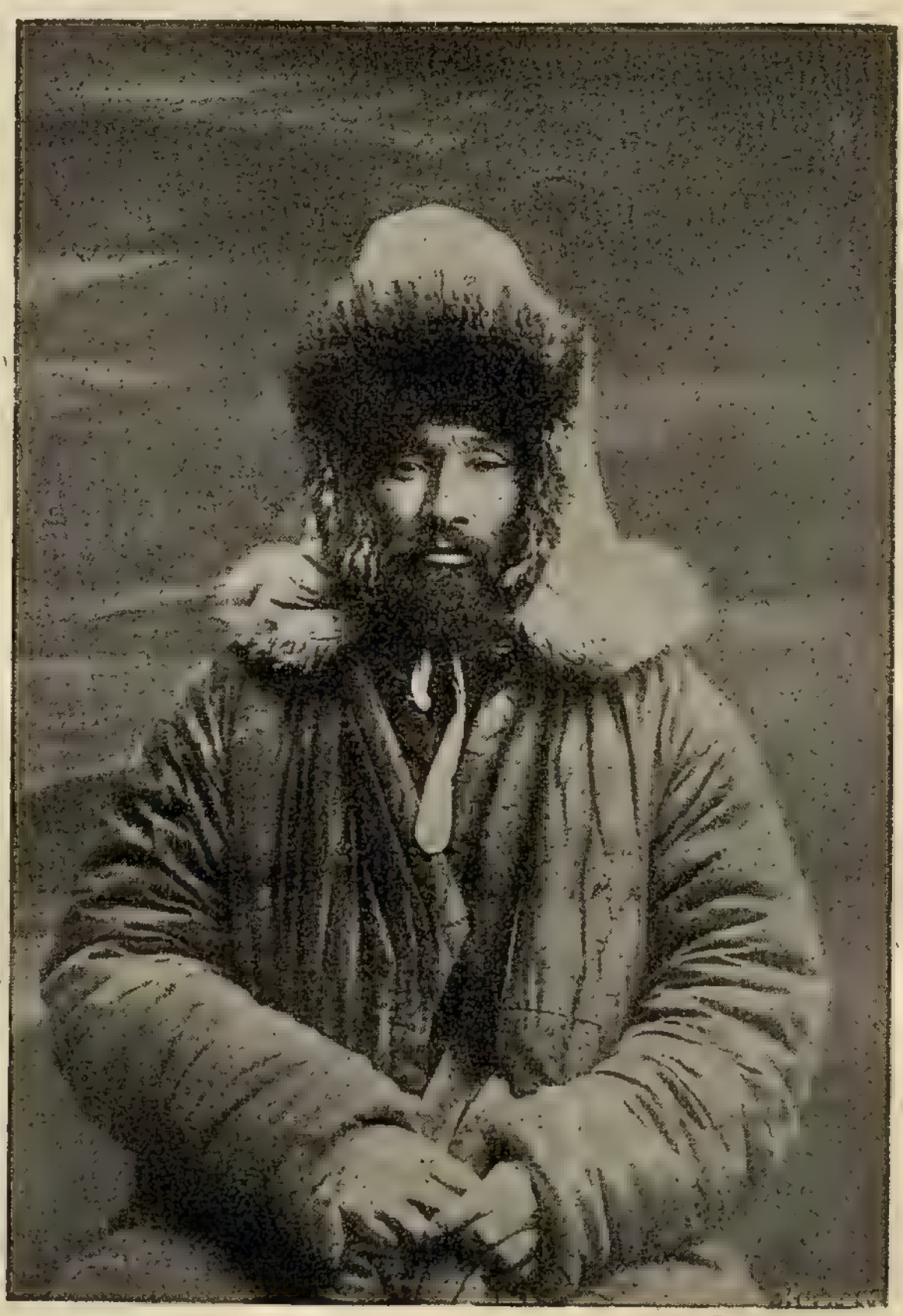
по близости должны быть кочевники. Но не скоро, проѣхавъ не мало верстъ, увидѣли мы вдали силуэты кибитокъ. Мы послали впередъ киргиза поставить самоваръ, который всегда найдется въ кибиткѣ Букеевскаго киргиза. Можно ли описать то довольство, которое испытывали мы, лежа на землѣ, въ тѣни кибитокъ, съ сѣдлами въ головахъ и выпивая стаканъ за стаканомъ чаю.

Прошелъ, быть можетъ, часъ—мы утолили свою жажду и свой голодъ".

Киргизы Прикаспійской степи принадлежатъ къ внутренней или Букеевской Ордѣ. Киргизы, издавна кочевавшіе въ Сибири, придвинулись въ XVI столѣтіи къ берегамъ Каспійскаго моря. Они дѣлились на три орды—большую, среднюю и малую. Каждая орда управлялась своимъ ханомъ. Въ XVIII столѣтіи малая орда стала данницей русскаго царя. Одинъ изъ ея султановъ—Букей—отдѣлился отъ своей орды и откочевалъ въ приволжскія степи—Рынъ Пески. Эта орда и называется внутренней или Букеевской.

Киргизы Букеевской Орды—полукочевники: лѣтомъ живутъ въ кибиткахъ, а зимой—въ глиняныхъ домахъ. По этому поводу у киргизовъ есть преданіе: молодая жена одного хана, проведшая дѣтство въ городской обстановкѣ, тосковала зимой въ кибиткѣ и не могла свыкнуться съ кочевой жизнью. Тогда мужъ ея устроилъ ей

домъ, въ которомъ они проводили зиму. Примѣру хана послѣдовали его подданные и стали лѣтомъ жить въ кибиткахъ, а зимой—въ домахъ. Киргизская зимовка—кустау, въ которой киргизы укрываются отъ зимнихъ вьюгъ,—это обыкновенно низкій домъ съ плоской крышей, огороженный стѣнкой изъ камыша и кизяка, кладутся связки сухого камыша, какъ у насъ бревна, снаружи и внутри обмазываютъ глиной,—тепло и сухо. Зимой вставляются рамы, а лѣтомъ дома стоятъ пустые съ чернѣющими пустыми окнами, и только летучія мыши укрываются въ нихъ на цѣлые сутки. Весной, какъ только пробьется первая травка, киргизъ оставляетъ свой кустау и идетъ съ семьей и стадомъ въ степь. Лѣтомъ онъ иногда перекочевываетъ въ болѣе удобное мѣсто. Съ наступленіемъ холода кибитки подымаются и киргизы снова двигаются къ зимовкамъ. Тутъ, закутавшись въ тулупъ, зимой проводитъ киргизъ цѣлые дни передъ костромъ и позволяетъ себѣ одну роскошь—мясо. Кустау выстраиваются либо въ котловинахъ барахановъ, либо въ открытой степи или среди камыша; есть зимовки вокругъ Ханской Ставки и небольшого поселка Ново-Казанки. Наиболѣе бѣдные зимуютъ въ кибиткахъ, плохо защищающихъ ихъ отъ непогоды. Кибитка такого бѣдняка состоитъ обыкновенно изъ сѣрыхъ, почернѣвшихъ отъ копоти, пыли и непогоды кошмъ,—наброшен-



Киргизъ въ зимней одеждѣ.

ныхъ на дряхлый, замазанный остовъ. Скважины и дыры даютъ полную свободу вѣтру, и пропускаютъ во время дождя цѣлые потоки воды. Обстановка такого бѣдняка очень скудная—на землѣ разодранныя кошмы, подушки съ сѣделъ; вдоль стѣнъ сундуки, кожаный мѣшокъ для кумыса, грязное одѣяло, кучи тряпья. Кибитка зажиточныхъ киргизовъ вся плотно укрыта войлоками, увязанными тесьмой. Подъ войлокомъ идетъ кругомъ всѣхъ стѣнъ рѣшетка изъ сплетенныхъ изъ тростника берданокъ, а подъ берданками цѣлая сѣть согнутыхъ палокъ, ловко прикрученныхъ другъ къ другу веревкой изъ верблюжьяго волоса и составляющихъ остовъ кибитки.

Вверху кибитки, посрединѣ ея, широкое круглое отверстіе для выхода дыма и для очищенія воздуха. На ночь или въ дождливую холодную погоду отверстіе это, которое киргизы называютъ «тундюкомъ», закрывается войлочной полостью. Дверь изъ легкихъ цыновокъ или войлочныхъ пластинокъ. У богатыхъ, поверхъ бѣлыхъ кошмъ, на полу разостланы большіе персидскіе и туркменскіе ковры; на стѣнахъ развѣшены также ковры, ленты и платки, кусочки разноцвѣтнаго сукна и матеріи. Сундуки обиты коврами изъ вырѣзанныхъ красныхъ и зеленыхъ фланелевыхъ узоровъ; мѣсто шва закрыто нашивкой изъ тонкой желтой тесьмы. Киргизская кибитка—теплое, удобное и спокой-

ное жилье, непроницаемое для воды, устойчивое, легко разбирающееся и удобное для перевозки: она опрятнѣе, чѣмъ у калмыковъ.

Главное богатство киргиза состоитъ изъ скота, разныхъ дорогихъ одеждъ и вещей. У богатыхъ киргизовъ нѣсколько тысячъ головъ скота, у бѣдныхъ—сотни. Съ наступленіемъ весны начинается блаженство киргиза. Стадамъ его привольно и сытно среди простора зеленой степи. У киргиза есть молоко, кумысъ—онъ и доволенъ. Все это приготовляетъ киргизка, она же отгонитъ въ поле стадо, съѣздитъ за отбившимся верблюдомъ, заарканитъ и осѣдлаетъ коня, уберетъ, какъ нужно, кибитку и запасетъ топливо. Киргизка—больше хозяинъ верблюда, больше хозяинъ кибитки, чѣмъ самъ киргизъ. Заниматься тѣмъ, что можетъ сдѣлать марджа (женщина, жена), по понятіямъ киргиза—низко, а такъ какъ другого дѣла нѣтъ въ виду, то киргизъ спитъ беззаботно до поздняго утра, потомъ лежитъ, пьетъ кумысъ, да любуется своими табунами и стадами. Нужно перекочевать—и тутъ во всемъ работа киргизки. Она соберетъ холамейку (небольшую кибитку) и опять разобьетъ ее на новомъ мѣстѣ, уберетъ весь домашній хламъ; она навьючиваетъ и развьючиваетъ верблюда, она погоняетъ его, кормитъ и поитъ точно такъ же, какъ поитъ и кормитъ, обмываетъ и обшиваетъ самого киргиза и его киргиз-

зять, начиная отъ его бѣлой войлочной шапки до его бараньяго тулупа и „сарапая“ и кожаныхъ „чомбаръ“. Благодаря постоянной грубой работѣ среди суровыхъ условій природы, киргизки—дѣвушки и женщины—выростаютъ такими рослыми, смѣлыми, сильными и выносливыми, такъ самостоятельны и тверды характеромъ. При перекочевкахъ киргизу остается только переѣзжать съ мѣста на мѣсто, напѣвая свою грустную и однообразную пѣсню. Далеко разносится по степи эта пѣсня, сливаясь съ дикимъ отвратительнымъ крикомъ верблюдовъ при перекочевкахъ. Вереницы верблюдовъ, нагруженныхъ коврами, войлоками, берданками, гнутыми деревянными остовами кибитокъ, полосатыми мѣшками, набитыми платьемъ и всякою рухлядью, безхитростною посудою и утварью кочевника—плавно выступаютъ одинъ за другимъ, поднимая столбы пыли. Одни изъ нихъ несутъ на горбахъ своихъ поклажу, другіе—женщинъ и дѣтей. Впереди и сзади каравана ѣдутъ обыкновенно на коняхъ мужчины съ „кончами“ (нагайками) въ рукахъ, гоня передъ собой стада овецъ, коровъ и молодыхъ верблюжатъ. Иногда увидишь киргиза и верхомъ на коровѣ, такъ какъ вездѣ въ степи киргизы и калмыки ѣздятъ на коровахъ верхомъ и даже изобрѣли для нихъ особенныя сѣдла.

Плоское лицо киргиза, безъ румянца, слегка

желтоватаго цвѣта, его зоркіе и прищуренные глазки съ легкой складкой на верхнихъ вѣкахъ удивительно гармонируетъ съ степнымъ пейзажемъ. Глаза киргиза дѣйствительно необыкновенно зорки, потому что въ степи все ровно и гладко, не встрѣчается никакого препятствія и глазъ киргиза изощряется. Костюмъ киргиза чрезвычайно удобенъ и ловко приспособленъ къ его жизни. Бѣлый высокій колпакъ съ отогнутыми въ видѣ полей краями, предохраняетъ лѣтомъ голову его отъ палящихъ лучей солнца; остроконечная тюбетейка замѣняетъ въ кибиткѣ колпакъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрываетъ его бритый черепъ. Широкіе шаровары, свободный бешметъ и халатъ даютъ ему возможность свободно двигаться на лошади и не стѣсняютъ дома. Киргизу тѣснота совсѣмъ не по натурѣ. Поверхъ платья онъ носитъ широкій кожаный поясъ, за которымъ висятъ мѣшечекъ, рожокъ съ табакомъ и ножъ въ серебряной или стальной оправѣ. Зимой колпакъ у киргиза замѣняется малахаемъ, который защищаетъ голову отъ мороза и вѣтра, а также онъ одѣваетъ шубу съ длинными далекоспускающимися ниже рукъ рукавами. Богатые и знатные киргизы надѣваютъ нѣсколько одежду одну на другую. Одежда женщинъ почти та же; только головной уборъ да украшенія измѣняютъ ее. Въ первые годы заму-

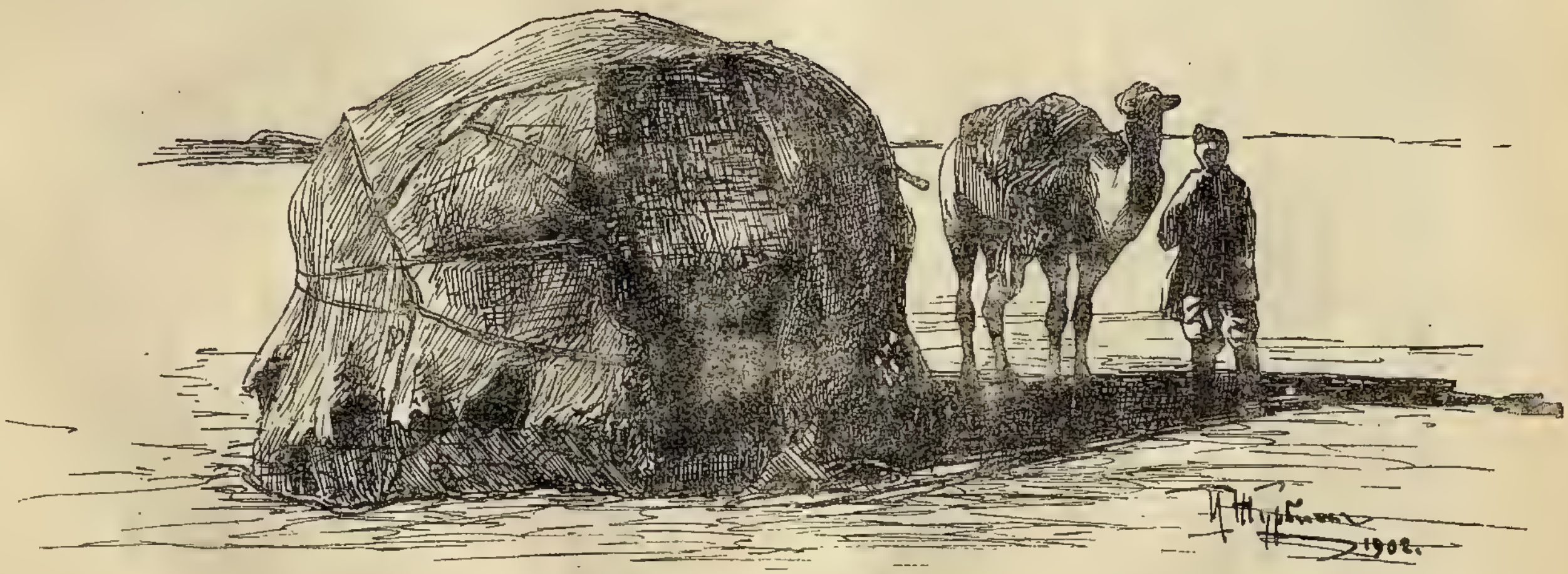
жества киргизки обыкновенно носятъ высокую, какъ башня, затѣйливую шапку—тюрбанъ, съ различными украшеніями изъ галуна, цѣпочекъ, колокольчиковъ, бирюзы и монетъ. Сверхъ этой шапки онѣ надѣваютъ бѣлый платокъ, длинный конецъ котораго подвязывается на шеѣ. На груди цѣпочки, корольки, монеты; на рукахъ кольца, браслеты; въ ушахъ—серьги, на шеѣ—бусы, а у богатыхъ—жемчугъ. Въ обыкновенное время женщины носятъ два большіе бѣлые платка: одинъ, спускаясь съ головы, покрываетъ волосы, шею и плечи, а другой навертывается поверхъ перваго въ видѣ высокой шапки. Богатыя дѣвушки носятъ круглыя мѣховыя шапки съ зеленымъ бархатнымъ верхомъ и мѣшкомъ, висящимъ на боку, шитымъ золотомъ и украшеннымъ золотой кистью на концѣ, а передніе волосы заплетаютъ въ мелкія косички, которыя связываются сзади въ одну косу. Киргизъ любитъ роскошно пожить: онъ старается одѣться въ сукно, шелкъ и бархатъ, закупаетъ множество одежды, свое жилище украшаетъ сукномъ, различными цвѣтными лоскутками, сшитыми причудливымъ узоромъ, разстилаетъ на полу тонкія кошмы, а сверхъ нихъ ковры, для сидѣнія одѣяла, подушки, по стѣнамъ развѣшиваетъ накупленныя одежды, сѣдла, верховые приборы и разное оружіе. У богатыхъ киргизовъ можно найти даже европейскія украшенія и мебель. Оружія киргизы не

носятъ. Но у богатыхъ среди фамильныхъ вещей можно встрѣтить саблю или старинный пистолетъ.

Киргизы живутъ небольшими группами кибитокъ, и двѣ — три кибитки составляютъ аулъ. Живя въ такой замкнутости, киргизъ любитъ поболтать, охотникъ до новостей — готовъ просидѣть всю ночь, только бы послушать новости; любитъ, гдѣ шумъ, гамъ, тогда онъ оживленъ, на дѣлѣ же онъ апатиченъ. Услыша лай собаки, зачуявшей чужихъ, всѣ отъ мала до велика спѣшатъ изъ кибитки, нетерпѣливо желая увидѣть гостей и послушать, что они станутъ разсказывать. По вечерамъ киргизы любятъ собраться въ кибитку или подъ открытымъ небомъ и, усѣвшись въ кружокъ, толковать о быломъ, о султанахъ, о богатыряхъ, объ удачныхъ охотникахъ. Около полуночи является трехструнная балалайка—домбра, и тогда начинаются пѣсни и пляски, молодежь пробуетъ силы, борются и бѣгаютъ въ запуски. Тутъ же находятся дѣвушки и женщины, онѣ не скрываются отъ постороннихъ. Вотъ, какъ описываетъ киргизскую пирушку одинъ путешественникъ.

— Одинъ изъ пріѣхавшихъ киргизовъ, высокій, плотный, съ окладистой черной бородой, въ красномъ полосатомъ бухарскомъ халатѣ и въ круглой бараньей шапкѣ, сѣлъ на переднемъ мѣстѣ, противъ двери, у стѣны. Онъ сидѣлъ,

какъ наиболѣе почетный гость, на шелковой подушкѣ, и слѣдовательно выше всѣхъ; справа и слѣва отъ него сидѣли киргизы „по достоинству“, у дверей помѣстились наименѣе „вліятельные“ бѣдные простые киргизы. Тутъ же у дверей стояли снятые съ ногъ верхніе калоши. Всѣ сидѣли молча, на поджатыхъ ногахъ, опустивъ глаза внизъ. Лица ихъ глядѣли апатично, лишь изрѣдка перекидывались они односложными словами, чтобы затѣмъ замолчать вновь,—тутъ были старики, молодые и киргизы среднихъ лѣтъ; всѣ сошлись въ одну кибитку, какъ гости одного хозяина, чтобы попить кумысу, поболтать, отблагодарить султана и разъѣхаться по домамъ. Одинъ изъ прислужниковъ - киргизовъ принесъ нѣсколько длинныхъ полотенцевъ для рукъ; они были разостланы вдоль ряда сидящихъ на полу. Другой принесъ деревянныя чашки. Затѣмъ внесли большую деревянную чашу и, поставивъ ее въ срединѣ кибитки, стали вливать въ нее ведрами кумысъ—помѣстилось свободно пять ведеръ. Прислуживающіе разносили сидѣвшимъ кумысъ по старшинству и достоинству въ маленькихъ чашкахъ. Всѣ принялись пить медленно и съ видимымъ удовольствіемъ, держа свои чашки обѣими руками, потягивая напитокъ, не переводя духъ. Первая чашка была скоро осушена—слѣдующая пилась медленно.



Кибитка бѣднаго киргиза.

Черезъ часъ кумысъ уже успѣлъ подѣйствовать. Въ кибиткѣ раздавалось жужжанье, точно въ ульѣ пчелъ; киргизовъ, часъ тому назадъ чинно сидѣвшихъ, узнать нельзя было: они смѣялись, перебивали другъ друга, перебрасывались остротами, побуждали другъ друга пить. Если кто-нибудь отставалъ, то сосѣди его брали его за уши и заставляли пить насильно, грозя въ противномъ случаѣ вылить кумысъ ему за воротъ. Все это сопровождалось веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ. Всѣ были настроены радостно, беззаботно, не задумываясь о слѣдующемъ днѣ.

Кромѣ кумыса, любимыя кушанья киргиза бараній курдюкъ (жиръ около хвоста), пловъ (вареный рисъ) съ различными душистыми снадобьями, кавардакъ (мелко рѣзанная жареная баранина съ саломъ) и бараньи кишки, съ начинкой изъ сала. Кромѣ того, они любители разныхъ слоеныхъ пирожныхъ, жирныхъ мучныхъ лепешекъ на салѣ, всякихъ мелкихъ сдобныхъ печеній и изюма, урюка, миндаля и т. д. На пирахъ главная пища баранина: зажарятъ цѣлаго барана, разрѣжутъ его и ѣдятъ прямо руками безъ вилокъ и ножей; хозяинъ, оказывая вамъ честь, собственной рукой суетъ вамъ въ ротъ кусокъ мяса. Пища усердно запивается кумысомъ.

Киргизъ—плохой ходокъ, но хорошій наѣздникъ. Онъ непривычки къ ходьбѣ, ему трудно

стоять и онъ всегда присаживается на корточки. Киргизъ не знаетъ никакой усталости и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, сколько часовъ или дней ему приходится сидѣть на сѣдлѣ. Онъ на немъ и спитъ, и ѣстъ такъ же спокойно, какъ у себѣ въ кибиткѣ. Лошадь для киргиза самое полезное, благородное и наиболѣе цѣнное изъ домашнихъ животныхъ. Безъ лошади киргизъ—то же, что у насъ безпріютный человѣкъ; безъ лошади онъ считаетъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Онъ выростаетъ вмѣстѣ съ жеребенкомъ и живетъ со своимъ конемъ неразлучно до самой его смерти. Киргизъ хорошо изучилъ свою лошадь, знаетъ ея нравы и обычаи и бережно обращается съ ней. На лошадяхъ ѣздятъ и киргизки, и съ неменьшей ловкостью, чѣмъ мужчины. Киргизская лошадь—небольшого роста, не красива, но необыкновенно добродушна и мужественна, трудолюбива и необыкновенно вынослива. Въ ней много огня и хороша она какъ верховая лошадь; для перевозки тяжестей она мало годится.

Лошадиное мясо считается у киргиза великимъ лакомствомъ, а молоко кобылицъ—кумысъ—лучшимъ напиткомъ. Мясо овецъ считается ниже конскаго, а козье встрѣчается только у бѣдняковъ и почетнымъ гостямъ никогда не подается. Молокомъ своихъ стадъ киргизъ пользуется лѣ-

томъ, а мясомъ—зимой. Но кромѣ пищи животныя доставляютъ киргизу и полезные матеріалы. Изъ шерсти овецъ онъ дѣлаетъ войлокъ, изъ шерсти верблюдовъ — разныя ткани. Длинная шерсть козы идетъ на бахромы для ковровъ и суконъ, на кисти и шнурки; короткая—на пряжи и тесьмы для юртъ; изъ лошадинаго волоса плетутся веревки для аркановъ и юртъ. Изъ овечьяго мѣха шьютъ обыкновенныя зимнія шубы, изъ мѣха ягнятъ и козлятъ—дорогія, нарядныя шубы. Расщипанная шерсть употребляется вмѣсто ваты для подбивки въ одежду, а изъ кожъ—приготовляютъ различный кожевенный товаръ.

Продавая лишній скотъ, киргизъ уплачиваетъ подати, покупаетъ сукна, ковры, шелковыя матеріи, серебро, желѣзо.

Одно изъ любимыхъ развлеченій киргизовъ это скачки. Скаковыхъ лошадей нарочно морятъ, объѣзжая ихъ каждый день утромъ и вечеромъ, потому что лошадямъ съ полей не выдержать около 20—30 верстъ карьеромъ. Нерѣдко скачутъ мальчики и при этомъ они на всемъ скаку ловко поднимаютъ съ земли монеты, стоя на сѣдлахъ. Отличныя наѣздницы—какъ сказано—женщины, и любимое удовольствіе киргизовъ—это гоняться на лошадяхъ за женщиной, стоящей на лошади и махающей платкомъ. Мужчины съ дикимъ крикомъ несутся за ней, а она

отъ нихъ. Надо вырвать платокъ изъ ея рукъ, но женщина скользитъ какъ змѣя и ловко вывертывается отъ обступающихъ ее наѣздниковъ. Вотъ выѣзжаетъ другая, третья женщина и всѣ разбиваются на группы. Начинается оживленная погоня за всадницами, на неловкихъ мужчинъ то и дѣло сыпятся удары нагайками. Не менѣе страстно отдаются киргизы охотѣ съ борзыми собаками и ястребами на зайцевъ, лисицъ и сайгаковъ (козловъ).

Съ особенной торжественностью проходятъ у киргизовъ свадьбы и похороны.

Отецъ выбираетъ сыну невѣсту и выплачиваетъ ея роднымъ извѣстный калымъ, какъ и у татаръ.

Сватовство продолжается долго и сопровождается всевозможными обрядами и церемоніями. Кумысъ является главнымъ угощеніемъ при сватовствѣ, а пѣвецъ—необходимымъ и неизбѣжнымъ участникомъ. Когда поладятъ насчетъ калыма, то сватовство кончается. Отецъ жениха старается при этомъ отдать половину калыма, а другую въ самомъ ближайшемъ времени. Черезъ двѣ недѣли послѣ уплаты калыма женихъ въ первый разъ навѣщаетъ свою невѣсту, со всевозможными подарками — кольцами, лентами, лакомствами, пестрыми тканями, предназначенными для женщинъ и дѣтей аула, въ которомъ живетъ не-

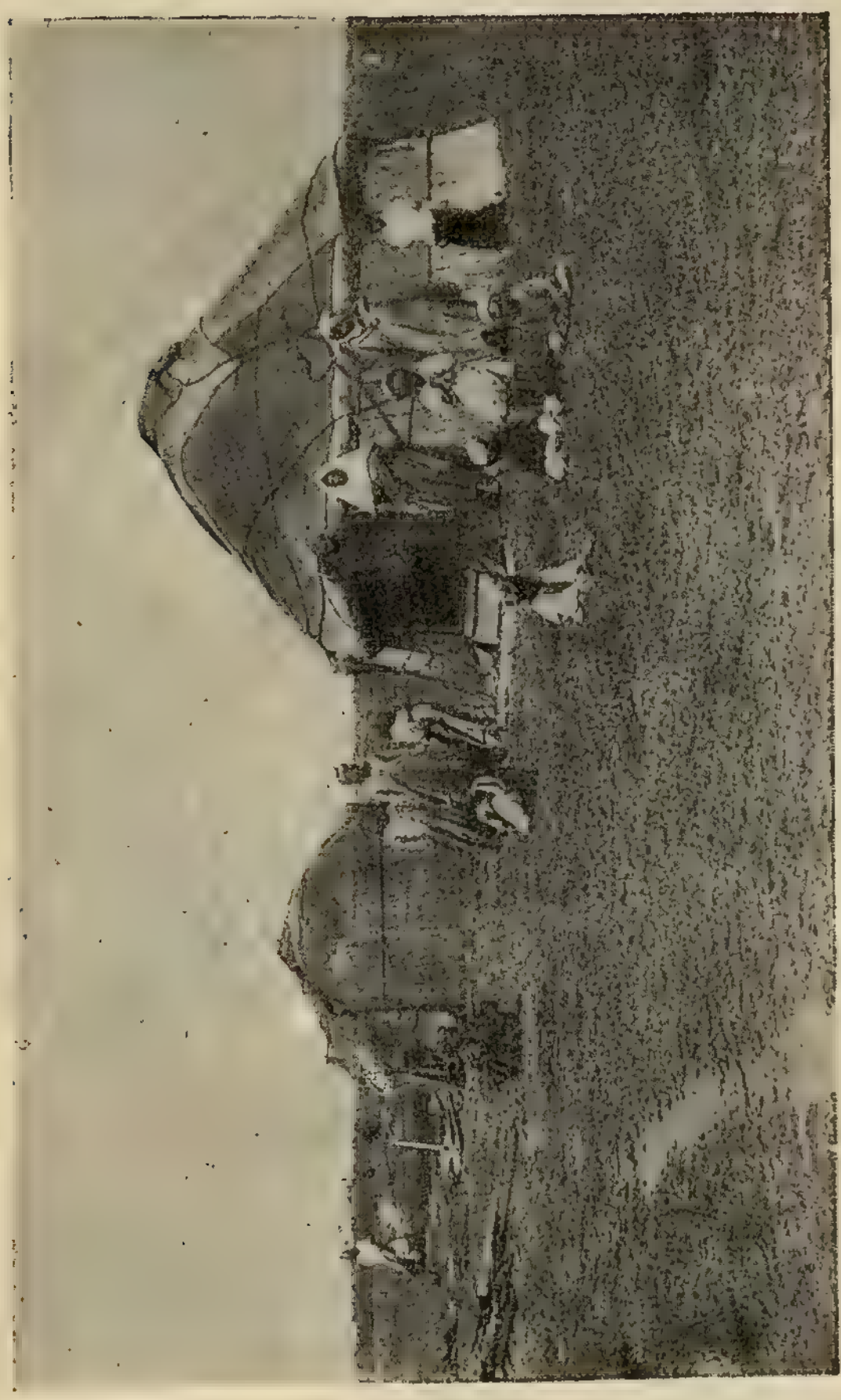
вѣста. Подарки раздаютъ его товарищи, а самъ онъ ждетъ около аула въ раскинутой имъ маленькой палаткѣ. Сперва отецъ невѣсты угощаетъ гостей, а затѣмъ начинаются игры дѣвушекъ и молодыхъ людей, товарищей жениха, состязанія въ пѣніи и разные шуточные обряды. Невѣста въ это время сидитъ въ задней половинѣ кибитки, скрываясь за занавѣской и никому не показываясь. Молодые люди аула выкрадываютъ ее чрезъ отверстіе въ войлокѣ кибитки и, посадивъ ее на лошадь, увозятъ къ роднымъ ея, откуда ее должны выручить послѣ многихъ обрядовъ друзья жениха, въ юрту жениха. Только вечеромъ послѣ заката солнца женихъ садится на коня, съ пѣніемъ въѣзжаетъ въ аулъ и поетъ у кибитки своей невѣсты. Послѣ долгихъ церемоній и выкупа, его впускаютъ въ кибитку невѣсты и онъ въ первый разъ остается съ нею съ глаза на глазъ. Только когда весь калымъ уплаченъ, женихъ имѣетъ право увезти невѣсту въ свою кибитку. Отъѣздъ невѣсты сопровождается всевозможными обрядами и угощеніемъ. Съ жалобнымъ пѣніемъ покидаетъ невѣста родной аулъ. Ее сопровождаютъ верблюды, нагруженные кибиткой жениха и ея подарками и богато убранныя лошади. Невѣста ѣдетъ съ закрытымъ лицомъ, съ закрытымъ же лицомъ вступаетъ въ домъ мужа и втеченіе цѣлаго года ея лицо должно быть закрыто передъ отцомъ,

братомъ мужа и всякимъ чужимъ мужчиной. Женщины пользуются большимъ уваженіемъ среди киргизовъ: «мы цѣнимъ нашихъ женщинъ такъ же, какъ верблюдовъ; оба не имѣютъ цѣны», говорятъ они.

Новорожденнаго кладутъ въ колыбель, устланную мягкой, какъ пухъ, верблюжьей шерстью. Потомъ на него надѣваютъ шерстяную рубашечку, которую не моютъ, а только каждые три дня высушиваютъ и вытряхиваютъ надъ огнемъ. Когда мальчику исполнится четыре года, его сажаютъ въ первый разъ на лошадь, однихъ съ нимъ лѣтъ, на дѣтское сѣдло. Маленькаго всадника водятъ отъ одной кибитки къ другой, чтобы сообщить роднымъ, знакомымъ о радостномъ событіи. Мальчугана вездѣ встрѣчаютъ дружескимъ привѣтствіемъ и лакомствами. Въ этотъ важный день въ юртѣ отца бываетъ пиръ и угощеніе для родныхъ и знакомыхъ.

Съ семи лѣтъ мальчикъ пріучается обращаться съ домашними животными на пастбищѣ, а дѣвочка.—доить и исполнять женскія работы.

Еще болѣе, чѣмъ живыхъ, киргизъ почитаетъ мертвыхъ и память о нихъ. Когда въ аулѣ кто-нибудь умретъ, то всѣ аульныя женщины сбѣгаются въ кибитку, начинаютъ рыдать, причитать и выть. Родственницы умершаго распускаютъ волосы, рвутъ ихъ, царапаютъ лицо, бьютъ въ грудь



Киргизскія кибитки.

кулаками. По мнѣнію киргизовъ, мужчина не долженъ плакать, только вздохнетъ и скажетъ «ой, Алла»! Потомъ покойника моютъ и одѣваютъ въ три бѣлыхъ бумажныхъ или холщевыхъ савана безъ рукавовъ. Первый одѣвается отъ шеи до колѣнъ, второй отъ шеи ниже колѣнъ, третій

Киргизки въ степяхъ.

прикрываетъ все тѣло съ головой. На женщинъ надѣваютъ пять савановъ одинъ длиннѣе другого. Хоронятъ скоро, обыкновенно въ тотъ же день. Лѣтомъ покойника держатъ на открытомъ воздухѣ, зимой—въ пустой кибиткѣ, къ могилѣ несутъ его на кошмѣ. Мулла читаетъ молитву, по-

койника кладутъ въ яму на дно могилы, закрываютъ досками, закрываютъ могилу и всѣ безъ оглядки бѣгутъ въ аулъ, гдѣ приготовленъ уже обѣдъ—поминки. Вещи покоїнаго раздаются послѣ похоронъ знакомымъ. Кибитка умершаго переставляется на другое мѣсто, подальше отъ аула, и аулъ перекочевываетъ дальше. Въ теченіе цѣлаго года женщины:—мать и жена покоїнаго—показываются вездѣ съ закрытыми лицами. Черезъ годъ происходятъ послѣднія поминки по усопшему. Всякій зашедшій въ аулъ обязанъ помянуть душу покоїнаго и помолиться за него. Женщины снимаютъ трауръ и наряжаются въ праздничныя одежды. Гостей угощаютъ кумысомъ; раздается музыка и пѣніе. Трауръ конченъ.

VII.

Соляныя озера.—Баскунчакъ.—Разработка соли.—Гора Чипчачи.—Тинакское грязевое озеро.—Рыбная ватага.—Вобла и бѣшенка.—Работа на топяхъ.—Рыбачій станъ.—Вольные ловцы.—Работа на плоту.—«Рѣзалки»—Икра.—Посолъ рыбы.—Внутри выхода.—Жизнь на ватагахъ.

Низовье Волги и прикаспійская степь—настоящее царство рыбы и соли. Это главное богатство края. Соленыхъ озеръ насчитывается въ Астраханской губерніи до двухъ тысячъ. Больше всего озеръ лежитъ на лѣвомъ берегу Волги и между ними громадное озеро Эльтонъ, до 200 кв. верстъ величины. Къ югу отъ него расположено озеро Баскунчакъ до 100 кв. верстъ.

Соль находится здѣсь не только въ озерахъ; она пропитываетъ всю почву степи, которая становится солончаковой. Въ дождевой и снѣговой водѣ соль растворяется и смывается съ возвышенностей и бугровъ въ ложбины, гдѣ и скоп-

ляется. Такъ образуются новыя озера и наполняются старыя. Здѣсь соль слышится въ воздухѣ, въ туманѣ и даже въ дождѣ, хотя онъ здѣсь является рѣдкимъ гостемъ. Степной вѣтеръ разноситъ соляную пыль и щиплетъ языкъ непривычному человѣку. Даже вода въ колодцахъ пропитывается солью, а кибитки и трава покрываются росой, пропитанной солью, что придаетъ ей видъ инея.

Соленое озеро не краситъ голой ровной однообразной степи; оно мертво, какъ и сама степь, и своимъ блестящимъ видомъ слѣпитъ глаза. Въ полдень нельзя смотрѣть на него. Все, что попадаетъ въ озеро—пучокъ ли горькой степной травы или палка—покрывается кристаллами соли, каменѣетъ и торчитъ изъ озера въ видѣ кома снѣга. Жуки, саранча и другія насѣкомыя, случайно попавшія въ соляной разсолъ (рапа по мѣстному), превращаются въ муміи.

Соль всѣхъ озеръ—морская, и не мудрено, такъ какъ тамъ, гдѣ теперь прикаспійская степь, нѣкогда разстилалось огромное Каспійское море, которое было въ четыре, пять разъ больше нынѣшняго. Прикаспійская степь—дно бывшаго великаго моря, соляныя озера—это бывшіе заливы его, и даже сама Волга—одинъ изъ остатковъ его. Вслѣдствіе сухихъ вѣтровъ, постоянно дующихъ здѣсь, лѣтняго зноя и необычайной сухости воз-

Добываніе соли на Баскунчакскомъ озерѣ.

духа, море постепенно высохло: изъ него больше испарялось воды, чѣмъ вливалось въ него въ видѣ дождя или снѣга. Что море отступило здѣсь, это видно по тому, что мѣстность идетъ наклонно къ морю, что бугры лежатъ вокругъ него, а также видно по ракушкамъ и соляным ъ озерамъ, по илу и песку, которые оно здѣсь оставило. Соляныя озера были сначала частью моря, его заливами, потомъ отдѣлились, сдѣлались ильменями, пропитались солью и изъ заливовъ превратились въ озера. Мѣстами же озера образовались въ котловинахъ. Здѣсь изъ года въ годъ скоплялась соль, нанесенная потоками и осѣвшая изъ воды. когда она высохла.

Въ настоящее время соль добывается главнымъ образомъ на озерѣ Баскунчакѣ, такъ какъ оно лежитъ всего въ 50 верстахъ отъ Волги, озеро же Эльтонъ въ 140 верстахъ. Вотъ, какъ описываетъ одинъ путешественникъ дорогу къ Баскунчаку: Дорога проходитъ по степи, подобной которой нѣтъ по всей Волгѣ. Ни кустика, ни деревца, ни холмика; глинистая почва растрескалась отъ жары. Изрѣдка покажется группа хижинъ—это чумацкая *) деревушка,—и только; далѣе опять степь, степь песчаная, знойная, утомляющая глаза своимъ однообразіемъ; даже птица

*) Чумаки—малороссы, хохлы, которые занимаются перевозкой соли на волахъ.

не залетитъ сюда. Царствуетъ подавляющая и мертвая тишина. Куда дѣлись кузнечики, жучки, стрекозы и другіе обитатели полей? Видно, и они не находятъ себѣ здѣсь пропитанія. Только ядовитый паукъ—тарантулъ иногда пробѣжитъ и скроется; здѣсь ему житье и раздолье: здѣсь онъ рѣдко видитъ своего заклятаго врага—овцу (для овцы онъ лакомство), а если и увидитъ, то моментально скроется въ ближайшую трещину.

Не дай Богъ заблудиться въ такой степи, думаете вы,—и вдругъ взорамъ представляется заманчивая картина: рѣка, а по берегу ея тѣнистыя деревья—и это такъ близко, версты три, много четыре; уже является непреодолимое желаніе утолить жажду и выкупаться...

— Видите миражъ?— говоритъ намъ спутникъ, — а вѣдь никакой рѣки и деревьевъ тутъ и нѣтъ!

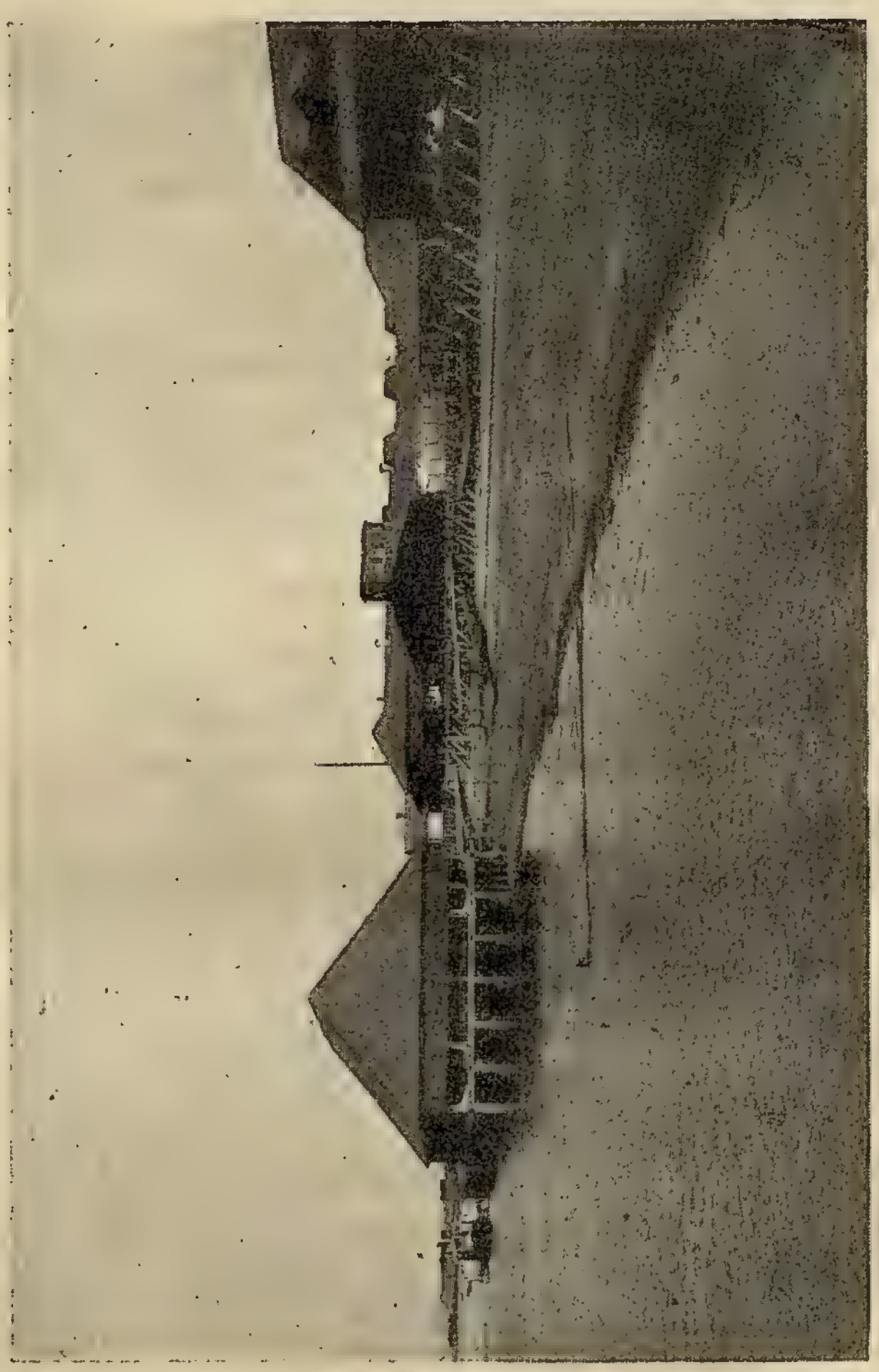
Часто представляется и другое явленіе — это смерчъ; внезапно образовавшійся столбъ пыли вертится... вертится, постепенно поднимаясь кверху, и пропадаетъ въ высотѣ.

На пути къ озеру вы увидите замѣчательную игру природы. Посреди степи, гладкой, ровной, высится огромная восьмидесяти саженъ высоты гора, а впереди и по сторонамъ ея—гладко, хоть шаромъ покати. Это гора Богдо, вѣроятно, вытолкнутая изъ нѣдръ земли вулканическими си-

лами. Гора эта священна для калмыковъ и, по ихъ преданіямъ, создана Далаї-Ламою, ихъ верховнымъ богомъ. Раньше она стояла на берегу рѣки Урала. но двое калмыковъ задумали перевести ее на берегъ Волги. Послѣ долгихъ постовъ и молитвъ они взваливали ее на плечи и понесли по безконечнымъ знойнымъ степямъ. Но одинъ изъ нихъ изнемогъ и упалъ. Гора придавила его и обагрилась кровью, почему одинъ бокъ ея красенъ до сихъ поръ... Дѣйствительно, гора Богдо состоитъ изъ твердаго песчаника и красной глины. На ея поверхности находятъ множество морскихъ раковинъ и окаменѣлости морскихъ животныхъ, а это показываетъ, что эта мѣстность—бывшее дно моря. Калмыки приходятъ сюда на поклоненіе и приносятъ съ собой деньги и разныя вещи.

Но вотъ вы подошли къ снѣжной полянѣ. Снѣгъ ослѣпительно блеститъ на ней. Удивительно оригинальное впечатлѣніе производитъ эта снѣжная бѣлая поляна среди желтыхъ, мертвыхъ, песчаныхъ окрестностей. Снѣгъ въ знойной пустынѣ. Это соленое озеро „Баскунчакъ“.

Весь берегъ заваленъ грудами ослѣпительно бѣлаго снѣга. Это — соль; ее добываютъ со дна озера и складываютъ въ бѣлыя пирамидки; или же соль сама поднимается изъ озера и лежитъ на его берегахъ въ видѣ бугровъ всевозможной



Промыселъ.

формы. Дно озера покрыто толстымъ сплошнымъ слоемъ соли, а поверхъ него на четверть аршина держится вода, пропитанная солью (рапа). Лѣтомъ, при сильномъ испареніи воды, соль отдѣляется тонкою корою на поверхности озера и осѣдаетъ на дно; но эта соль еще рыхлая, нечистая: она очищается понемногу подъ новыми осѣвшими пластами соли, которая закрываетъ ее. Чѣмъ глубже рыть, тѣмъ чище и крѣпче соль, и наконецъ она становится твердою, какъ камень.

На соляныхъ озерахъ главные рабочіе, —калмыки и киргизы: ломомъ или киркой они разбиваютъ соляные пласты, подхватываютъ ихъ лопатами и промываютъ въ рапѣ (въ разсолѣ), чтобы соль очистилась отъ песку и грязи. Затѣмъ соль сгребаютъ въ кучки на берегъ, когда высохнетъ—насыпаютъ въ мѣшки и отвозятъ на пристань Владиміровку на Волгѣ, на чумацкихъ подводахъ, запряженныхъ волами, или въ вагонахъ желѣзной дороги.

Во Владиміровкѣ соль перемалывается на мельницахъ и уже на пароходахъ отвозится на ватаги для соленія рыбъ или на продажу.

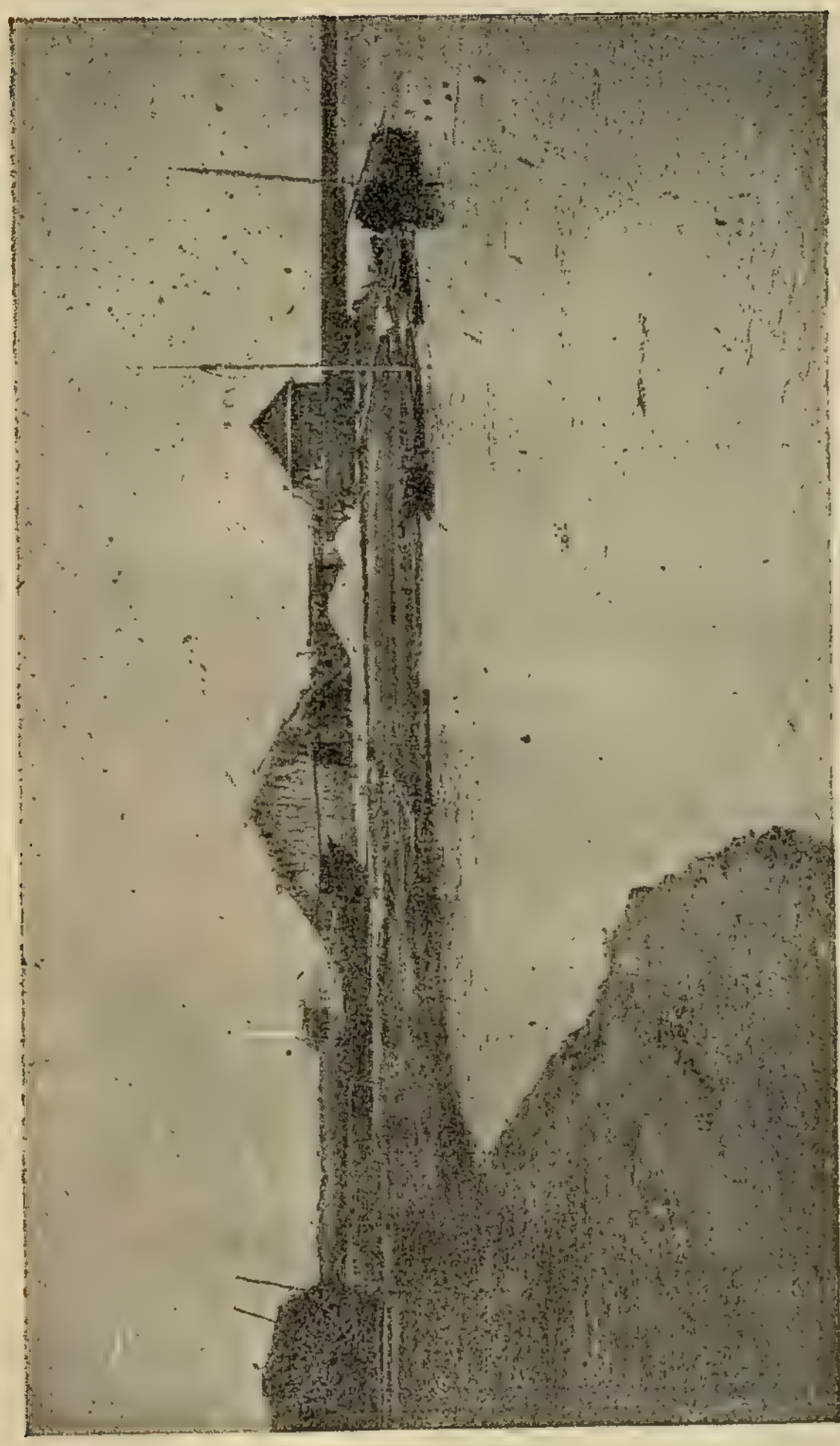
Работа на соляныхъ озерахъ настоящая каторжная. Зачастую приходится стоять по поясъ въ соляной водѣ. Соль разъѣдаетъ тѣло и на немъ появляются трещины и ссадины. Иной рабочій стоитъ весь, какъ обожженый, а въ свѣжія раны

опять забивается соль. Обыкновенно рабочіе осторожно ходятъ по озеру, держась за руки, потому что въ иныхъ мѣстахъ въ толстомъ слоѣ соли находятся глубокіе провалы.

Не менѣе Баскунчака интересна соляная гора Чипчачи, въ восьмидесяти верстахъ отъ него. Это рядъ холмовъ высотой до десяти саженъ. Холмы состоятъ изъ твердой, чистой поваренной соли. Для добыванія этой соли были устроены подземные галлереи (шахты).

Среди соляныхъ озеръ Астраханской губерніи есть одно лѣчебное. Это Тинакское грязевое озеро, съ рѣзкимъ соленымъ запахомъ. Оно лежитъ въ двѣнадцати верстахъ отъ Астрахани, среди безлюдной голой степи, поросшей полынью и сорными травами. На днѣ его находятся соленыя грязи, а сверху оно покрыто, точно ледяной корой, соленымъ разсоломъ — рапой. Грязи этого озера считаются цѣлебными въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, и лѣтомъ сюда съѣзжаются больные для лѣченія. Какъ всякое соленое озеро, оно поражаетъ своей бѣлоснѣжной блестящей поверхностью. Въ полдень на него нельзя смотрѣть, не зажмуривъ глазъ. Больные садятся на извѣстное время въ эту грязь по горло или въ ванны изъ рапы, при чемъ головы защищены зонтомъ отъ жгучихъ лучей солнца.

Вообще, вся прикаспійская степь усѣяна без-



Балда—рукавъ Волги.

численными соляными озерами; изъ нихъ добываются десятки милліоновъ пудовъ соли. Соль поступаетъ главнымъ образомъ на ватаги для соленія рыбъ.

Рыбные промыслы—ватаги имѣютъ въ Астраханскомъ краѣ огромное значеніе. Они кормятъ чуть не всю Россію и даютъ заработки десяткамъ тысячъ мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ. Отъ Царицына до Чернаго Яра рыболовство является уже главнымъ промысломъ населенія, а хлѣбопашество и скотоводство только подспорьемъ къ нему; ниже Чернаго Яра, къ Енотаевску, хлѣбопашество уменьшается, а около Астрахани и ниже по взморью о хлѣбопашествѣ нѣтъ и помина и рыболовство заняло главное мѣсто; здѣсь много рыбачьихъ промысловъ, такъ называемыхъ ватагъ. Здѣсь на ватагахъ обрабатывается рыба для продажи, солится и сушится.

Главныя рыбачьи ватаги расположены не на самой Волгѣ, а на ея рукавахъ, волжкахъ, которыхъ тутъ насчитывается до трехсотъ шестидесяти.

На ватагу надо ѣхать весной, когда всѣ работы въ полномъ разгарѣ.

Сядемъ на одинъ изъ тѣхъ пароходиковъ, которые постоянно ходятъ между ватагами и Астраханью. Многіе изъ нихъ являются настоящими водяными ломовиками, потому что таскаютъ съ дальнихъ ватагъ баржи, нагруженныя рыбой на продажу.

Ѣдешь по волоżкамъ, мимо лѣсистыхъ островковъ, кругомъ разстилается зелень *).

„То и дѣло мелькаютъ по обѣимъ сторонамъ опрокинутыя на берегу неводныя лодки, барки, ватаги, съ низенькими бревенчатыми ледниками, съ множествомъ дверей, въ которыхъ сохраняется рыба, громадныя села ловцовъ, маленькія тростниковыя хáты ихъ и дачи промышленниковъ. Въ воздухѣ носится острый запахъ соленой рыбы. Вотъ и ватага: ворочается руль, кидается подчалокъ, перебрасываются доски и мы на плоту.

— Осторожнѣе, здѣсь скользко!—предостерегаетъ рабочій ватаги, подавая руку, чтобы поддержать.

Передъ нами, словно могилы гигантовъ, сѣрые холмы, возвышающіеся надъ желтыми песками и зеленымъ камышемъ береговъ Волги—знаменитыя рыбныя ватаги. Всѣ онѣ похожи другъ на друга. Впереди небольшой крытый надъ водой плотъ на сваяхъ; сзади на землѣ и въ землѣ громадные амбары съ двойными стѣнками, набитыми льдомъ. Это громадные ледники, „выходы“ по здѣшнему, для посола рыбы, самая цѣнная и самая необходимая вещь на ватагахъ. Ледникъ раздѣленъ на три части; въ боковыхъ

*) Вся эта сцена взята изъ статьи А. Н. Молчанова. «На рыбныхъ промыслахъ въ Астрахани».

хранится ледъ, а въ среднемъ вкопаны десятками четырехугольные ящики—лари и чаны съ деревяннымъ дномъ, наполненные рыбой и тузлукомъ, или пустые; съ боковъ приготовлены бочки и боченки; сверху ларей и чановъ настланы доски.

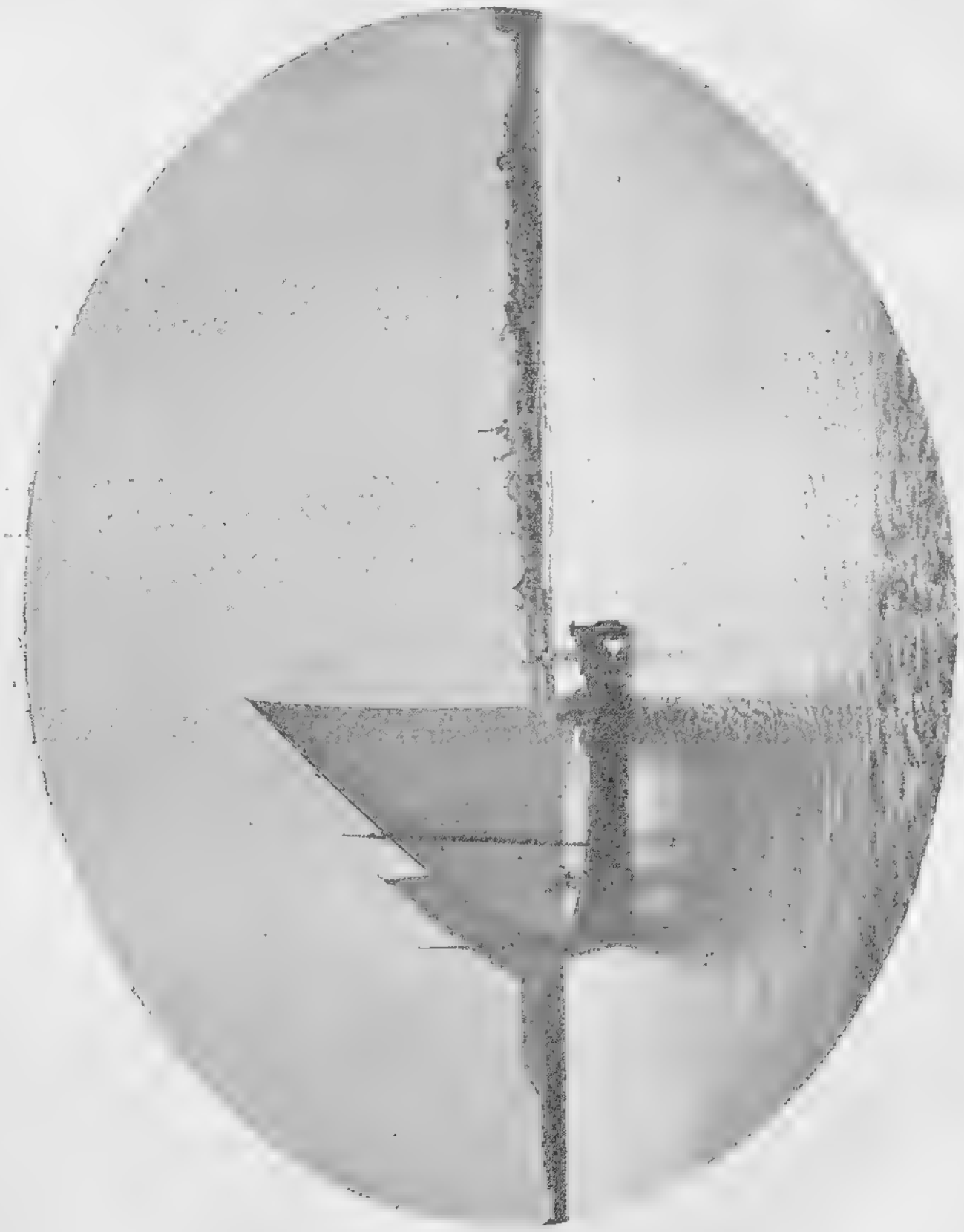
Идешь по этому скользкому, трясучему полу, какъ по клавишамъ; того и гляди попадешь въ разсолъ сельдей. Грязь, приставшая къ подошвамъ, неминуемо портитъ разсолъ. На каждомъ шагу обходишь чаны, не умѣстившіеся подъ поломъ и поставленные на полъ; на крышѣ амбара окошки для свѣта, сбоку амбара—чуланчики для храненія соли; тутъ и чистая сѣяная, и жировая вонючая соль, добытая со дна ларей; около выхода навѣсъ, подъ которымъ опять чаны и чаны; еще подальше шесты (стойки) и жерди, на которыхъ связками развѣшивается рыба. Эти вѣшала для сушки и вяленья рыбъ стоятъ на мѣстахъ, открытыхъ для солнца и сторожевого глаза, иначе видимо-невидимо налетитъ всякой воровatой птицы. Вдали амбары для склада сѣтей и рыбачьихъ снарядовъ, приказчичій домъ, рабочія казармы и баня; у самаго берега на почвѣ, не просыхающей и въ іюлѣ, лѣпятся камышевыя клѣтки, шиши, гдѣ находятъ пріютъ ловцы. Грязно и скудно живется въ такихъ казармахъ, благо еще, что лѣтомъ хорошо и на открытомъ

воздухѣ спится; къ комару да мошкѣ рабочій людъ притерпѣлся, а если станетъ невтерпежъ, и комары да мошкара одолѣютъ, то лица завѣшиваютъ просмоленными сѣточками и ходятъ въ нихъ, какъ въ своеобразныхъ маскахъ. Куда ни взглянь, всюду песокъ и вода, сверху небо; воздухъ пахнетъ рыбой; миріады комаровъ летаютъ; миріады рыбокъ плаваютъ близь ватаги; и тѣмъ и другимъ тутъ богатая пища“.

Ранней весной, съ февраля, на пристаняхъ и ватагахъ начинается усиленная работа. Всюду копошится народъ: кто ладитъ суда и лодки, конопатитъ и смолитъ ихъ; кто чинитъ паруса и рыболовныя сѣти; кто чиститъ и приводитъ въ порядокъ ватаги. Изъ уѣздовъ Астраханской губерніи, изъ калмыцкихъ степей, изъ верховыхъ губерній стекаются тысячами рабочіе въ Астрахань и нанимаются на ватаги. Нанимаются на два срока: на весенній срокъ, съ 1 марта до 9 мая, и на осенній, съ 7 сентября до 14 ноября. Рабочему платятъ за два мѣсяца отъ десяти до двадцати пяти рублей на хозяйскихъ харчахъ. Нанимаютъ только на эти сроки, потомъ промыслы пустѣютъ; продолжается только укладка рыбы въ бочки. Зимой хотя ловятъ, но мало, и сейчасъ же пускаютъ рыбу въ продажу, не заготовляя въ прокъ.

Въ мартѣ вскрываются рѣки. Наступаетъ са-

мое горячее и обильное время для ловли рыбы. Въ это время изъ Каспійскаго моря въ устье Волги тянутся цѣлые косяки (стан) рыбъ метать



Промыселъ Базилевскаго.

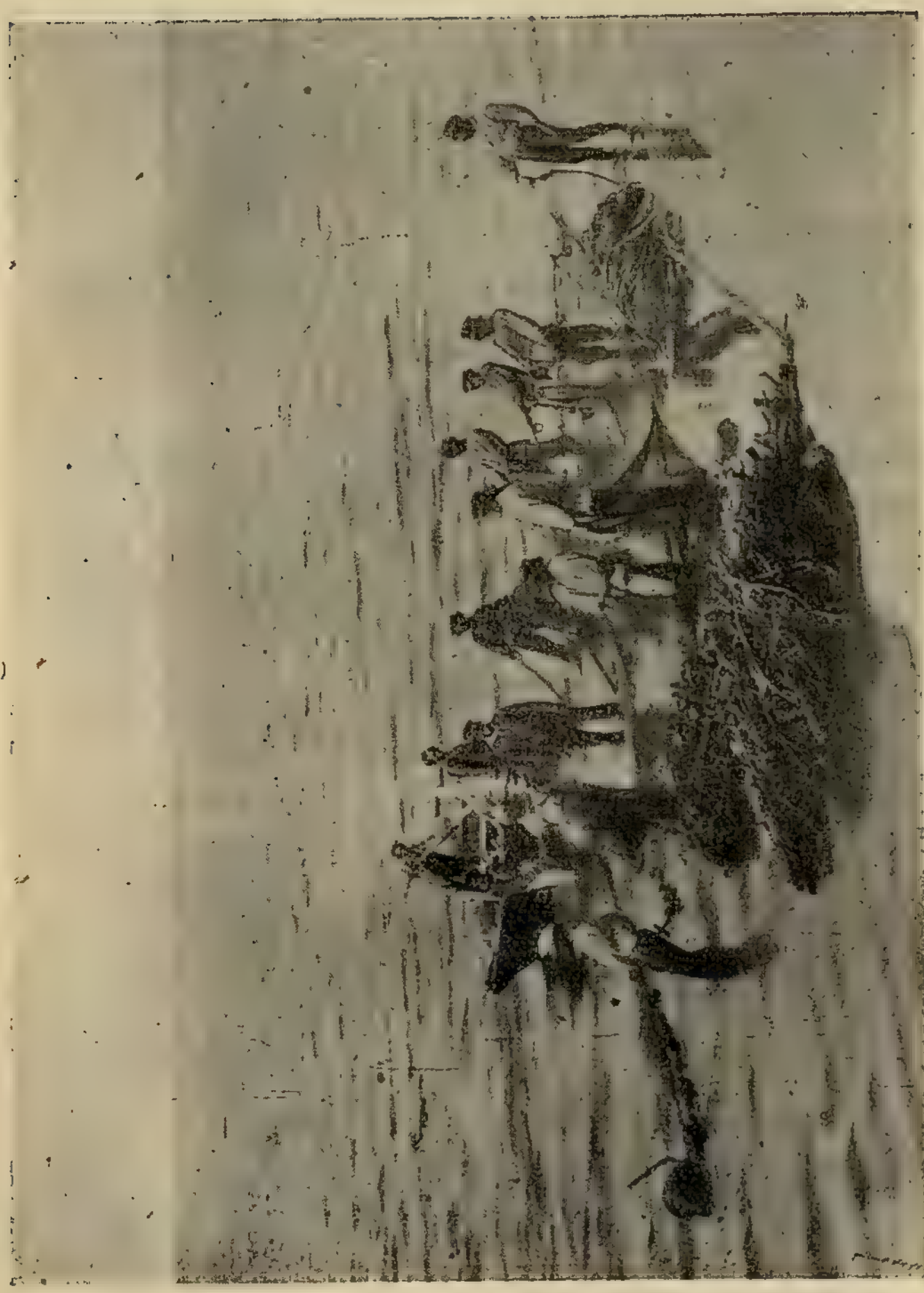
икру! Первыми идутъ: такъ называемая „мужицкая рыба“—вобла и бѣшенка, самая доходная рыба для здѣшнихъ рыбопромышленниковъ, по-

Неводная тяга.

тому что она расходится буквально по всей Россіи въ сотняхъ милліоновъ штукъ. Одной воблы ловится въ годъ 500 милліоновъ штукъ. Вобла—это наша плотва, ее ѣдятъ копченую и сушеную. Весною ее здѣсь встрѣтишь вездѣ; на улицахъ и рѣкахъ, въ домахъ и на пристаняхъ. Запахъ ея преслѣдуетъ васъ всюду. Бѣшенка—это сельдь; называется же бѣшенкой потому, что идетъ рѣзво и съ шумомъ и ловъ другой рыбы при ея ходѣ невозможенъ. Она часто выпрыгиваетъ изъ воды, попадаетъ на весла гребцовъ, прыгаетъ на потонувшіе деревья и кустарники, и во множествѣ скачетъ на берега, гдѣ сторожатъ ее собаки и кошки, а птицы—рыболовы, сѣрякп, чайки—мартышки, бакланы и въ особенности птица, называемая здѣсь скопа, въ родѣ орла—ловятъ ее прямо изъ воды.

Въ ватагахъ весной съ нетерпѣніемъ ждутъ хода бѣшенки. Тогда только и разговору, что о ней. Оно понятно: здѣсь, среди песковъ степи, нельзя разводить пашни, и благосостояніе жителей зависитъ отъ удачнаго лова рыбы.

Во время хода бѣшенки — сельди, появляющейся лишь на нѣсколько дней, невода работаютъ неустанно день и ночь. Это самое бѣшеное время промысловъ. Рыба сотнями тысячъ штукъ сразу выбрасывается на берегъ и плотъ; тысячи работниковъ и работницъ, приглашенные на эти горя-



Тоня.

чіе дни, тащутъ рыбу въ лари и чаны. Часто бываетъ, что рукъ мало, рыба засыпаетъ и, пригрѣтая жаркимъ солнцемъ, начинаетъ портиться. Жадный рыбопромышленникъ всегда вылавливаетъ рыбы больше, чѣмъ можетъ справиться и, чтобъ она не досталась сосѣду, предпочитаетъ не выпустить ее живою въ рѣку, а даетъ гнить на берегу. Тогда образуются огромныя кладбища испорченной рыбы, которая отравляетъ воздухъ и людей.

Вслѣдъ за воблой и бѣшенкой изъ моря идутъ косяками осетръ, бѣлуга и севрюга. Весенній ловъ называется икрянымъ, а эта рыба—красною, потому что изъ нея получаются самые цѣнные продукты: икра, клей и вязига.

Лѣтомъ отъ 15 мая до 15 іюля ловъ пріостанавливается, чтобы дать вырости „малькамъ“—маленькой рыбешкѣ нынѣшняго года.

Съ августа же, когда рыба идетъ изъ рѣкъ обратно въ море для зимовья, начинается новый ловъ.

На тоняхъ *) рыбу ловятъ неводами и главные тутъ рабочіе калмыки и киргизы. Надѣвъ на ноги тяжелые кожаные сапоги — шаровары „бахилы“, кожаную куртку „кожанъ“, на ступни кожаные поршни, смазанные дегтемъ, они ходятъ по водѣ

*) Тони—мѣсто ловли рыбы. Каждый промышленникъ имѣетъ нѣсколько тоней (2—10) на различномъ разстояніи не менѣе двухъ верстъ одна отъ другой.

по шесть, по восемь часовъ въ день, какъ въ жаркій май, такъ и въ зимній декабрь. Этотъ непромокаемый костюмъ часто неисправенъ и не предохраняетъ рабочаго отъ промоканія. Кончивъ работу, калмыкъ снимаетъ кожаный нарядъ и ложится въ свою камышевую клѣтку на чуть прикрытую камышемъ землю, согрѣть свое иззябшее, промокшее тѣло, а завтра опять за работу. Такой сверхъ-каторжной работы не выдерживаетъ никакой народъ, а калмыкъ доволенъ, когда за эту нечеловѣческую работу получитъ по шести рублей въ мѣсяцъ и кусокъ чернаго хлѣба. Когда же у него есть кирпичный чай, онъ считаетъ себя богатымъ. Рыбопромышленники пользуются такой невзыскательностью калмыка и предпочитаютъ его русскимъ. Но сколько гибнетъ калмыковъ отъ такой адской работы, одному Богу извѣстно.

Какъ только вода начнетъ сбывать и покажутся песчаныя мѣста, рыбаки ловцы поселяются въ „станахъ“ на лѣвомъ песчаномъ берегу Волги. Здѣсь ровное дно и удобное мѣсто для ловли красной рыбы. Нѣсколько шалашей изъ камыша на песчаномъ берегу, нѣсколько лодокъ, развѣшанныя сѣти и снасти, два—три огонька, надъ которыми виситъ котелокъ—вотъ и станъ. Ночью для защиты отъ несносныхъ комаровъ спятъ подъ пологомъ изъ холста, куда иначе не влѣзть, какъ на четверенькахъ.

Рыба ловится сѣтями и снастями. На ловлю сѣтями ловцы отправляются поочередно. Для гребли обыкновенно берется мальчикъ — сынъ или племянникъ хозяина или другого ловца.

— Дементьевъ, твой что-ли чередъ? — кричитъ прикащикъ, наблюдающій за ловомъ въ станѣ.

Прикащика сейчасъ можно отличить отъ прочихъ ловцовъ; онъ въ цвѣтной нарядной рубашкѣ и плисовомъ картузѣ, среди рабочихъ, которые обыкновенно одѣты въ синія пестрядинныя рубахи и такіе же порты.

— Мой,—отвѣчаетъ Деменьевъ.

— Такъ чего зѣваешь? Петруха-то ужъ поднимается.

Полдень. Въ воздухѣ зной. Солнце свѣтитъ всѣмъ своимъ блескомъ и палитъ всею своей огненною силой. Песокъ накалился до того, что непривычная нога не выдержитъ его жары, а ловецъ, усталый и пригрѣтый солнышкомъ, съ голыми ногами и руками нѣжится и дремлетъ на этой раскаленной лежанкѣ. Призывъ къ работѣ поднялъ его и онъ бодро сѣлъ въ лодку вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ племянникомъ. Оттолкнувъ лодку отъ берега и отплывши на нѣсколько саженъ, ловецъ началъ бросать сѣти въ воду: вотъ булькнулъ камень, шлепнулся боченокъ и закачался въ водѣ. Мальчикъ все гребетъ дальше. Вотъ, наконецъ, ушла въ воду и вся сѣть; булькъ-

нулъ за ней второй камень. Ловецъ привязываетъ конецъ веревки отъ сѣти къ лодкѣ, мальчикъ перестаетъ грести, и лодка съ сѣтью плыветъ плавно по теченію. Ловецъ же, развалившись на палубѣ, посматриваетъ на боченокъ. Вотъ приплыли до примѣты, которая показываетъ конецъ плава. Ловецъ поднимается на ноги, надѣваетъ кожаный фартукъ, отвязываетъ веревку, привязанную отъ сѣти къ лодкѣ, и ставъ на палубу, начинаетъ вытаскивать сѣть. Вода льется струями по его фартуку и голымъ ногамъ. Сначала дѣло идетъ скоро, но вотъ вдругъ что-то стало. Рыбакъ сталъ выбирать сѣть осторожно. Онъ съ любобытствомъ ожидаетъ, что вытащится. Вдругъ ловецъ быстро соскакиваетъ на дно лодки и перекидывается грудью черезъ край. Это значитъ, что въ сѣти есть рыба. Его привычный глазъ увидалъ ее въ глубинѣ воды.

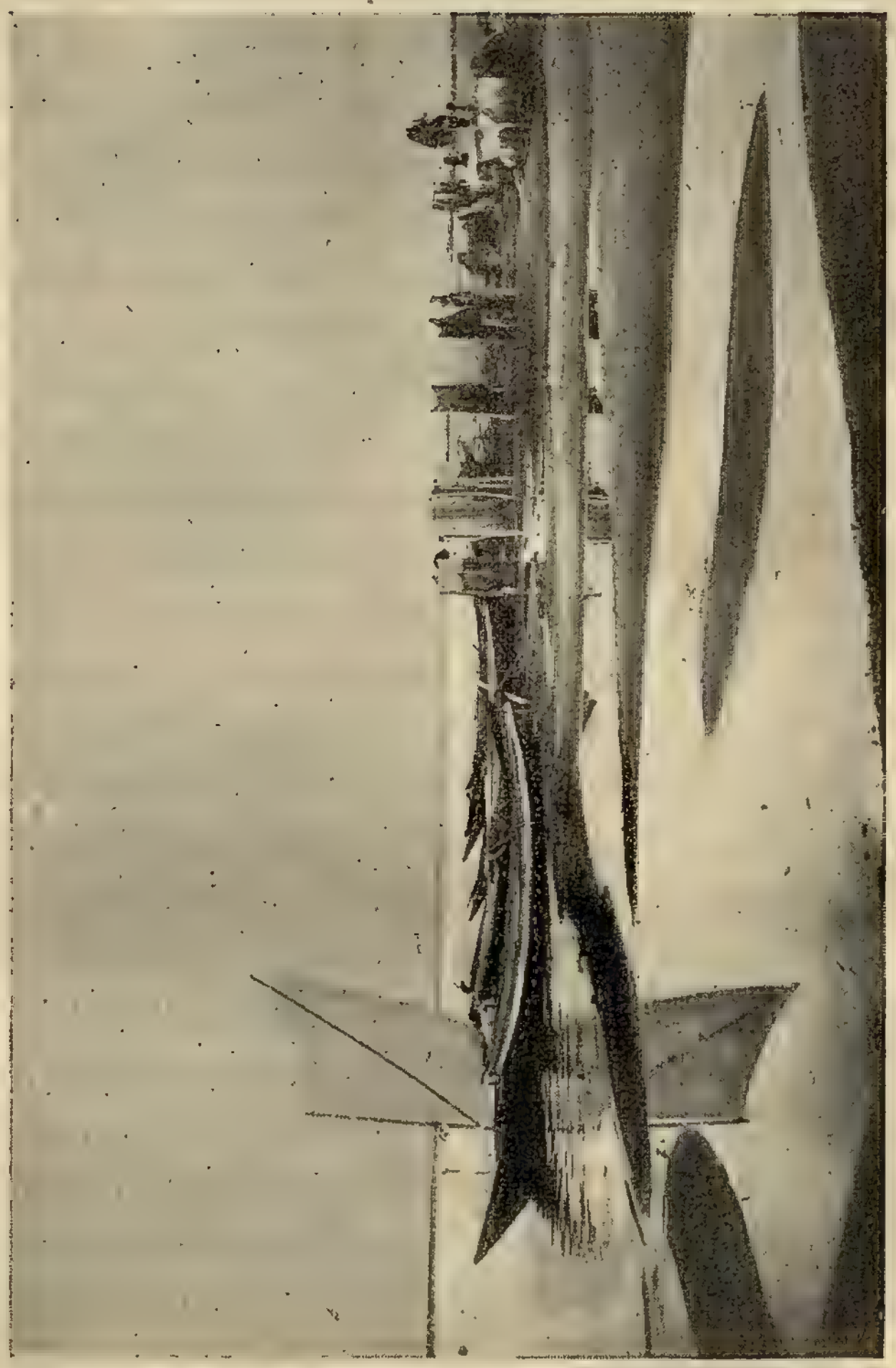
— Осетришка маленькій!—проговорилъ ловецъ.

Осетръ было проскочилъ сквозь первую сѣть, но завязъ во второй; хватился назадъ, да нельзя, голова назадъ не проходитъ; вильнулъ хвостомъ и вовсе запутался въ передней крупной сѣти.

Малъ, а боекъ! вишь ты, какъ закатался!—проговорилъ ловецъ, вынимая рыбу изъ сѣтей.

— Табань, табань, *) Ванюша, греби назадъ,—сказалъ онъ мальчику.

*) Табанить—грести въ обратную сторону, чтобы лодка шла назадъ.



Рыбацкія тони близъ Астрахани.

На плаву.

Поймавъ осетра или другую крупную рыбу, онъ сейчасъ же закуканиваетъ ее, другими словами, продѣваетъ бечевку черезъ ротъ и жабры и пускаетъ ее въ воду, привязавъ къ лодкѣ; затѣмъ снова принимается вытаскивать сѣть, а потомъ довольный возвращается въ свой станъ, помогая грести мальчику и распѣвая веселую пѣсню.

Любо было бы жить на свѣтѣ рыбаку, еслибъ всегда стояла хорошая погода, да выходилъ счастливый ловъ; да то лихо, что часто бываетъ совсѣмъ другое.

Вотъ солнце садится въ широкую Волгу; потянулъ и зашумѣлъ низовый вѣтеръ, заморосилъ мелкій, но частый дождикъ. Зашумѣло на Волгѣ, заплескала волна на берегъ, закачало лодки, стоявшія у берега. Вдали показались паруса рыбаковъ, возвращающихся къ своему стану.

— Ну-ка, Петровъ, твой чередъ!—говоритъ опять прикащикъ.—Еще успѣешь, пока не больно рѣку развело. Сплывешь еще лишній разокъ. А то, пожалуй, всю ночь такъ раздуетъ, что ни разу не придется половить рыбки!

— Отчего теперь не плыть!—спокойно отвѣчаетъ ловецъ, идя со своимъ маленькимъ гребцомъ въ лодку такъ же спокойно, какъ иной идетъ на печь.

Опять оттолкнулись они отъ берега и поплы-

ли на середину, выбрасывая сѣть; но теперь уже не слышно, какъ булькнулъ въ воду камень, какъ шлепнулся боченокъ. Волна шлепаетъ лодку, качаетъ ее, и нужно много удали и привычки, чтобы крѣпко стоять въ лодкѣ на ногахъ и работать въ такую качку. Мальчикъ при веслахъ долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы плыть дальше. Но сѣть, по прежнему, брошена и привязана къ лодкѣ. Ловецъ не ложится уже на палубу, а сидитъ на кормѣ, да только поеживается отъ дождя, который сдѣлался проливнымъ.

— Нѣтъ, Ванюша,—говоритъ онъ, наконецъ,—видно подниматься надо до грѣха. Какая теперь ловля...

И вотъ начинаетъ онъ вытаскивать сѣть. Лодку такъ качаетъ, что даже привычныя ноги ловца скользятъ, и онъ нѣсколько разъ падаетъ на скользкую палубу, пока не вытащитъ сѣти. Вдругъ волна хлестнула черезъ бортъ и залила лодку до половины.

— Держи, держи, Ванюшка, что ты, пострѣлъ!—кричитъ ловецъ:—зачѣмъ повернулъ? совсѣмъ зальетъ! Держи!

— Да радъ бы держать, тятька, да моченьки нѣтъ...

— Ахъ ты, пострѣлъ!.. а!.. держи, дурашка! держи, родненькій!.. Ну, недолго! ничего! всего сажень пятокъ дотянуть и вытащимъ боченокъ.

Держи, дружокъ! Ну ладно, совсѣмъ! Давай весла! полѣзай въ корму... Ну, ничего! говоритъ ловецъ, ободряя мальчика, который началъ было хныкать.

Но пока онъ беретъ весла изъ рукъ сына, новый ударъ волны поставилъ лодку поперекъ и ее начало опять заливать.

— Отливай проворнѣе, отливай,—кричитъ ловецъ, стараясь грести со всѣхъ сторонъ къ берегу.

— Да чѣмъ отливать-то? ковша нѣтъ.

— Говорилъ, пострѣлъ, завсегда бери ковшъ... Ну, хоть шапкой своей что-ли отливай... Эка, захватила окаянная, прости Господи!

Только присутствіе духа. смѣлость и опытность спасаютъ ловца отъ гибели. Онъ пристаетъ къ берегу, быстро выскакиваетъ и крѣпко держитъ лодку, чтобы не отшибло волною отъ берега; тогда мальчишка ставитъ въ лодку мачту, къ мачтѣ привязываетъ веревку и бросаетъ рыбаку конецъ. Потомъ и мальчикъ выскакиваетъ на берегъ. Оба они, измученные и мокрые, тащутъ лодку бечевою до своего стана. Не высохши, не обогрѣвшись, завертываются они въ тулупъ и засыпаютъ крѣпкимъ сномъ, забывъ о минувшей опасности“.

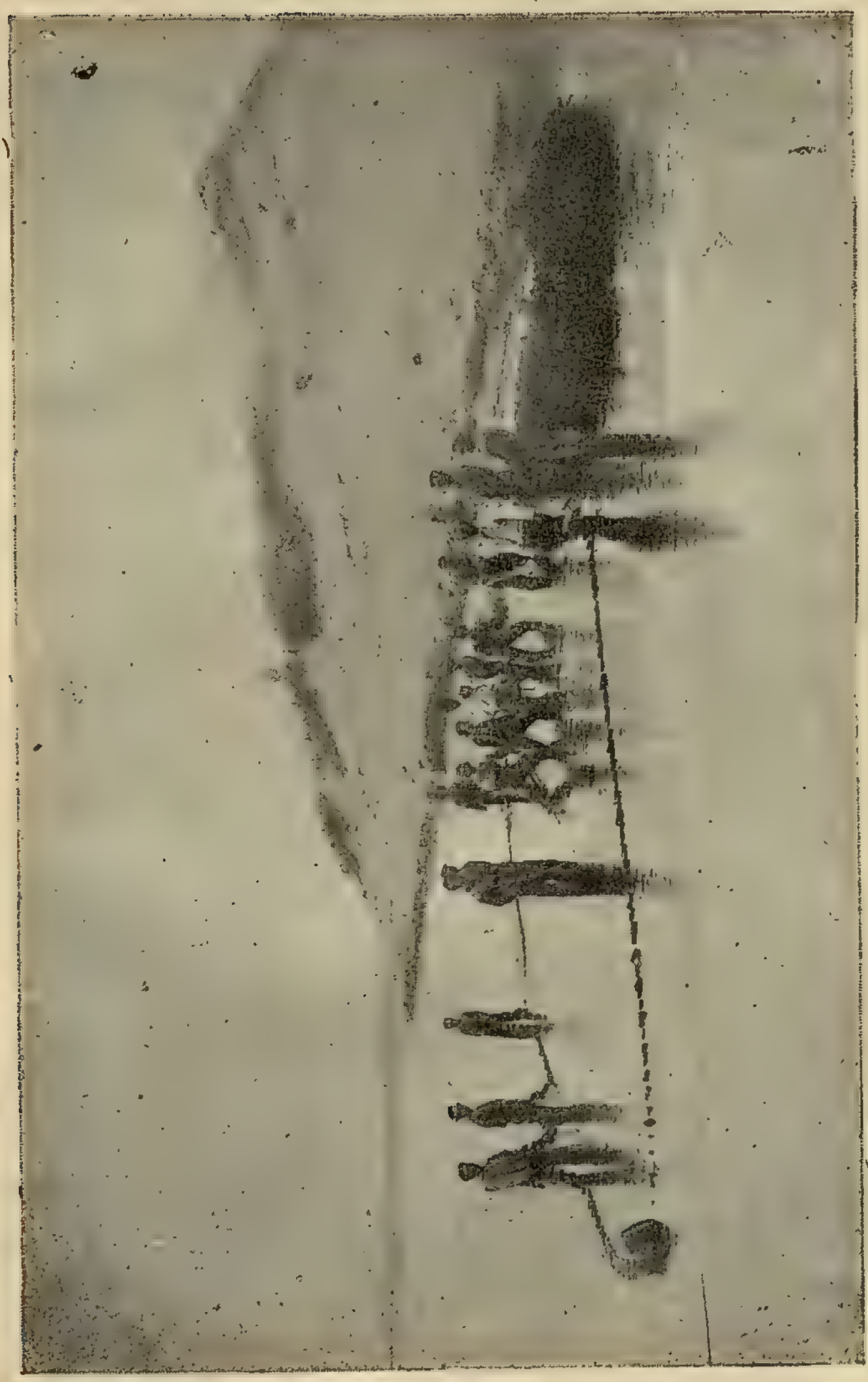
Ловцы работаютъ каждый день, кромѣ праздниковъ. Пойманную рыбу тотчасъ же сажаютъ въ садки—маленькія озера, или нарочно выры-

Типы промысловыхъ рабочихъ.

тые пруды съ проточной водой. Здѣсь рыба сидитъ до первыхъ зимнихъ морозовъ; тогда ее вынимаютъ, замораживаютъ и отправляютъ въ разные города.

Отъ хозяина ловецъ получаетъ ржаной хлѣбъ, пшено и кирпичный чай, объ остальномъ онъ долженъ промыслить самъ. Есть время—онъ поставитъ снасти для себя и сваритъ вкусную ушицу, нѣтъ—онъ и такъ заснетъ, запивая хлѣбъ горячимъ чаемъ.

Кромѣ рабочихъ, живущихъ на ватагѣ и на станѣ, рыбопромышленникъ нанимаетъ еще вольныхъ ловцовъ, живущихъ по прибережью. Они обязаны доставлять рыбу, пойманную ими, исключительно ему по заранѣе опредѣленной цѣнѣ. Ловцы на своихъ лодкахъ, со своими снастями, харчами и рабочими плывутъ въ море или рѣку и тамъ кидаютъ разные снаряды. Больше всего они тянутъ по дну простую смоленую веревку, на которой на коротенькихъ веревочкахъ висятъ острые крючья. Глупая рыба, играя и виляя, плыветъ подъ веревку, подъигриваетъ подъ себя крючокъ, а онъ безжалостно впивается въ ея бокъ, спину и животъ. Каждый вечеръ вольные ловцы ложатся на носъ своей лодки грудью и осторожно перебираютъ веревку, снимая съ крючьевъ рыбу; затѣмъ они привязываютъ ее на аркань и спускаютъ на шнурочкѣ, за кормой, чтобы не порти-

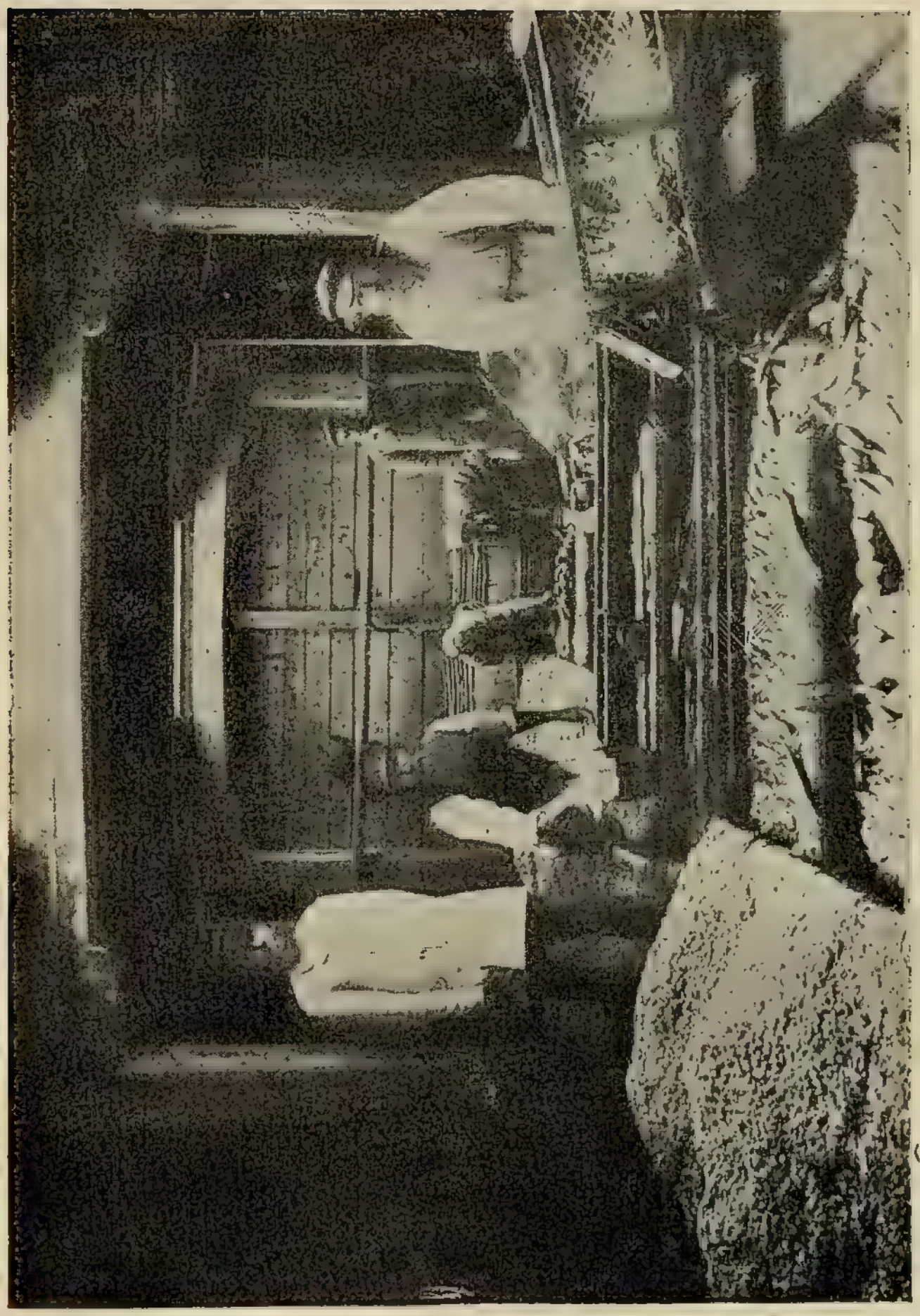


Послѣдній моментъ неводной тяги.

лась. Много рыбы поймано сразу—ловецъ плыветъ къ ватагѣ и сдаетъ ее тотчасъ свѣжею, часто живою. Малъ уловъ, далеко до ватаги, рыбакъ ждетъ товарищей и, засыпая, пріѣзжаетъ къ хозяину „съ сыростью, остротой и затяжкой“, какъ здѣсь говорится. Ловцы, бѣлѣющіе своимъ косымъ парусомъ на далекомъ разстояніи въ открытомъ морѣ, за десятки верстъ отъ береговъ, везутъ съ собою и чай, и соль. Поймавъ рыбу, они рѣжутъ ее, потрошатъ, складываютъ въ чаны или трюмъ, посыпая солью. Пріѣдетъ такая рыба на ватагу рѣдко твердою и свѣжею; чаще она мягкая, какъ истлѣвшее тѣло, и разсыпается, какъ каша.

Къ ватагѣ то и дѣло подъѣзжаютъ лодки. Привезенная рыба выбрасывается на плотъ. Онъ крытый, построенъ на сваяхъ надъ водой, съ тесовыми стѣнами—воротами, которыя въ теплую погоду раскрывается настежь, полъ неровный изъ полукруглыхъ брусьевъ. Отъ плота идутъ къ водѣ спуски съ перилами и ступеньки.

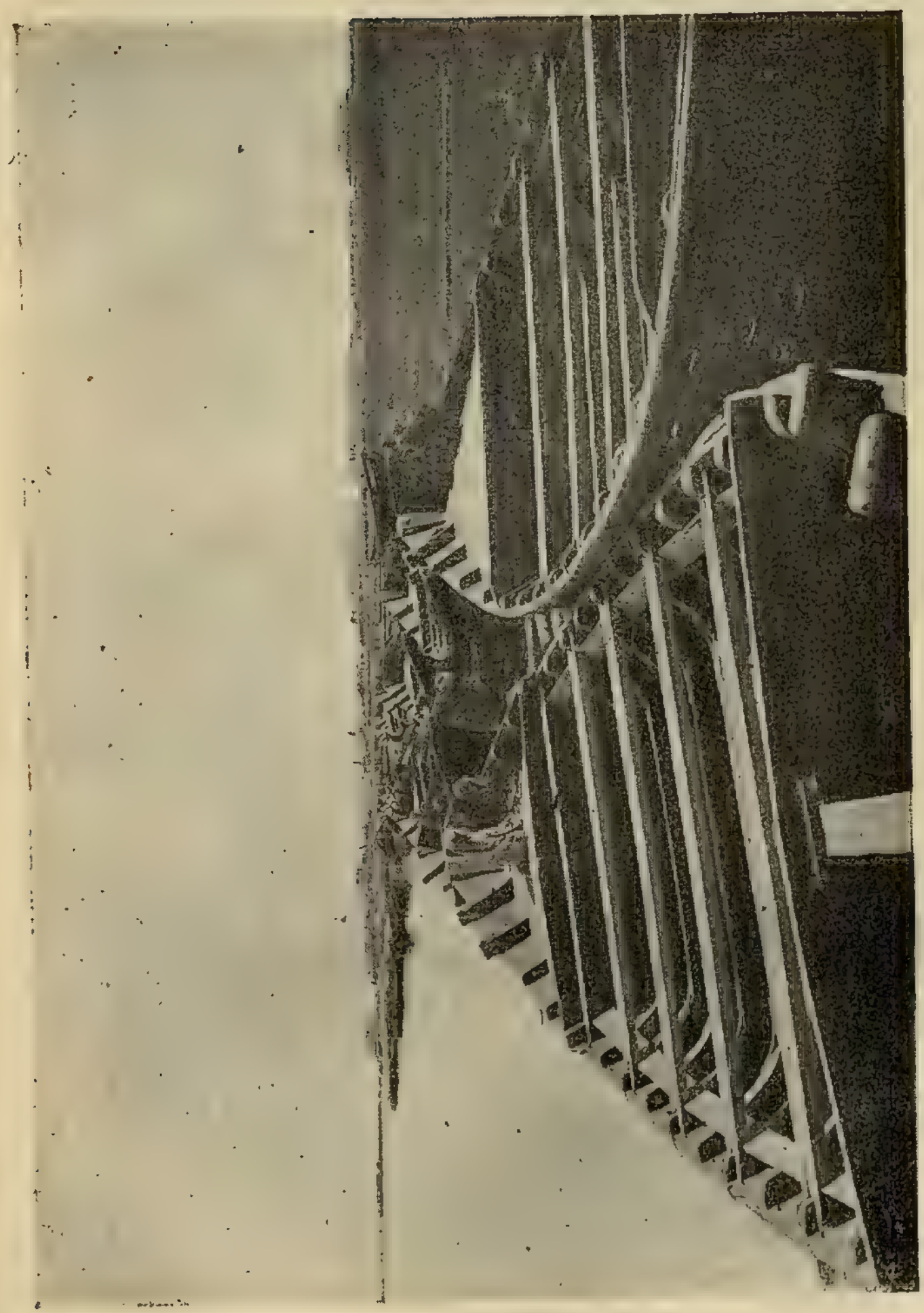
На плоту сортируютъ, потрошатъ, моютъ и разрубаютъ рыбу. Слизь не успѣваетъ скатываться въ маленькія дыры пола, застываетъ и гніетъ. Тутъ же на полу кой-гдѣ валяется мягкая мелкая рыба, выкинутая изъ неводовъ, какъ нестоющая. Около плота на берегу опять такая же сонная рыба, а надъ плотомъ, точно бѣлое облако, возятся чайки. Нѣтъ, нѣтъ, да и попадетъ



Посолъ сельдей въ промысловомъ подвалѣ.

что отъ промышленника. А и въ воду выкинутъ— изъ воды выхватитъ хищница. Гомонъ стоитъ въ воздухѣ. Особенно послѣ лова. Мало ли лодокъ пристанетъ: крикъ, шумъ поднимутъ. Внизу же изъ подъ воды то тамъ, то сямъ высунется плоская черная голова сома въ ожиданіи добычи. Не успѣютъ работники сбросить въ воду внутренности или голову рыбы, какъ на встрѣчу имъ высовываются изъ воды большія и малыя головы и на ходу схватываютъ добычу, рвутъ на части и проглатываютъ ее. Вотъ ловцы привезли осетровъ; рослый калмыкъ отрубаетъ головы, разсѣкаетъ ихъ надвое, вынимаетъ икру и выдираетъ спинной хрящъ. Приказчикъ кладетъ рыбу на три кучки: эта „мѣрная“ — не менѣе 5 четвертей и 4 вершковъ въ длину; эта маленькая „полумѣрная“, за которую ловецъ получаетъ меньшую плату, а эта... въ ней давно изловленная рыба бракъ, которую ловецъ привезъ полѣнился. Приказчикъ выдаетъ ловцу записку, по которой онъ получаетъ деньги въ конторѣ.

Цѣлыя толпы народа заняты на плоту, каждый хлопочетъ около своего дѣла. Оживленіе и суета невообразимая. Тутъ же работаетъ много женщинъ; онѣ разрѣзаютъ менѣе дорогую рыбу, такъ называемую частиковую съ чешуей и скелетомъ: стерлядь, лосось, бѣлорыбицу, судака, леща, окуней, щукъ и др. На бабахъ „рѣзалкахъ“ особый



Синемо́рскій промы́селъ Базилевскаго.

костюмъ: пестрая кофта, бѣлыя панталоны до колѣнъ, чулки и башмаки и цвѣтной фартукъ, на головѣ платокъ. Передъ каждой изъ нихъ два ведра. На ведра положена доска, это скамейка для „рѣзалки“. На нее баба садится верхомъ въ своемъ мужскомъ костюмѣ. Захвативъ багромъ судака или леща, которые лежатъ въ кучѣ тутъ же на полу, „рѣзалка“ ловко потрошитъ рыбу. Внутренности она бросаетъ въ одно ведро, выпотрошенную рыбу въ другое. Какъ только подъѣдетъ къ плоту лодка, бабы бросаются къ ней. Всякая норовитъ захватить рыбу покрупнѣе, потому что внутренности поступаютъ въ ихъ пользу. Изъ нихъ бабы топятъ жиръ. Поднимаются крики, ссора и даже перебранка. Но мало по малу всѣ успокоились и усѣлись по своимъ мѣстамъ. Работа кипитъ въ ихъ ловкихъ и проворныхъ рукахъ. Вотъ онѣ затянули свои веселыя удалыя пѣсни, но это нисколько не мѣшаетъ работѣ. Болѣе проворныя успѣваютъ вычистить въ день до двухъ тысячъ судаковъ. На ватагахъ работаютъ десятки тысячъ женщинъ изъ деревень и селъ Астраханской губерніи.

Около плота помѣщается икрянее отдѣленіе, гдѣ готовится икра красной рыбы, и вязижная палатка, гдѣ вывѣшивается вязига и сушится клей. Ушатъ съ икрой уносятъ въ икряное отдѣленіе. Здѣсь икру кладутъ на большія рѣшета и

Плавичи на берегу.

растираютъ ее. Яички-зерна отдѣляются отъ перепонки и проскакиваютъ сквозь рѣшето въ чанъ. это и есть икра. Въ чанѣ ее солятъ и мѣшаютъ деревянными вилками. Затѣмъ ее закупориваютъ въ липовые бочонки по 4—5 пудовъ и посылаютъ въ продажу. Это самый дорогой и вкусный сортъ икры—зернистая, безъ разсола. Другой сортъ называется паюсной.

Для паюсной кипятятъ крѣпкій разсолъ (тузлукъ) и въ него всыпаютъ зернышки. мѣшая ихъ до тѣхъ поръ, пока не уничтожится въ нихъ молочная жидкость; затѣмъ кладутъ ее въ кулекъ и жмутъ въ ручномъ деревянномъ прессѣ. Сжали, и икра готова. Есть и третій — низшій сортъ икры, его готовятъ изъ тѣхъ перепонокъ и остатковъ на рѣшетѣ, которые негодны для зернистаго сорта. Ихъ бросаютъ въ тузлукъ недѣли на три и потомъ продаютъ.

Клей дѣлается изъ рыбьяго пузыря. Его мочатъ, разрѣзаютъ, съ него сдираютъ прозрачныя стѣнки, сушатъ ихъ мелкими листочками—это рыбій клей. Изъ крупной рыбы выдирается хрящъ спинного хребта, вымачивается, сушится и связывается въ пучки—это вязига. Остатки рыбы. ея потроха и цѣлыя рыбы бросаются въ котелъ и жарятся на огнѣ. Получается рыбій жиръ.

Теперь посмотримъ, какъ солятъ рыбу.

Чанъ или ларь доверху налитъ тузлукомъ.

На днѣ его масса жировой соли, нерастворившейся въ тузлукѣ. Жиръ плаваетъ сверху въ видѣ ржавой пѣны. Буроватый разсолъ, тузлукъ, состоитъ изъ воды, крови и жира, выпущенныхъ изъ рыбы. Подставляютъ желобъ и насосъ. Тузлукъ перекачивается изъ чана въ другой, пустой. Тогда бабы и дѣвки, одѣтыя въ бѣлыя штаны и высокіе сапоги, спускаются по лѣсенкѣ въ ларь или чанъ, лопатой сгребаютъ жировую соль въ чану и затѣмъ выбрасываютъ ее вонъ. Послѣ того подметаютъ полъ ларя, выкидываютъ соръ и начинаютъ мыть весь ларь кругомъ; вмѣсто воды употребляютъ тузлукъ. Въ это время на тачкѣ съ плота подвозятъ къ выходу очищенную и промытую рыбу.

Здѣсь ее ссыпаютъ на землю. Мальчишки перебрасываютъ ее въ пустой ларь, а тамъ ее укладываютъ рядами тѣ же женщины. Солельщикъ же посыпаетъ солью каждый рядъ, у богатыхъ обильно, у бѣдныхъ—скупо. Рыбу укладываютъ тѣсно и почти до верху чана; потомъ чанъ закрывается и солятъ уже въ другомъ чану и т. д.

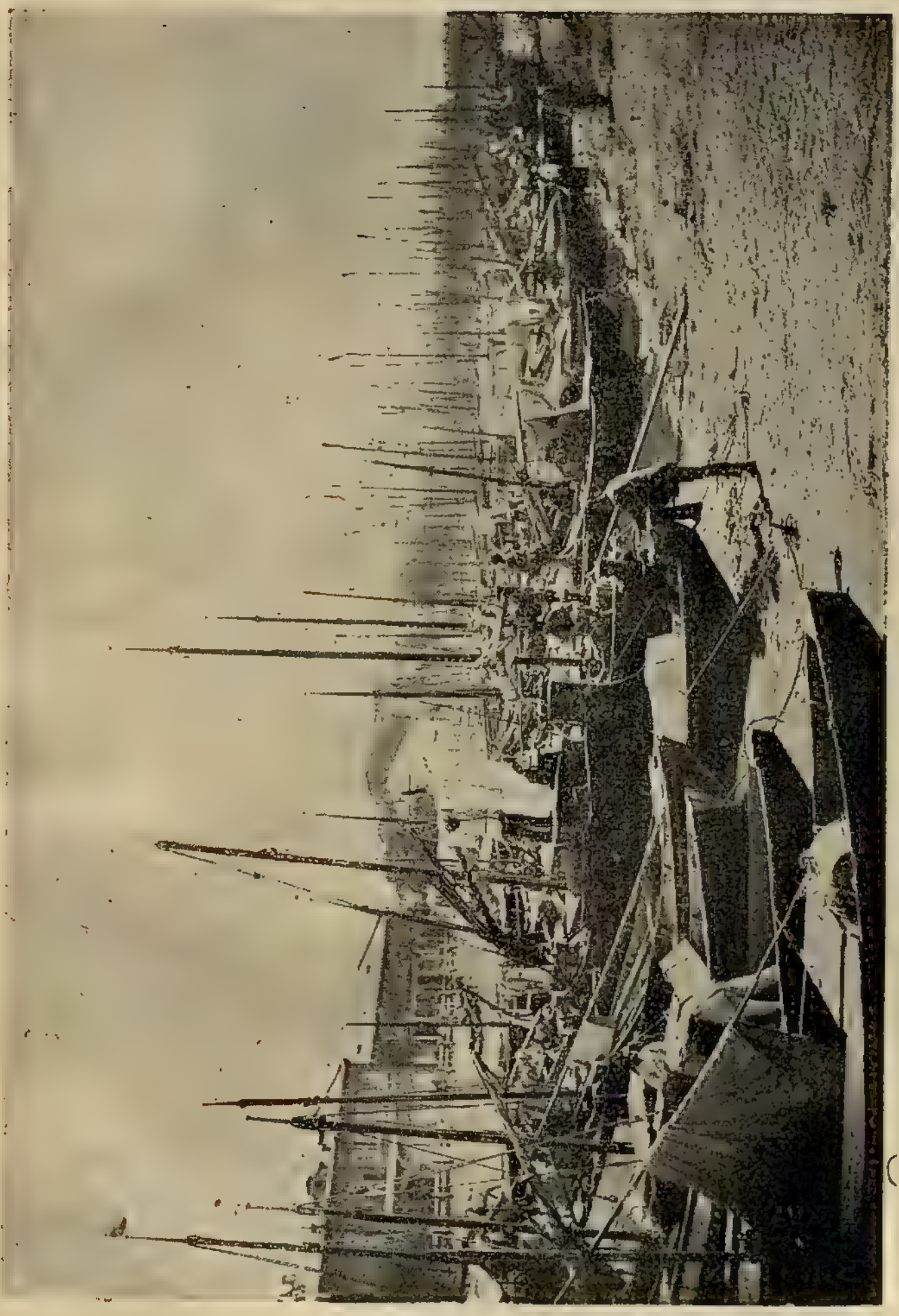
Когда нужно отправлять рыбу, открываютъ лари, наполняютъ бочки, доливаютъ разсоломъ, и тутъ же, забивъ ихъ плотно, выкатываютъ на берегъ, гдѣ нагружаютъ на баржи буксирныхъ пароходовъ.

Иные лари такъ велики, что принимаютъ въ себя до пятидесяти тысячъ штукъ рыбы заразъ

и болѣе тысячи пудовъ соли. Посоленная сельдь отъ собственнаго груза выпускаетъ изъ себя сокъ, который и зовется тузлукомъ, а соль впитывается въ рыбу. Сельдь лежитъ въ своемъ разсолѣ два-три мѣсяца, потомъ ее вынимаютъ, закупориваютъ въ боченки, заливаютъ тузлукомъ и везутъ въ Россію подъ именемъ королевской, голландской и проч. Тузлукъ же идетъ на посолъ красной рыбы—осетра, бѣлуги, севрюги. Доставленная вольными ловцами на плотъ ватаги, красная рыба, потрошится, затѣмъ распластывается на двое умѣлымъ топоромъ, мѣряется, моется въ особомъ чану, потомъ укладывается въ ларь и заливается тузлукомъ. Скоро вынутая рыба — малосольна, лежащая въ тузлукѣ подольше — просоленая. Свѣжая же красная рыба или ловится зимой, или вытаскивается живою изъ садковъ и замораживается и увозится въ города всей Россіи. Наконецъ частиковая рыба тоже немного купается въ тузлукѣ и потомъ нанизывается, развѣшивается, просушивается и вялится въ воздухѣ-солнцѣ. Царь этой рыбы—простонародная вобла.

Зайдемъ въ выходъ. Такъ пріятно спрятаться отъ жгучихъ лучей солнца въ тѣнь этого полуподземнаго подвала.

Направо наружный чанъ. Онъ наложенъ выше верха огромными кусками бѣлужины.



Рыбацкія суда на р. Кутумѣ.

— Не испортится она такъ, безъ разсола и соли? спрашиваемъ мы.

— Чего ей портиться-то, отвѣчаетъ приказчикъ и, защѣпивъ пальцемъ мясо изъ средины куска, размачаливаетъ его на ладони.—Вишь она какая, говоритъ онъ: — вся по волокнамъ разошлась.

— Кто же ее ѣсть станетъ, рабочіе?

— Ни Боже мой! Какъ это можно, чтобы ее ѣсть стали въ ефтихъ мѣстахъ, изумляется приказчикъ нашему вопросу:—это мордовская рыба, вверхъ ее возятъ, мордвѣ продаютъ...

— Такую-то гадость?

— Да-съ это точно, гадость настоящая, подтверждаетъ приказчикъ, брезгливо отирая руки,— да сами, чай, знаете, какой народъ мордва; онъ свѣжую-то рыбу и ѣсть не умѣетъ, ему подавай такую, чтобы ложкой, какъ кашу, хлебать можно было...

Кой-гдѣ на непрочныхъ доскахъ, покрывающихъ нижніе лари и чаны, тоже мирно покоятся маленькія «не нужныя» рыбки.

— Что же вы ихъ не выметете?

— Да пущай ихъ... мести-то невозможно, потому что весь соръ черезъ доски въ ларь сыплется.

Въ концѣ выхода лежитъ селедка. Въ одномъ чанѣ она лежитъ, какъ живая, свѣтлая, блестящая; въ другихъ ободранная, порыжѣлая. На нее

мы указываемъ и спрашиваемъ: — Что жъ это плохая такая селедка у васъ?

— Это то? Она ржавая, хохлацкою прозывается. Вотъ какъ выкидываютъ изъ ларя сельдь, если она попортилась малость или багромъ иную задерутъ—вотъ ее и валятъ отдѣльно. Вишь она какая—покупателю хорошему не продать, а вотъ малороссамъ на Кавказъ ее и сбываемъ, оттого хохлацкою и прозывается.

На ватагахъ—какъ уже было сказано—занято до сотни тысячъ рабочихъ мужчинъ и женщинъ, даже подростки, и тѣ находятъ себѣ здѣсь дѣло: на ватагахъ они работаютъ въ качествѣ нянекъ, а на тоняхъ—въ качествѣ кашеваровъ. Жизнь на ватагахъ очень тяжелая: въ горячее время работа продолжается 14—15 часовъ, а спать приходится въ тѣсныхъ казармахъ, въ кибиткахъ или въ земляпкахъ, углубленныхъ въ землю, безъ половъ и потолка, съ маленькими окнами. На тоняхъ же самое обыкновенное жилище—десятокъ конусомъ разставленныхъ, вверху связанныхъ жердей, прикрытыхъ очень жидко пучками камыша; камышъ далеко не доходитъ до вершины конуса, и конусъ вверху раскрытъ. Сбоку оставлено для входа маленькое, въ половину роста человѣческаго, отверстіе—щель; въ него можно войти только вдвоемъ и согнувшись. Въ такомъ камышевомъ шалашѣ — „шишѣ“ жи-

Живорыбные садки.

вутъ 12—20 человѣкъ. Они спятъ на едва прикрытой камышемъ землѣ, головами къ окружности, ногами—къ центру. Въ центрѣ, у самыхъ ногъ рабочихъ виситъ большой котелъ, подъ которымъ нѣсколько разъ въ день разводится камышевый костеръ для варки пищи и чаю. Вѣтеръ подымаетъ изъ подъ котла тучи пепла и сора, слѣпитъ и засыпаетъ глаза. Такое жилье плохо защищаетъ рабочаго отъ холода, дождя и непогоды.

Пищу ватажные и тоневые рабочіе получаютъ отъ хозяевъ: чернаго хлѣба, пшена, фунтъ кирпичнаго чаю, и мелкой частиковой рыбы, сколько хочется. Но хлѣбъ выдается на недѣлю и обыкновенно съѣдается черствый. Калмыцкій чай пьютъ безъ молока и масла, въ слегка окрашенномъ кипяткѣ, который пьютъ съ хлѣбомъ безъ сахара. На ватагахъ пьютъ и русскій чай, т. е. изъ самовара, съ бѣлымъ хлѣбомъ и съ сахаромъ. На тоняхъ такъ питаются нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ, потому что купить нигдѣ нечего, а отлучиться съ тони тоже нельзя.

Несмотря на тяжелую жизнь и скудное вознагражденіе, ватаги всетаки привлекаютъ огромное количество людей, нуждающихся въ заработкѣ. Но долго обыкновенно на одной и той же ватагѣ рабочіе не уживаются и на слѣдующую весну нанимаются на другую ватагу, ради перемѣны мѣста.

VIII.

Дельта Волги.—Камыши и ихъ населеніе.—Устье Волги —Бирючья Коса.—12 футъ.

Отъ Астрахани еще цѣлыхъ девяносто верстъ до устья Волги, до Каспійскаго моря. Громадные, морскіе пароходы не доходятъ до самой Астрахани, а ожидаютъ публику у приморской пристани „Двѣнадцать футовъ“. Могучая широкая Волга расходится къ морю вѣерообразно въ видѣ широкаго трехугольника, на многія десятки верстъ въ длину и ширину, и на каждомъ шагу отдѣляетъ отъ себя протоки и рукава. Фарватеръ Волги мѣняется безпрерывно, такъ что, гдѣ сегодня было глубоко, чрезъ короткое время нанесены пески. Эти пески въ видѣ сотни отмелей, острововъ и островковъ то появляются изъ воды, то затопляются или вовсе смываются и исчезаютъ, а взамѣнъ ихъ, на другомъ мѣстѣ, рѣка наноситъ и образуетъ новые островки. Поэтому большіе пароходы не входятъ въ Волгу, а дожидаются

у „Двѣнадцати футовъ“ рѣчныхъ пароходовъ, которые плаваютъ по безчисленнымъ рукавамъ огромной рѣки.

Лоцману парохода нужно хорошо знать свой фарватеръ, чтобы не потеряться въ этомъ лабиринтѣ отмелей и острововъ. Всѣ здѣшніе острова—простые наносы песку, и всѣ похожи другъ на друга. Кругомъ каждаго зеленая береговая опушка изъ камыша и въ серединѣ—песчаный бугоръ. Мимо нѣкоторыхъ острововъ приходится проѣзжать довольно близко, и тогда отлично видны богатыя рыбацкія села, расположенныя на ихъ берегахъ, съ домами, крытыми тесомъ, или рыбныя ватаги съ тростниковыми „шишами“ и высокими ледниками. Кое-гдѣ на уединенныхъ островкахъ мелькаютъ небольшія рощицы осокорей, хутора и селенья, на зеленыхъ поемныхъ лугахъ бродитъ сытый скотъ, лошади и коровы, чернѣютъ стада овецъ; по пескамъ разведены арбузныя бахчи, посѣвы картофеля.

При хуторахъ и рыбныхъ ватагахъ виднѣются калмыцкія кибитки. Дальше уже начинается море камыша, непроходимые лѣса его.—«Куда ни глянешь, всюду камышъ,—говоритъ одинъ путешественникъ.—При малѣйшемъ вѣтеркѣ онъ киваетъ своими пушистыми султанами и шепчется, таинственно раскачиваясь толстыми пустыми стеблями.

На „Двѣнадцати футахъ“.

Точно стѣны, стоитъ онъ повсюду, образуя коридоры по берегамъ протоковъ, и глядитъ въ тихія и зеркальныя воды огромной рѣки. Изрѣдка только раздвинутся камыши и покажется песчаная тропинка въ водѣ. Нерѣдко среди камышевыхъ лѣсовъ проѣзжаетъ тяжело пыхтящій буксиръ съ длиннымъ хвостомъ баржъ. Въ иной баржѣ сто, въ иной—полтораста тысячъ пудовъ нефти, и такихъ махинъ ползетъ нѣсколько на буксирѣ одного парохода».

Весной, во время разлива Волги, здѣсь ничего, кромѣ воды, не видно. Все затопляется водой и торчатъ только верхушки рощъ, словно низенькіе кусточки.

Лѣтомъ придется огибать острова, замедлять ходъ, постоянно промѣрять дно, чтобы не налетѣть на мель, а весной такъ прямо плывешь надъ островами.

Среди камышей настоящее царство птицъ. Здѣсь имъ раздолье. Нѣкоторыя отмели усѣяны тысячами утокъ, чаекъ, журавлей. Вблизи рыбныхъ ватагъ, смѣло и надоѣдливо воруя рыбу, водятся громадныя стада баклановъ. Бакланы живутъ всегда стадами, занимаясь утромъ и вечеромъ ловлей рыбы и отдыхая послѣ охоты на песчаныхъ меляхъ. Иной разъ штукъ 200—300 такихъ рыболововъ оцѣпятъ небольшую бухту и

На дельтѣ Волги.

давай ловить рыбу, поѣдятъ ее и разсядутся по отмелямъ точно войско, вытянувъ голову и помахивая хвостами. Стада лебедей, всевозможныхъ утокъ и всякой вкусной дичи полюбили эти волжскія камышевыя дебри и ютятся повсюду по островамъ и рощамъ осокорей. Здѣсь же водятся толстоклювый, розовато-бѣлый уродъ, баба-птица или пеликанъ, съ ярко-красными глазами, обведенными желтой кожей, съ громаднымъ неуклюжимъ клювомъ, къ которому привѣшенъ широкій мѣшокъ.— «Когда мы подошли ближе къ далеко вытянувшейся желтой отмели, я увидѣлъ громадныхъ птицъ»,—говоритъ тотъ же путешественникъ.— «Все стадо было занято работой. Всѣ пеликаны чистились и смачивали свои перья жиромъ, хлопали крыльями, шевелили хвостами. Шумъ парохода произвелъ на нихъ очень мало впечатлѣнія. Нѣкоторые поглядѣли на насъ, а большинство продолжало работу».

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ больше сыпучихъ желтыхъ песковъ, тѣмъ Волга шире, тѣмъ даль туманнѣе. Сначала идутъ еще населенные острова, а потомъ попадаются уже пустынные. Иные совсѣмъ песчаные, ни одной былинки на нихъ не видно и горятъ на солнцѣ своими желтыми песками. Чѣмъ ближе къ Каспію, тѣмъ больше птичьяго гаму и стрекоту. Все чаще попадаются

рыбныя ватаги, все больше судовъ идетъ на встрѣчу. Со взморья дымомъ тянетъ, а ночью тамъ стоитъ багровое зарево — камышъ жгутъ, чтобы новый на мѣстѣ пожарища росъ.

А Волга все шире и шире. Правый берегъ изъ глазъ совсѣмъ исчезаетъ. Плывешь впередъ и не знаешь—море ли кругомъ, или великая кормилица рѣка все еще разстилается передъ тобой. Безграничный просторъ, голубое небо, вода голубая, только полоска берега — вотъ и все. Волга становится такой широкой, такой могучей, такой безбрежной, что кажется настоящимъ моремъ. Вездѣ парусныя суда и лодки; онѣ рѣютъ вдали и вблизи, впереди и сзади, вырѣзаясь на синевѣ моря живописными косыми парусами. Искрами сверкаютъ чайки на голубомъ небѣ. Пароходъ и пароходики безостановочно бѣгутъ и съ моря въ Волгу, и сверху, изъ устья великой рѣки, пыхтя своими трубами и обмѣниваясь оглушительными свистками. На бортѣ махаютъ бѣлымъ флагомъ, чтобы условиться съ встрѣчнымъ пароходомъ, какой стороны кому держаться.

Мало по малу качка становится замѣтною и увеличивается съ каждой минутой. Это начинается уже Каспійское море. Волга совсѣмъ незамѣтно вливается въ него. Вотъ уже и «Девять футовъ», гдѣ прежде останавливались морскіе пароходы,

Ерикъ.

теперь «Девять футовъ» обмелѣли и морскіе пароходы останавливаются на «12-ти футахъ». На «9 футахъ» вода еще грязно-бурая и прѣсная на поверхности, хотя въ глубинѣ уже совсѣмъ соленая. Могучій потокъ Волги не скоро теряется даже въ громадномъ морѣ, а прорѣзаетъ ее широкой полосой на много верстъ, не смѣшиваясь съ морской водой. Мѣстами вода здѣсь совсѣмъ черная или подернутая перламутровымъ налетомъ отъ утекающей изъ баржъ нефти.

Отъ 9 футовъ 25—30 верстъ до острова «Бирючьей косы». Ѣдутъ туда на лодкѣ.

„Бирючья коса“ это узкая коса съ желтыми сыпучими песками, ограниченная съ одной стороны голубымъ моремъ, съ другой—голубой рѣкой. На ея оконечности десятка два деревянныхъ домовъ и ватага. Коса съуживается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ что рѣку отъ моря отдѣляетъ сажень 10 — 12 песчанаго вала. Невольно засмотришься налѣво, на безграничный просторъ моря и голубую даль.

Бѣлыя чайки, точно кусочки расплавленнаго серебра, сверкаютъ въ воздухѣ. А еще выше черною точкой рѣютъ орлы-рыболовы и зорко высматриваютъ оттуда добычу. Очень далеко—на самомъ краю Каспія мерещатся суда, которыя не могутъ входить въ Волгу.

«Двѣнадцать футъ» первая морская пристань, гдѣ останавливаются огромные морскіе пароходы и откуда пассажиры пересаживаются на волжскіе пароходы. Тутъ же перегружаются и всѣ нефтяныя наливныя суда (въ одинъ часъ наливаютъ до 10 тысячъ пудовъ нефти). «12 футъ»—оригинальный плавучій городъ. Нигдѣ на цѣлую версту ничего, кромѣ пароходовъ, кораблей, баржъ. Все качается и суетливо двигается. Пароходы медленно тащутъ на буксирѣ цѣлую вереницу баржъ, налитыхъ нефтью, лодки снуютъ вездѣ, какъ извозчики на многолюдныхъ улицахъ столицы, плавучія пристани, плавучія конторы на якоряхъ, плавучіе бассейны для нефти. Разноцвѣтные флаги пароходныхъ компаній и торговыхъ фирмъ весело развѣваются на своихъ высокихъ шестахъ. Тутъ же плавучій маякъ, безъ устали мигающій своимъ огромнымъ глазомъ.

Эта плавучая пристань среди открытаго моря крайне неудачна для перегрузки товаровъ. Часто случается, что сильный вѣтеръ съ моря дуетъ нѣсколько дней и все время не даетъ судамъ перегружаться, а нерѣдко буря топитъ злосчастныя суда, которыя дни и даже недѣли ждутъ перегрузки среди бушующихъ волнъ, ничѣмъ не защищенныя отъ шторма. Но устроить среди открытаго моря пристань другого рода нѣтъ ника-

кой возможности; во время ледохода бурный Каспій сокрушилъ бы въ одно мгновеніе самыя крѣпкія сооруженія человѣка.

За «12 футами» виденъ въ открытомъ морѣ «маякъ четырехъ бугровъ» (бугромъ называется здѣсь островъ). Мало по малу Волга сливается съ Каспіемъ и исчезаетъ въ его безграничномъ просторѣ.

Конецъ.